

Министерство образования Российской Федерации

Омский государственный университет

И.В. ЛОТКИН

ПРИБАЛТИЙСКАЯ ДИАСПОРА СИБИРИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

УДК (571)
ББК 63.5(2)я73
Л 803

*Издание подготовлено при поддержке института «Открытое общество»
(Фонд Сороса. Россия)*

*Рекомендовано в качестве учебного пособия
учебно-методическим советом ОмГУ*

Рецензенты: канд. ист. наук М.Я. Устинова (г. Москва)
канд. ист. наук А.А. Беззубенко (г. Омск)

Лоткин И.В.
Л 803 Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность:
Учебное пособие. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – 164 с.

ISBN 5-7779-0420-3

На большом фактическом материале, собранном автором в 1980–1990-х годах, анализируются современные этнические и культурные процессы выходцев из Прибалтики, проживающих в Сибири.

В пособии на примере прибалтийских этнических групп даются системные знания об особенностях этнического самосознания, о сущности этнической идентичности, формах и способах межэтнической коммуникации.

Для студентов гуманитарных специальностей университетов, преподавателей и специалистов в области культурологии, социологии, политологии, культурной и социальной антропологии.

**УДК (571)
ББК 63.5(2)я73**

Издание
ОмГУ

Омск
2003

ISBN 5-7779-0420-3

© Омский госуниверситет, 2003
© И.В. Лоткин, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значительный объем в этнографической науке занимают исследования, посвященные малым этнографическим и этническим группам. Актуальность подобных работ обусловлена современными этническими процессами (этническая консолидация, интеграция, ассимиляция и т.п.), происходящими в мире, в том числе в нашей стране, и этнической историей данных групп.

Этнические группы, расселенные вне территории проживания основного этноса, представляют интерес как с точки зрения исторических условий их образования и дальнейшего развития, так и в качестве своеобразных моделей этнических процессов, возможных между близко расположенными и находящимися в культурных контактах народами. На примере таких групп можно выявить отдельные закономерности малых, а через обобщение и экстраполяцию – и больших этносов.

Изучение малых этнических групп становится актуальным также в свете все возрастающего интереса представителей этих этнических подразделений к своей истории и культуре и может способствовать лучшему пониманию проблем межнациональных отношений.

К числу малоизученных этнических групп относятся латыши, эстонцы, литовцы и финны, проживающие (или проживавшие) в Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областях и в Алтайском и Красноярском краях. По итогам переписи населения 1989 г., численность всех выходцев из Прибалтики составляет около 30 тыс. человек, большая часть которых проживает в сельских районах. Именно латышское, эстонское, литовское и финское население, проживающее в данный момент в Сибири или проживавшее там в определенные периоды XIX–XX вв., и будет являться объектом нашего изучения.

Цель данного спецкурса – дать всесторонние сведения об истории и этнографии выходцев из Прибалтики, переселившихся в Сибирь в XIX–XX вв., показать влияние демографических, исторических и культурных факторов на ход, направленность и результат этнических процессов у малых этнических групп.

Курс призван решить следующие задачи:

- дать основные сведения по истории и этнографии прибалтийских переселенцев, сформировать принципы и подходы рассмотрения этнографического материала в конкретном историческом исследовании;
- ознакомить студентов с основными этапами развития зарубежных и отечественных исследований по истории и этнографии балтийских дисперсных этнических групп, показать роль и значение этих исследований;
- дать всестороннее представление о культурной и языковой адаптации этноса в иных природно-географических условиях и в конечном итоге показать роль выходцев из Прибалтики в социально-экономическом, политическом и культурном развитии Сибири;
- развить навыки студентов в использовании научной литературы и музейных коллекций.

ВВЕДЕНИЕ

Оторвавшиеся от основного этнического массива сравнительно недавно (первые прибалтийские поселенцы появились в Сибири в начале XIX в.), сибирские латыши, литовцы, эстонцы и финны представляют значительный интерес для анализа изменений, происшедших за этот период в их традиционной культуре, языке и самосознании в результате контактов с окружающими их народами и национальными группами – русскими, украинцами, немцами, казахами, татарами, чувашами, а также между собой.

Базовым в данном учебном курсе является понятие «диаспора».

В советском обществоведении длительное время превалировало традиционно устоявшееся понимание диаспоры: «а) в узком смысле – совокупность всех мест расселения евреев по странам мира вне Палестины; б) в широком смысле – для обозначения мест расселения тех или иных этнических групп, оторвавшихся от своей этнической основы: армянская диаспора, ирландская диаспора и т.д. ...»¹.

Как видно, авторы «Свода этнографических понятий и терминов», выражая утвердившееся среди советских этнографов мнение, в первую очередь имели в виду так называемые «мировые диаспоры», а по отношению к рассеянным частям народов, проживающим на территории СССР, как правило, употребляли такие термины, как «этническая группа», «национальная группа», иногда «национальные меньшинства».

Автор в целом солидарен с этим мнением, исключая, пожалуй, термин «национальные меньшинства», поскольку иногда неясно, идет речь о демографических характеристиках этноса или этнической группы или имеется в виду их более низкий социальный статус.

Ситуация с пониманием диаспоры резко изменилась в результате распада СССР. В первую очередь качественное изменение произошло в ее содержании – из термина², отражающего лишь одну сторону бытия, а именно рассеянное состояние этноса, когда отколовшиеся его части оказывались в инонациональном окружении, она трансформировалась в более широкое и емкое понятие³. Последнее, в отличие от термина, являясь

обобщенной формой абстракции, выражает сложные многогранные явления.

В этом новом качестве «диаспора» в отечественной этнологии изучена явно недостаточно. Однако то, что к изучению диаспоры подключились авторитетные специалисты⁴ нашей страны и даже начал издаваться специальный журнал⁵, позволяет надеяться на заполнение пробела в комплексном, междисциплинарном изучении процесса формирования диаспор, логики их внутреннего развития, проблем их взаимоотношения с принимающим обществом, а также организацию обсуждения адекватности понятия «диаспора»⁶ по отношению к рассеянным частям народов постсоветского пространства. Необходимы глубокие и фундаментальные исследования, которые могли бы обосновать правомерность, либо, наоборот, неправомерность употребления «диаспоры» как термина или понятия в их отношении.

Говоря о социально-культурной адаптации прибалтийских переселенцев в Сибири, очень важно определить модель этой адаптации, которой следовало государство на различных исторических этапах. Нам представляется наиболее точной классификация данных моделей, разработанная доктором А. Эпштейном (научный сотрудник Иерусалимского института «Шалем» (Израиль))⁷.

По его мнению, идея так называемого «плавильного котла», которая была крайне распространенной как в Израиле, так и в англосаксонских демократиях в 1950-е годы, предполагает, что вновь прибывшие полностью откажутся от бывшей социально-культурной идентификации и максимально быстро освоят язык и культуру доминантной группы новой для них страны. Согласно этой модели благом (как для общества в целом, так и для самих иммигрантов) является максимально быстрое приобщение иммигрантов к системе ценностей, принятых в новом обществе.

А. Эпштейну представляется, что данная модель отжила свой век: многие страны (и в их числе Израиль) фактически взяли на вооружение другие модели, которые могут быть охарактеризованы как «промежуточные» между моделью «плавильного котла» и ситуацией подлинного культурного плюрализма.

Первая из этих моделей может быть охарактеризована как «временный мультикультурализм». В этом случае признается временное со-

хранение иммигрантами культуры стран исхода, однако предполагается, что в обозримой перспективе иммигранты все же пройдут процесс аккультурации.

Вторая модель, которая может быть охарактеризована как «этнографический мультикультурализм», допускает сохранение иммигрантами отдельных менее значимых компонентов идентичности, принятой в странах исхода (например, стиль одежды, любимые блюда и т.д.), при повсеместном принятии ими основополагающих культурных ориентаций, принятых в новом обществе.

Третья модель, определяемая как состояние «сепаратного плюрализма», не предполагает никакого взаимодействия между различными общинами внутри общества: каждая община сохраняет свою обособленность и свои специфические черты, не стремясь к конструктивному диалогу с представителями других общин. При этом отсутствует иерархия между культурами различных общин: каждая из них признается легитимной, обладающей равными правами в рамках данного социального пространства.

В связи со всем вышесказанным в рамках данного курса нам предстоит ответить на следующие общие вопросы:

1. В какой степени проблемы социально-культурной адаптации прибалтийских переселенцев в Сибири нашли отражение в работах отечественных и зарубежных авторов?

2. Существовала ли у эстонцев и финнов (и, возможно, в меньшей степени у латышей и литовцев (латгальцы в данном случае рассматриваются вместе с латышами) модель «сепаратного плюрализма»? Если да, то когда и в силу каких обстоятельств она стала исчезать?

3. Какую роль на этническое развитие прибалтийской диаспоры оказали демографические и миграционные процессы?

4. Можно ли рассматривать переход к русскому функциональному моностилизму в языке сибирских латышей и эстонцев и преобладание общероссийских форм культуры наряду с повсеместным сокращением зоны этнической специфики в языке и культуре данных национальных групп как свидетельство их перехода к модели «этнографического мультикультурализма»?

Наряду с общими вопросами будут рассмотрены и ряд специальных, представляющих, на наш взгляд, большой интерес:

1. О дате основания ряда прибалтийских колоний и об этническом составе их населения.

2. Как складывались межэтнические отношения латышей, эстонцев, литовцев и финнов с окружающим их населением Сибири (главным образом с русскими) на различных этапах дореволюционной, советской и постсоветской истории?

3. Насколько глубоко были латышско-латгальские противоречия (особенно в колониях и городах, где эти группы тесно контактировали)?

4. Что оказывало главное влияние на решение прибалтийских колонистов покинуть Сибирь или остаться во время оптационной кампании 1920–1923 гг.? Как изменилась география расселения прибалтийских колонистов после оптации значительной частью эстонцев, латышей, литовцев и финнов гражданства своих государств?

5. Как влияли межэтнические контакты сибирских латышей и эстонцев на развитие латышско-русского и эстонско-русского двуязычия, а впоследствии и переход их на русский функциональный моностилизм; было ли это влияние взаимным?

6. Можно ли рассматривать латышскую и эстонскую культуру в Сибири в 1920–30-х годах как симбиоз дореволюционных и советских форм?

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциологические категории. Вып. 6. М., 1995.

² Термин – это слово или сочетание слов, употребляемое с оттенком специального научного значения // Советский энциклопедический словарь. М., 1990.

³ Понятие – это мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и существенные связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними // Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

⁴ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2; Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2; Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.

⁵ В 1999 г. в Москве начал издаваться журнал «Диаспоры. Независимый научный журнал» (периодичность – два раза в год; тираж – 500 экземпляров; учредители – В.И. Дятлов, И.А. Мадий, В.Ю. Рабинович).

⁶ Дятлов В.И. К читателям // Диаспоры. Независимый научный журнал. 1999. № 1.

⁷ Эпштейн А. Репатриация и интифада // Вестник ЕАР (Еврейское агентство в России). 2002. № 3 (68).

Глава 1. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИБАЛТИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ СИБИРИ РОССИЙСКИМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ УЧЕНЫМИ

В историко-этнографической литературе проблемы истории и этнического развития различных групп латышей и эстонцев, живущих за пределами основной территории расселения своих этносов, получили определенное освещение.

О лютеранских колониях на Оми и в Минусинской котловине в 1860–1890 гг. писали В. Гаупт¹, Н.М. Ядринцев², Н. Лассман³, тогда же появились публикации в периодической печати⁴.

Сведения о прибалтийских поселенцах, содержащиеся в этих работах, носят крайне противоречивый характер. Так, по мнению Н. Лассмана и Н.М. Ядринцева, прибалтийские колонисты питали отвращение к честному труду. Идеолог сибирского областничества Н. Ядринцев назвал лютеранские колонии на Оми «пандемониумом несчастий и преступлений». Приводимые им сведения о быте латышских и эстонских колонистов зачастую носят неправдоподобный, а иногда и гротескный характер. Например, он обвинил латышей в ограблении омского почтамта в 1877 г. Безусловно, Н. Ядринцев выражал интересы зажиточного сибирского крестьянства, которое со страхом и ненавистью относилось к «инородцам без креста». Однако нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что жители лютеранских колоний были административными ссыльными, и среди них действительно было немало лиц, склонных к правонарушениям.

Газета «Народное богатство», наоборот, писала, что эстонские колонисты в деревне Ревель трудились охотно и прилежно. Вероятно, автор заметки имел в виду все-таки не ссыльных, переселившихся в Омскую колонию из д. Рыжково, а сосланных в Сибирь участников восстания в Махтра в 1858 г., которые в отличие от административных ссыльных действительно были трудолюбивы.

Основным недостатком вышеупомянутых публикаций является то, что они носят отрывочный и чисто описательный характер.

На рубеже XIX–XX вв. в связи с ростом добровольного переселения жителей Прибалтики во внутренние районы России в Прибалтийском крае усилился интерес к своим соотечественникам, покинувшим

родину. В 1900 г. в Тарту вышла работа кистера Й. Меомуттеля⁵, где он попытался обобщить сведения об эстонских колониях в России, а также о состоянии школьного и религиозного воспитания в этих колониях. Всего в труде Й. Меомуттеля упомянуто 125 эстонских поселений в России. Что касается Западной Сибири, то кроме старых лютеранских колоний автор упоминает о деревнях Орава и Золотая Нива, основанных добровольными переселенцами.

Значительное внимание уделялось также переселенцам, прибывшим в Сибирь из Латвии. В 1909 г. в газете «Druva» («Нива»), выходившей в Санкт-Петербурге на латгальском языке, появилась статья К. Скринды «Где живут латыши, которые выехали в Сибирь»⁶, в которой автор указывает на бедственное положение латгальских крестьян, оказавшихся в Сибири. В 1912–1913 гг. публикуется цикл статей М. Скуйниека по иммиграции и эмиграции в Латвии со времен Ивана Грозного до начала XX в., включая переселение латышей и латгальцев в Сибирь⁷. М. Скуйниекас приводит данные о численности некоторых латышских колоний в Сибири.

О финских колониях в Сибири писал финский пастор И. Гране в своей работе «Шесть лет в Сибири», где он в несколько идеализированной форме рассматривает переселение финских колонистов из д. Рыжково в Омскую колонию. Историю и быт финских поселенцев И. Гране рассматривает с точки зрения духовного призрения за ними. В 1993 г. отрывки из книги И. Гране были опубликованы в альманахе «Омская старина»⁸.

Деятели революционного движения в Прибалтике также уделяли внимание своим соотечественникам, уехавшим в Сибирь. Так, известный эстонский революционер В. Кингисепп протестовал против распространения среди поселенцев националистической идеологии⁹.

Интерес к переселенцам из Прибалтики проявляли не только их соотечественники, но и сибирские исследователи. Так, в 1914 г. выходит «Справочная книга Омской Епархии», в которой получили освещение некоторые прибалтийские населенные пункты, в числе которых село Чухонское (колония Рыжково) Тобольской губернии, Тюкалинского уезда; село Золотая Нива «...половина населения лютеране – эстонцы из Лифляндской губернии»; поселок Салтыковский «...в поселке Салтыковском, находящемся в районе прихода (село Царские Колодцы), есть школа ис-

ключительно для латышей, так как поселок Салтыковский состоит из одних только латышей»; имеются также упоминания о некоторых эстонских поселениях (Лилейка и Эстонка)¹⁰.

Интерес представляют также работы известного дореволюционного исследователя переселенческих проблем А.А. Кауфмана, который отмечал, что выходцы из Балтии в Сибири заселяли 35,9% лесных, 35,1% степных и 29,0% лесостепных участков. «В среде переселенцев, – писал он, – действительно, встречаются такие, которые ведут образцовое, даже и не только для своего района, хозяйство. В глухом тарском урмане мне пришлось попасть в только что за год пред тем возникшие латышские поселки: за один год латыши расчистили из под глухого леса широкие квадраты пахотных полей – и не только расчистили, но сняли покрывавший почву густой войлок мертвой травы и мха, который, перепрев, должен был пойти на удобрение почвы. ...На усадьбах, кроме чистых и просторных жилых домов, у некоторых были готовы теплые хлева и сеновалы, словом, можно было вообразить себя где-нибудь в окрестностях Дерпта или в имении новгородского помещика, раздавшего землю под хутора эстонцам и латышам»¹¹.

В 1918 г. в Тарту вышла монография пастора А. Ниголя, где автор дал характеристику всем эстонским колониям в России. В его работе упомянуто 347 эстонских поселений, и в отличие от своих предшественников он перечисляет также города, где осели переселенцы из Эстонии¹². Вместе с тем в монографии А. Ниголя допущено немало фактических ошибок при указании местоположения эстонских поселений и дат их основания. Так, по его данным, колония Рыжково была основана в 1843 г., тогда как большинство авторов считают, что это поселение возникло в первом десятилетии XIX в., а село Поливановка, расположенное на территории нынешнего Азовского района Омской области, по мнению А. Ниголя, находилось к западу от Омска¹³.

В монографии приводятся интересные сведения о природных и климатических особенностях регионов, в которых оказались выходцы из Эстонии, о хозяйственных занятиях и культурной жизни переселенцев. Основной вывод А. Ниголя, к которому впоследствии присоединились большинство эстонских исследователей, заключается в том, что сохранение традиционной культуры той или иной этнической группы определя-

ется ее величиной, географической компактностью и изолированностью от других групп.

Монография А. Ниголя (выпущенная в 1918 г., она тем не менее базировалась на материалах, собранных до революции), таким образом, венчает дореволюционный период исследования прибалтийских колоний в Сибири. Несмотря на определенную отрывочность, исследования этого периода в целом позволяют проследить общую картину переселения латышей, эстонцев и финнов в Сибирь.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в СССР издаются несколько работ прибалтийских авторов по проблемам этнической истории латышей и эстонцев в России. К ним в первую очередь относятся две монографии К. Шкиллера, посвященные истории формирования латышских колоний в России, а также участию латышских поселенцев в Гражданской войне¹⁴.

Особый интерес представляет работа «Latkoloniju vēsture» («История латышских колоний»), где приводится список всех латышских и латгальских поселений в Сибири и существовавших в них культурно-просветительных учреждений¹⁵.

В 1932 г. Я. Баллод и А. Эйсуль опубликовали в «Сибирской Советской энциклопедии» статьи о латышах и латгальцах Сибири¹⁶. В работе Я. Баллода значительное внимание уделяется социальному расслоению среди латышского крестьянства в Сибири и участию латышей в Гражданской войне. В статье А. Эйсуля наиболее ценными нам представляются сведения о хозяйстве и традиционной культуре латгальцев в Сибири. Так, например, он пишет о широком распространении знахарства в этой национальной группе.

Не меньший интерес представляет докладная записка в Ленинградский областной политпросвет от 30 июня 1928 г. (приложение 1.1). Этот документ интересен тем, что латышско-латгальский конфликт местного значения рассматривается на широком историческом фоне. Идеализируя время шведского владычества в Прибалтике, авторы в то же время негативно отзываются о роли царских чиновников, которые не только разорвали единое латышское этнографическое пространство, присоединив Латгалию к Витебской губернии, что имело тяжелые последствия для экономического и культурного развития данного региона, но и лишили Латгалию печатного слова после подавления польского восстания 1863 г.

Хотя вышеуказанный конфликт происходил в Ленинграде, аналогичная ситуация имела место и в других регионах СССР, в том числе в Сибири. Неграмотные и невежественные латгальцы, находясь под сильным влиянием католического духовенства, недолго любили образованных латышей, достаточно равнодушных в массе своей к религии; в то же время латыши смотрели на латгальцев свысока, что действительно затрудняло культурно-просветительную работу среди последних.

Изучением экономики, быта и культуры эстонцев в СССР занималось созданное в 1925 г. Эстонское научное общество. Председателем правления этого общества был избран Я. Анвельт. На заседании 10 января 1932 г. аспирант Э. Паклар представил рукопись монографии «Поселения эстонцев в СССР». Впоследствии Э. Паклар продолжал работать над этой темой, однако в конце 1930-х годов он и его научный руководитель профессор Х. Пегельман были репрессированы. Рукопись и архив автора до сих пор не найдены. Из исследований Э. Паклара опубликованы только сведения о численности эстонских поселений (498) и крестьянских хозяйств (22 265) накануне коллективизации¹⁷.

Интересный фактический материал о жизни латышских и эстонских поселенцев в Сибири в 1920–1930-е гг. регулярно появлялся на страницах латышской газеты «Sibīrijas Cīņa» («Борьба Сибири»), эстонских газет «Siberi tööline» («Сибирский рабочий»), «Siberi teataja» («Сибирский вестник»), «Kommunaar» («Коммунар») и др., а также латгальской «Taisneiba» («Правда»). Отметим также, что прибалтийская пресса в Сибири не только публиковала интересный материал о жизни эстонских, латышских и латгальских колонистов, но и создавала для этих национальных групп единое информационное пространство. Именно благодаря прессе выходцы из Прибалтики знали о своих соотечественниках, живущих в других районах как Сибири, так и Советского Союза в целом.

Интерес к своим соотечественникам, живущим в Сибири, проявили также историки Латвийской республики. Результаты их исследований по этому вопросу были опубликованы в многотомном издании «Latviešu konversācijas vārdnīca» в 1933 и 1939 гг.¹⁸ В данных статьях приведены подробные сведения по расселению и численности латышей в различных регионах России, в том числе в Сибири, при этом в статье «Kolonijs latviešu» («Латышские колонии») приведен полный перечень латышских поселений Российской империи за пределами Латвии, что делает данную

статью ценным историческим источником, не утратившим своей актуальности и по сей день.

В конце 1930-х годов по Сибири прокатилась волна репрессий, были закрыты латышские и эстонские школы, ликвидированы газеты и журналы, и следующие публикации о сибирских латышах и эстонцах появились только четверть века спустя.

В 1964 г. в газете «Омская правда» была напечатана статья А.Д. Колесникова «Как тебя звать, деревня?», где упоминается о прибалтийских поселениях в Омской области, а в 1966 г. появилась его статья «О национальном составе населения Омской области»¹⁹.

По мнению А.Д. Колесникова, с которым не согласны большинство исследователей, первыми прибалтийскими поселенцами в Сибири были не латыши, а эстонцы.

В 1967 г. появилось несколько публикаций, посвященных сибирским латышам и эстонцам. О культурном подъеме в сибирской деревне в 1920–1930-х годах рассказывает статья В. Грюнберга «Об одной сибирской эстонской газете», опубликованная в журнале «Коммунист Эстонии»²⁰. Автор анализирует структуру и содержание газеты «Siberi tööline» и ее роль в хозяйственном и культурном просвещении эстонских колонистов.

Цели «Siberi tööline», по мнению автора, были следующие:

- 1) защищать интересы рабочих и крестьян;
- 2) держать читателей в курсе событий общественной и политической жизни СССР и других государств;
- 3) освещать в статьях и обзорах вопросы политической жизни СССР и других государств;
- 4) давать эстонским поселенцам практические советы по вопросам сельского хозяйства, кооперативной и культурной работы;
- 5) отражать жизнь эстонских поселенцев и устанавливать связи со всеми эстонцами СССР;
- 6) освещать жизнь в Эстонии, показывая политическое банкротство белой Эстонии²¹.

Период НЭПа в прибалтийской сибирской деревне исследует Л.В. Малиновский в работе «Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928 гг.)»²². По его мнению, к моменту коллективизации у сибирских латышей и эстонцев сложилось развитое хутор-

ское хозяйство капиталистического типа²³. Мы еще вернемся к этому выводу при рассмотрении этнической истории сибирских латышей и эстонцев, но хотелось бы отметить, что говорить о «развитом хозяйстве капиталистического типа» у сибирских латышей и эстонцев вряд ли правомерно, поскольку оно обычно характеризуется повсеместным применением наемной рабочей силы, а применение труда батраков в хозяйстве латышских и эстонских колонистов в 1920-х годах было ограничено.

Вопрос о деятельности латышских и эстонских секций РКП(б) в Сибири затронут в монографии Я.Ш. Шарапова²⁴. В том же году на всесоюзной студенческой конференции в г. Вильнюсе были опубликованы тезисы И. Тынуриста²⁵ – первая работа по этнографии латышей и эстонцев Красноярского края, представляющая для нас большую научную этнографическую ценность.

Особое значение имеет кандидатская диссертация Дз. Виксны «Латышская советская культура в Советском Союзе в 20–30-х годах»²⁶. Правда, материалы о культуре сибирских латышей, представленные в этой работе, немногочисленны и отрывочны, но зато даются исчерпывающие сведения о строении и функционировании латышских культурно-просветительных организаций в СССР в 1920–1930-х годах. Серьезное внимание в этой работе уделено распространению латышско-русского двуязычия в этот период. Так, по данным Дз. Виксны, в 1927 г. в школах с полным или частичным преподаванием всех предметов на латышском языке училось 35,1% всех латышских детей школьного возраста, 61,8% – на русском, а 3,1% – на местных языках²⁷. Наверное, впервые в советской исторической литературе автор упоминает об уничтожении значительной части латышских культурных кадров в конце 1930-х годов в результате сталинских репрессий²⁸.

В 1970-х годах резко возрос интерес к деятельности латышских и эстонских партийных и комсомольских организаций в России в годы Гражданской войны и восстановительного периода. Эти вопросы освещены в диссертации Л.А. Голишевой²⁹, а также в работах А. Бейки³⁰ и В. Раевского³¹. В монографии В. Раевского наиболее примечательны материалы по оптации латышского гражданства и реэмиграции латышей на этническую родину в начале 1920-х годов.

Из работ по истории лютеранских колоний в Западной Сибири, написанных в этот период, можно отметить статью В. Злобиной³². По ее

мнению, первыми прибалтийскими колонистами в Сибири были ингерманландские финны, сосланные из Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Во второй половине 1970-х годов вышла в свет монография В. Маамяги «Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.)», где значительное внимание уделено хозяйственному, партийному и культурному строительству в сибирской эстонской деревне³³. В 1990 г. вышло второе издание этого труда, куда автор включил также материалы по традиционной культуре эстонских поселенцев в СССР и сталинским репрессиям конца 1930-х годов³⁴.

В первой половине 1980-х годов ученые Латвии уделяли немало внимания переселенческому движению в Латвии, в том числе и в Сибирь³⁵, а также процессам, происходившим в латышских колониях в России в годы НЭПа³⁶. В частности, Я. Беберс в своей статье указывает на высокую степень социального расслоения латышской деревни 1920-х годов, полемизируя с идеологами латышского кулачества, говоривших о «братском единстве» всех латышей.

В 1985 г. в тезисах Омской областной научной конференции «Социально-культурные процессы в Советской Сибири» была опубликована работа Л.В. Малиновского³⁷, где он говорит о необходимости углубленного изучения истории и культуры западных национальных меньшинств в Сибири (немцев, латышей, эстонцев и др.).

Из трудов зарубежных авторов первой половины 1980-х годов можно отметить монографии финского исследователя А. Юнтунена, посвященные ссылке финнов в Сибирь, где он также упоминает о прибалтийских ссыльных в Сибири³⁸.

Исследование сибирских эстонцев во второй половине 1980-х годов неразрывно связано с работами таллиннского лингвиста Ю. Вийкберга³⁹. На огромном фактическом материале он исследовал языковые контакты сибирских эстонцев с русскими, финнами, другими народами и этническими группами, а также выявил факторы, способствовавшие сохранению или утрате ими национального языка (приложение 1.2). Можно согласиться с Ю. Вийкбергом в том, что лексическое вторжение русских слов и выражений в эстонский язык буквально во всех сферах общественной жизни было следствием эстонско-русских культурных контактов, особенно расширившихся после коллективизации в сибирской

эстонской деревне. Впоследствии лексические заимствования привели к фонетическим и синтаксическим изменениям в эстонском языке.

1994 год был ознаменован прорывом в изучении балтийских национальных групп Сибири. В этом году новосибирский исследователь М.Н. Колоткин, ранее изучавший деятельность эстонских и латышских секций партии большевиков в Сибири в 1920–30-х годах, выпустил две монографии⁴⁰. Особенно интересна его работа «Балтийская диаспора в Сибири: Опыт исторического анализа 20–30-х годов», в которой М. Колоткин, используя материалы государственных и партийных архивов Сибири, а также русскоязычную прессу рассматриваемого периода, проанализировал политическое, экономическое и культурное развитие балтийских колоний в Сибири вплоть до конца 1930-х годов. Несколько снижают впечатление от работы ряд фактических ошибок при подсчете численности прибалтийских колонистов в Сибири, а также идеализация в заключении национально-культурной автономии как формы государственного устройства.

Большой научный интерес представляет публикация П.П. Вибе, вышедшая также в 1994 г., о крестьянской колонизации Тарского округа Тобольской губернии, в которой автор анализирует ситуацию на переселенческих участках и говорит о западных переселенцах, в числе которых были и латыши⁴¹.

В 1996 г. автор данного пособия опубликовал монографию «Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири»⁴². На материале, собранном в среде данных национальных групп в Омской, Томской, Новосибирской и Кемеровской областях, выявлены изменения в этническом самосознании, языке, а также в материальной и духовной культуре сибирских латышей и эстонцев.

В 2001 г. была опубликована работа новосибирского исследователя А.Ю. Майничевой «Эстонцы в верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения»⁴³. Ее полевые работы позволяют в какой-то мере восполнить имеющийся пробел и проследить особенности культуры жизнеобеспечения эстонцев в Сибири на примере формирования поселений и домостроения. (Работа выполнена при поддержке РГНФ, № 99-01-00058 «Малочисленные этнические группы некоренных народов Сибири: проблемы развития культуры жизнеобеспечения (на примере греков, эстонцев, белорусов)» с использованием ма-

териалов Западносибирского этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН 1998–1999).

Самым важным событием 2002 г. в изучении традиционной культуры сибирских латышей стала защита в г. Новосибирске кандидатской диссертации омского этнографа А.Б. Свитнева «Поселения и усадьбы латышей и латгальцев Западной Сибири (конец XIX – XX в.)»⁴⁴.

Представляется интересным замечание автора, что, появившись в Сибири в конце XIX в., хутор стал для западных нацменьшинств, в том числе и латышей, этномаркирующим элементом материальной культуры, который до настоящего времени сохраняется в исторической памяти сибирских латышей.

В ходе исследований А. Свитнева было установлено, что к началу XX в. в Западно-Сибирском регионе у латышей и латгальцев сложилось четыре основных типа планировки усадеб: 1) замкнутая прямоугольная усадьба со службами, расположенными по периметру двора (П-образная); 2) Г-образная; 3) трехрядная; 4) свободная застройка двора. В своей вариативности они представляли сооружения: а) с крытым двором, б) с открытым двором. При исследовании звеньев, образующих застройку двора, установлено, что до сегодняшнего дня латышский и латгальский дворы делятся на «чистый двор» (*seta, sete*) и «хозяйственный двор» (*lopa laiders*)⁴⁵.

Интересные исследования в 1990-х годах проводили и эстонские ученые⁴⁶. В 1997 г. в Эстонском литературном музее (г. Тарту) была проведена международная научно-практическая конференция «Эстонцы на чужбине (Царство Русское)», где многие доклады были посвящены проблемам традиционной культуры сибирских эстонцев. В середине 1990-х годов сотрудники этого музея А. Корб и А. Юргенсон написали ряд работ, посвященных традиционной культуре и фольклору сибирских эстонцев, а в 1997 г. вышла монография Х. Кулу о возвращении эстонцев из Западной Сибири на этническую родину в 1940–1989 гг.

Таким образом, в исследовании прибалтийских национальных групп Западной Сибири можно условно выделить три этапа:

1. Середина 1870-х годов – 1918 год – отрывочные сведения русских и прибалтийских ученых, а также периодических изданий по численности, расселению, хозяйству и быту данных этнических групп.

2. 1918 год – конец 1930-х годов – появление статей и монографий по этнической истории выходцев из Прибалтики в Сибири.

3. Середина 1960-х годов – начало XXI в. – работы историков, этнографов, лингвистов по проблемам истории (в том числе новейшей), хозяйства, традиционной культуры языковых взаимосвязей и современных этнических процессов у латышей и эстонцев Сибири.

В результате этих исследований к началу XXI в. сравнительно неплохо изучены этническая история данных национальных групп (особенно вопросы расселения и численности), языковые контакты сибирских эстонцев, но еще очень слабо исследована традиционная культура выходцев из Прибалтики и практически не рассматривались проблемы социально-культурной адаптации балтийских переселенцев в Сибири.

¹ *Гайнт В.* Колония ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа // Русское географическое общество. Записки Сибирского отдела. Иркутск, 1864. № 7. С. 16–31; *Он же.* Состояние колоний ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа. 1850–1865 гг. // Вторая памятная книга Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. СПб., 1865. С. 58–78.

² *Ядринцев Н.М.* Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири // Неделя. 1878. № 3.

³ *Лассман Н.* Минусинский округ – сибирская Италия // Прибалтийский листок. 1895. № 1.

⁴ Народное богатство. 1863. № 269; Сибирские ведомости. 1863. № 187.

⁵ *Meomuttel J.* Eesti asunikud laialises Vene riigis. Esimene katse sõnumid kõikide Eesti asunduste üle tuua. Jurjevis (Tartus): «Postimehe» trükikoda, 1900. 61 lk.

⁶ *Skrinda K.* Kur dzivoja latvieši, kas aizbrauce uz Sibīri // Dryva. 1909. Nr. 27.–35.

⁷ *Skujnieks M.* Ieceļošana un izceļošana Latvijā // Doms. 1912. № 6. 611.–615. lp.; 1913. № 7. 768.–777. lp.

⁸ Финские колонии в Сибири // Омская старина. 1993. № 1. С. 189–192.

⁹ *Kingisepp V.* Seltsid ja ühingud // Kiir. 1913. 26 veebr.

¹⁰ *Голошубин И.* Справочная книга Омской Епархии. Омск: Иртышъ, 1914. С. 554, 647, 654–658, 684, 822, 841, 853, 1073.

¹¹ *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 242, 382.

¹² *Nigol A.* Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus: «Postimehe» trükk, 1918. 92 lk.

¹³ Там же. Lk. 40, 43.

¹⁴ *Šķilters K.* Latkoloniju vēsture. M.: Prometējs, 1928. 144. lpp.; *Он же.* Pilsoņu karš un latvju kolonisti 1917.–1921. gg. Minska: SPPS tautas centralas izdevniecība, 1931. 67. lpp.

¹⁵ *Šķilters K.* Latkoloniju... Lp. 133.–137.

¹⁶ *Баллод Я.* Латыши // Сибирская Советская энциклопедия. М.: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. Т. 3. С. 26–28; *Эйсуль А.* Латгальцы // Сибирская Советская энциклопедия. М.: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. Т. III. С. 25–26.

¹⁷ *Маамяги В.* Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. С. 5.

¹⁸ *Kolonijas latviešu // Latviešu konversācijas vārdnīca.* R.: Gulbja apgadība, 1933. 9. sēj. 17113.–17142. sl.; *Rižkova // Latviešu konversācijas vārdnīca.* R.: Gulbja apgadība, 1938.–1939. 18. sēj. 36375.–36376. sl.

¹⁹ *Колесников А.Д.* Как тебя звать, деревня? // Омская правда. 1964. 28 января; *Он же.* О национальном составе населения Омской области // Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. Омск, 1966. Вып. II. С. 88–104.

²⁰ *Грюнберг В.* Об одной сибирской эстонской газете // Коммунист Эстонии. 1967. № 4. С. 44–51.

²¹ Там же. С. 45.

²² *Малиновский Л.В.* Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1967. Вып. 3. С. 202–213.

²³ Там же. С. 212.

²⁴ *Шарапов Я.Ш.* Национальные секции РКП(б). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. 273 с.

²⁵ *Тынурист И.* Современные эстонцы и латыши Минусинска // V Всесоюзная студенческая конференция: Тез. докл. Вильнюс, 1967. С. 39–41.

²⁶ *Виксна Д.* Латышская советская культура в Советском Союзе в 20–30-х годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига: Ин-т истории АН Латвийской ССР, 1967. 26 с.

²⁷ Там же. С. 15.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ *Голишева Л.А.* Национальные отделы в Сибири и их деятельность (конец 1919–1923 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. 24 с.

³⁰ *Бейка А.* Латышские секции РКП(б) и РКСМ в Сибири (конец 1919–1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1973. 24 с.; *Он же.* С коммунистами на переднем крае // Коммунист Советской Латвии. 1973. № 3. С. 79–81; *Он же.* Talājā Sibīrijā // Padomju Latvijas Sieviete. 1970. № 2. 6.–8. lр.; *Он же.* Cilveks, kuru neaizmirst // Сīņa. 1972. 8.

aug.; *Он же.* Latviešu padomju skola Sibīrijā // Skola un ģimene. 1973. № 4. 44.–46. lр.

³¹ *Раевский В.* Латышские секции РКП(б). Рига: Лиесма, 1976. 192 с.

³² *Злобина В.* Кто такие корлаки? // Советское финно-угроведение. 1971. № 2. С. 87–91.

³³ *Маамяги В.* Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). Таллин: Ээсти раамат, 1977. 235 с.; *Maamägi V.* Uut elu ehitamas. Eesti vähemusrahvus NSV Liidus (1917–1940). Tallinn: Eesti raamat, 1980. 183 lk.

³⁴ *Он же.* Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. 200 с.

³⁵ *Муравская Е.И.* Прибалтийские крестьяне-рыбаки в переселенческом движении на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы аграрной истории Латвии. Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1984. С. 55–78; *Она же.* Миграция прибалтийского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1986. 115 с.

³⁶ *Беберс Я.* Расслоение латышского крестьянства накануне коллективизации (1925–1928 гг.) // Вопросы аграрной истории Прибалтики. Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1982. С. 174–181.

³⁷ *Малиновский Л.В.* Изучение истории и этнографии национальных меньшинств Запада в Сибири (К постановке проблемы) // Социально-культурные процессы в Советской Сибири. Омск, 1985. С. 110–113.

³⁸ *Juntunen A.* Suomalaisten karkotaminen Siperiaan autonomian aikana ja karkotetut Siperiassa. Turku-Helsinki: Siirtolaisuustutkimuksia A 10, 1983. 210 S.; *Он же.* Ссылка финнов в Сибирь из автономного Великого княжества Российской империи и ссылки в Сибири. Хельсинки: Отдел по делам заключенных при Министерстве юстиции Финляндии, 1984. 10 с.

³⁹ *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые островки в Сибири. (Возникновение, изменения, контакты): Препринт ИЯО-41. АН Эстонской ССР. Отделение общественных наук. Таллин, 1986. 32 с.; *Он же.* Эстонские языковые островки в Сибири (возникновение, развитие, контакты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1989. 20 с.; *Вийкберг Ю., Раннут М.* Исторический аспект статуса языка (на материале эстонского языка): Препринт ИЯЛ-52. АН Эстонской ССР. Отделение общественных наук. Таллин, 1988. 36 с.

⁴⁰ *Колоткин М.Н.* Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа. Новосибирск, 1994. 164 с.; *Он же.* Латгальские поселенцы в Сибири. Новосибирск, 1994. 67 с.

⁴¹ *Вйбе П.П.* Крестьянская колонизация Тарского округа, Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Таре – 400 лет: Проблемы социально-экономического освоения Сибири. Омск, 1994. Ч. 1. С. 102–108.

⁴² Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. 256 с.

⁴³ Майничева А.Ю. Эстонцы в верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Барнаул. педуниверситета, 2001. Вып. 4. С. 80–83.

⁴⁴ Свитнев А.Б. Поселения и усадьбы латышей и латгальцев Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Омск, 2002 (электронный вариант).

⁴⁵ Там же. С. 155.

⁴⁶ Jurgenson A. Emakeele osast Siberi eestlaste etnilises identiteedes // Eesti kultuur võõrsil. Looe-Venemaa ja Siberi asundused. Tartu, 1998. lk. 126–140; Korb A., Peebo K. Eesti asundused I. Siin Siberi maa peal kasvanud. Tartu, 1995; Korb A. Eesti asundused II. Ei oska rääkimise möödi kõnelda. Tartu, 1996; Korb A. Eesti asundused III. Seitse küla Siberis. Tartu, 1998; Kulu H. Eestlaste tagasiränne 1940–1989. Lääne-Siberist pärit eestlaste näitel. Tartu, 1997.

Приложение 1.1

В ОБЛАСТНОЙ ПОЛИТПРОСВЕТЕ

В Ленинграде до империалистической войны и 1917 г. жило около 9–10 тысяч латгальцев. В настоящее время, благодаря войне и последующим событиям, их число, безусловно, уменьшилось. Но все же, по некоторым данным, предполагают, что их насчитывается не менее 2–3 тысяч.

По национальности латгальцы не что иное, как те же латыши, которые по своему происхождению принадлежат к литовской ветви арийцев. Но близко примыкая к семье балтийских славян, они ничего общего не имеют со своими соседями – эстами и германцами.

Придя из ближайших стран, где они занимались охотой и рыболовством, в занимаемый ими в настоящее время Прибалтийский край не раньше VII или VIII столетия, они перешли к земледелию. Когда в XII столетии явились немцы, то латышские племена вели уже вполне оседлый образ жизни мирного земледельческого народа.

Богатый продуктами земледелия, охоты и рыболовства Прибалтийский край, привлекая внимание немецких купцов в XII столетии очутился в сфере торговых операций великих держав и богатых торговых городов. Если первые немецкие купцы и обслуживающее их духовенство были приняты местным населением в качестве гостей, то за ними пришли закованные в железо и прекрасно вооруженные немецкие рыцари, которые частично истребили, а частично покорили жившие у берегов Балтийского моря племена. Следовательно, облагая туземцев данью, немецкие рыцари и соперничавшее с ними духовенство взяли на себя заботу «защищать и хранить» их. Таким образом, к началу XVI столетия как латыши, так и другие покоренные племена находились уже в полной крепостной зависимости от своих господ.

Государство, основанное немецкими рыцарями, просуществовало до 1560–61 гг., когда под ударами внешних врагов и в результате междоусобиц и интриг оно распалось. Страшная Ливонская война, почти совершенно опустошившая край, привела к разделу Ливонии. Латышский край, то есть Лифляндия и Латгалия, совершенно опустошенные, были захвачены поляками и вошли в состав польско-литовского государственного объединения, а Курляндия под протекторатом Польши сохранила свою независимость.

Объединенный латышский край оставался под властью Польши около 70 лет (до 1629 г.), когда в результате войны Лифляндия отошла к Швеции, а Латгалия, испытывая все ужасы крепостничества и шляхетской олигархии, стонала и изнемогала от непосильных поборов и духовного фанатизма еще около полутора столетий, то есть до первого раздела (1772 г.) этого подавляющего всякую свободу разлагающегося крепостного государства.

В Курляндии, которая имела ряд энергичных и деятельных представителей, процветали промышленность, торговля и искусства. Там личность не была так подавлена, поэтому народ, развиваясь, мог идти по пути прогресса.

Перейдя под власть Швеции, которая никогда не имела крепостного права, но, наоборот, король вместе с крестьянами и мелкой буржуазией, стараясь все больше и больше улучшать положение их, боролся против дворянства. Лифляндские латыши скоро позабыли кратковременное влияние польского периода, почти 50 лет которого падало на войны, которые Польша вела с Ливонией и Швецией. Следовательно, оставшийся 20-летний период – слишком короткое время, чтобы оно могло отразиться хоть сколько-нибудь на латышах. Поэтому, находясь около 100 лет под властью Швеции, 70 лет из которых были заняты периодом реформ, они (латыши), идя по пути прогресса, могли свободно развиваться в материальном и культурном отношении.

В силу последующих исторических событий вскоре все эти территории, населенные латышами, вошли в состав Российского государства, а именно: Лифляндия в 1710 году, Латгалия – в 1772 году и Курляндия – в 1795 году. Но вместо того, чтобы объединить все эти части в одно неделимое территориальное и этнографическое целое, Латгалию присоединили не к остальным латышским землям – Лифляндской и Курляндской губерниям, а к Витебской губернии, составной частью которой она оставалась вплоть до 1918 года.

Если лифляндские латыши впоследствии вместе с курляндцами уже до революционных действий 1840–60 гг. заставили царизм снять (в 1817–1819 гг.) последние путы крепостничества, мешавшие их свободному развитию, и быстро пошли по пути прогресса, создав богатую материальную культуру и обширную литературу по всем вопросам науки и знания, то это было, главным образом, результатом столетнего влияния

на них шведского периода, который все латышские старики считают самым светлым в жизни этой части народа. Этому способствовало также то обстоятельство, что Лифляндия и Курляндия после их присоединения к России, составляя самостоятельные административные округа и объединяя общие усилия на культурном фронте, успешно могли бороться за политические свободы.

Но Латгалия, оторванная от остальной части нации более трех с половиной веков, пережив 211 лет тягчайшего польского режима, и будучи около полувека в составе царской России, занимавшейся русификаторской политикой, в связи с польским восстанием 1863 г. была лишена всяких гражданских прав и печатного слова. Эта последняя темная полоса народной жизни длилась более 40 лет (до 1905 г.). Когда приближающаяся революционная буря в 1905 г., казалось, потрясает самые основы царизма, то последний, не устояв под напором грядущих событий, дал латгальцам кое-какие гражданские права и разрешил печатное слово.

Однако латгальцы, будучи экономически порабощены, подпав под полное влияние своих ксендзов, не менее бесправных основной массы, проповедующих награду в загробной жизни и ненависть к латышам-балтийцам, не соблюдающим постов и более свободомыслящим в вопросах религии и материалистического мировоззрения, в культурном отношении совершенно отстали.

Терпя жестокую материальную нужду и крайнюю земельную тесноту, латгальская беднота переселилась со своей родины в коренные русские города, особенно в Ленинград и губернии, образуя там целые колонии. Но эти переселенцы, не изжившие еще своего исторического прошлого, усвоенного ими уже с молоком матери и принесенного с собою на новые места – это совершенно безграмотная латгальская беднота, которая значительно отличается от остальных латышей по своему мировоззрению, говору-наречию и быту.

Так, из сообщений на разных конференциях известно, что 80% латгальцев, проживающих в СССР, безграмотны. Остальные 20%, среди которых очень незначительный слой интеллигенции и полунинтеллигенции, считаются грамотными.

Подобная безграмотная масса – весьма удобный материал для внедрения и упрочения в ней религиозного фанатизма. Вырвать ее из тисков духовенства, пьянства и разных пороков, вместе с тем освободив моло-

дежь от влияния старого поколения, можно только путем организации общественной жизни, поднятием культурного уровня и политико-просветительной работой.

Но собрать эту распыленную по всему городу и области латгальскую массу можно только при наличии подготовленного и знающего ее штата, с одной стороны, и при наличии необходимых для этого материальных средств – с другой.

В самом деле, придя в Латдомпросвет, латгальцы, не имея своих постоянных помещений и своего обслуживающего персонала, с которым легко находить общий язык, встречаясь с более развитыми латышами, чувствуют себя не в своей среде. К тому же среди латышей имеются и такие несознательные товарищи, которые подсмеиваются над латгальским говором, что отпугивает латгальцев от общения и срывает массовую просветительную работу.

30/VI – 28 г.

Председатель Выдан

Секретарь Павлин

(Государственный архив Новосибирской области.
Ф.Р.859. Оп. 1. Д. 10. Л. 105, 105 (об.), 106, 106 (об.))

Приложение 1.2

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ СИБИРСКИХ ЭСТОНЦЕВ

Значительное влияние оказал на эстонский язык финский. Это обусловлено сходством структур и словарного состава этих двух языков.

В языке сибирских эстонцев встречается множество финских заимствований: *ainagi* – во всяком случае, *iiv* – дрожжи, *kargulane* – военный беженец, *katualune* – навес, *kehnu* – убогий, *kerjalased* – нищие, *porsstuba* – сени, *vaiga* – *vaikka* – хотя, *vaaljas* – светлый.

Кроме имен существительных и прилагательных заимствовалось множество глаголов и выражений: *kahklema* – драться, резко спорить, *kargu minema* – скрываться, *heritsema* – стричь, *laadima* – собираться, планировать, *suu vuogu andma* – дать другому высказаться, *tabama* – падать.

Влияние латышского языка на эстонский, по мнению Л. Ваба, является периферическим. У эстонцев, живущих по соседству с латышами, наблюдается переключение с одного языка на другой, латышское управление и употребление латышских слов и выражений, произносимых на эстонский манер. Например, выражение (*tarklist*) *istutama* – осаждать (крахмал) происходит от латышского *nosēsties* – осесть, оседать.

Наибольшее влияние на эстонский язык оказал русский. Чтобы лучше передать объем и характер культурных влияний, примеры заимствований лексики приводятся по понятийным группам, сначала из более старых (а), затем из более молодых поселений (б).

I. Лексика, связанная с природой: а) *arbus* – арбуз, *tinn* – дыня, *grossa* – просо, *kedrapuu* – сибирский кедр, *pihtu* – пихта, *tabul* – тополь, *nugukas* – норка; б) *lisvend-lisveld* – лиственница, *tepp* – степь, *soolanits* – солончак, *moski* – мошка, *grundukas* – бурундук, *robra* – бобр, *andaatur* – ондатра.

II. Лексика, связанная с пищей и домашней утварью: а) *kalats* – калач, *pilmenid* – пельмени, *puugaakas* – бурда, *korsik* – горшок, *plaagu* – фляга, *sainik* – чайник, *toeska* – туес; б) *akroska* – окрошка, *hvoorost* – хворост, *sain* – чай, *ussakas* – ушат.

III. Лексика, связанная с одеждой и обувью: а) *kassonka* – косынка, *potnik* – потник, *tohha* – доха, *tulup* – тулуп, *pimmid* – пимы, *undad-untad* – унты; б) *tohha-tohaa*, *pimmid*, *untad*.

IV. Лексика, связанная со строительством и домохозяйством: а) *saimgas* – заимка, *ispuska* – избушка, *patvan* – подвал, *ovin* – овин, *tokk* – ток, *trubu* – труба, *kossakas* – оконный косяк; б) *huter-kuuter* – хутор, *imka* – заимка, *plaasta* – пласт (дерна).

Многие заимствования, как ранние, так и поздние, были приспособлены к фонетической системе эстонского языка. Главное ударение перешло на первый слог (*arbus*, *taigu*, *tohha*), сочетание согласных в начале слова заменилось одним согласным (*tepp*), не свойственные эстонскому языку звуки вытеснены иными (*panku*, *plaagu*), слова с основой на -а приспособлялись наряду со словами на -as (*kossukas*, *nugukas*, *saimgas*)

(Вийкберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири.

С. 15, 16, 22, 23).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. Рассмотреть работу Н. Семилуженского (Н. М. Ядринцева) «Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири» как исторический и этнографический источник.

2. Проанализировав работы И. Голошубина и А. Кауфмана, определить основные черты переселенческого движения из Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний в Сибирь.

3. Как оценивают А. Бейка, В. Раевский и М. Колоткин роль прибалтийских секций РКП(б) в Сибири в политической и культурной мобилизации латышских, литовских, эстонских и финских поселенцев?

4. Как определяет Л. Голишева термин «колония»? Согласны ли вы с этим определением?

5. В чем особенности экономического и культурного развития эстонцев Сибири по сравнению с другими регионами СССР по мнению В. Маамяги?

6. Каковы основные направления этнических процессов у сибирских латышей и эстонцев по данным И.В. Лоткина?

7. Согласны ли вы с точкой зрения А. Свитнева, что хутор был основной этномаркирующей чертой жилища латышей в Сибири? Обоснуйте ответ.

Глава 2. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ В XIX в. – СЕРЕДИНЕ XX в.

2.1. Появление первых прибалтийских колонистов в Сибири, расселение и численность их до 1917 г.

Первые ссыльные лютеранского вероисповедания появились в Сибири еще в середине XVIII в. Во времена правления Елизаветы Петровны, а позднее Петра III и Екатерины II в Тобольском центре находились сосланные шведы и финны. Появлению же первой лютеранской колонии в Сибири содействовал указ императора Павла I о заселении Забайкалья уголовными преступниками, изданный в 1799 г.¹ Однако она возникла первоначально не в Восточной, а в Западной Сибири. В начале XIX в. в Пановской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии была основана деревня Рыжково.

К сожалению, до сих пор точно не установлены ни дата основания колонии, ни национальность ее первых поселенцев. Здесь существует несколько версий. Так, например, в «Записке касательно духовного призрения ссыльнопоселенцев Евангелического вероисповедания в Сибири», датированной 29 сентября 1859 г., говорилось, что Рыжково с самого начала было назначено местом пребывания для ссыльнопоселенцев. Однако первыми поселенцами там были финны, переселенные туда по собственному желанию в 1803 г.; лишь с 1820 г. водворялись в Рыжково и ссыльные, и только по Высочайшему повелению, последовавшему в 1845 г., эта деревня была назначена сборным местом лютеран, ссылаемых в Западную Сибирь².

Чуть позже тобольский губернский евангелическо-лютеранский проповедник пастор Ф.В. Майер в рапорте на имя генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда писал, что колония Рыжково была основана в 1805 г. помещичьими финскими крестьянами, которые с соизволения императора Александра I добровольно переселились в Сибирь из-за разногласий, возникших между ними и их помещиками³.

В 1878 г. известный общественный деятель, один из идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцев опубликовал в газете «Неделя» статью «Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири», где указал, что

Рыжковская колония была основана в 1809 г. По его мнению, первые переселенцы (несколько семей из помещичьих крестьян лютеранского вероисповедания) были «доброй нравственности» и трудолюбивы. С 1845 г. к колонии начали причислять преступников-лютеран⁴.

В конце XIX – начале XX вв. большой интерес к своим соотечественникам, живущим за пределами этнической территории, стали проявлять эстонские исследователи. В 1918 г. в Тарту вышла монография пастора А. Ниголя «Eesti asundused ja asupaigad Venemaal», где он пишет, что Рыжково было основано в 1843 г.⁵

В 1928 г. в Новосибирске вышел справочник «Список населенных мест Сибирского края», где указывается, что деревня Рыжково, расположенная в 235 километрах от Омска, была основана в 1799 г.⁶

В 1930-х годах проблемой лютеранских колоний занимались историки Латвийской республики. В частности, в многотомном издании «Latviešu konversācijas vārdnīca» говорится, что Рыжково (Rižkova) – самая старая латышская колония в Сибири и что основали ее участники крестьянских восстаний в Видземе в 1802 г.⁷

Действительно, осенью 1802 г. в окрестностях Валмиеры, Буртниеки, Рауны и Цесиса произошли крупные волнения крестьян. Имение Каугуры (близ Валмиеры) стало центром вооруженного восстания крепостных. Восставшие требовали освобождения из-под власти немецких помещиков и причисления к государственным крестьянам, которые пользовались некоторыми гражданскими правами. Для подавления восстания правительство бросило значительные военные силы, включая артиллерию. Во время суда над вожаками восстания выяснилось, что некоторые крестьяне знали о революционных событиях во Франции⁸.

В 1966 г. омский историк А.Д. Колесников высказал мнение, что деревню Рыжково основали эстонские крестьяне в 1804 г., сосланные в Сибирь годом раньше из Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии за восстание против барона фон Унгерн-Штернберга⁹.

Однако исследователь из Петрозаводска В. Злобина считает, соглашаясь с вышеуказанной датой основания колонии, что ссыльные ямбургцы были не эстонцами, а корлаками-ижорцами и ингерманландскими финнами, которые близки по языку к ижорцам, но отличаются от них лютеранским вероисповеданием¹⁰. Эту точку зрения разделяет и таллинский лингвист Ю. Вийкберг¹¹.

В 1980 г. в сборнике «Проблемы исторической демографии СССР» латышский историк Х. Стродс фактически повторил версию своих соотечественников, написав, что деревня Рыжково со смешанным финско-латышско-эстонско-немецким населением была основана в 1802 г. По мнению автора, жители ее были в основном либо уголовными преступниками, либо политическими ссыльными, попавшими в Сибирь за участие в крестьянских восстаниях, бегство от рекрутского набора и др.¹²

А. Корб в исследовании этнографии сибирских эстонцев делает исторический экскурс развития эстонских поселений и склоняется к тому, что колония Рыжково была основана финнами-ингерманландцами, а приселение ссыльных эстонцев начинается только с 1820-х гг.¹³

Наконец, А.Б. Свитнев сделал попытку выяснить дату основания села и национальность ее первых колонистов у самих жителей деревни. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Большинство респондентов, рассказывая об истории поселения, не могли дать четкого ответа на вопрос: «Кем и когда было основано с. Рыжково?» Все информаторы говорили о том, что первые поселенцы были ссыльными из Прибалтики, а само поселение возникло в начале XIX в. «Я знаю, что Рыжково уже лет двести стоит, а основали его ссыльные из Латвии и Эстонии», – сказал старейший житель с. Рыжково С.Ф. Блумферт¹⁴.

На наш взгляд, последняя версия наиболее обоснованна, ибо само название деревни происходит от слова «Рига» (Rīga – Rižkova)¹⁵. Вероятно, первую лютеранскую колонию в Западной Сибири основали ссыльные видземцы – участники Каугурского восстания 1802 г. Позже в Пановскую волость прибыли ингерманландцы.

В начале 1820-х годов группа протестантских пасторов (Иоганн Густав Лютер, Росини, Пундани и др.) обратились к царю Александру I с просьбой собрать всех ссыльных лютеран – шведов, финнов, эстонцев, латышей и немцев – в одном месте, чтобы приобщить их «к честной жизни». В 1845 г. по указу царя Николая I все ссыльные лютеранского происхождения должны были переселиться в Рыжково и впредь селиться только в этой деревне, хотя до указа лютеране приписывались к Рыжковской колонии добровольно¹⁶. Тобольская губернская администрация выделила колонистам 18 тыс. десятин земли¹⁷.

Однако Рыжковская колония имела очень невыгодное местоположение. Она находилась не на реке, а у небольшого мелководного озера,

вдали от городов и других центров сбыта товаров. Почва была в основном неплодородная и сильно заболоченная, имелось много солонцов. Строевого леса было немного, причем в основном это был березовый лес, и начинался он только на расстоянии 10 верст от деревни. По сибирскому обычаю вокруг деревни располагались пастбища, а поля начинались лишь на расстоянии 4 верст, и если кто-то из поздних поселенцев пожелал бы выбрать поле, то был бы вынужден искать его на расстоянии 15 верст и более, что делало обработку земли практически невозможным¹⁸.

При этом следует отметить, что население Рыжково постоянно пополнялось. По одним данным, в 1846 г. там жили 900, а в 1859 г. – 1 653 человека¹⁹, а по другим – в 1859 г. в колонии проживало 1 300 жителей, и ежегодный прирост составлял 50–60 человек²⁰. При таком перенаселении колонистам не хватало не только земли, но и необходимого инвентаря, а также рабочего скота и лошадей. Более того, деградировали и приходили в упадок существовавшие ранее промыслы и ремесла. В частности, в Записке президента евангелическо-лютеранской консистории барона Е.О. Мейендорфа отмечалось, что с увеличением населения здесь исчезают скотоводство, садоводство и добывание дегтя²¹. (Что касается садоводства, то Е. Мейендорф в данном случае ошибался, так как эта отрасль появилась на территории нынешнего Крутинского района Омской области лишь в середине XX века).

Положение усугублялось еще и тем, что после указа 1845 г. в Рыжково появились «распутные бродяги», распространились драки, пьянство и воровство. Люди разных национальностей не уживались между собой²². Ввиду всех этих обстоятельств к 1859 г. от главной колонии отделилось 4 побочных: Казулино – в 45, Макарьево – в 108, Боярка – в 147, и Бутаково – в 333 верстах, жители которых, не найдя в Рыжково пропитания, лишились, таким образом, ближайшего духовного призрения со стороны пастыря²³. По другим данным, вместо указанного поселения Бутаково возникла деревня Бугене (Пудене), причем датой ее основания считается 1847 год, когда после крупного пожара в Рыжково в 1846 г. многие колонисты переселились на новые места²⁴.

Тобольский губернский евангелический лютеранский проповедник пастор Ф.В. Мейер и президент евангелическо-лютеранской консистории барон Е.О. Мейендорф, чтобы облегчить положение колонистов, стали

ходатайствовать о создании более крупного поселения для них. В частности, последний 29 сентября 1859 г. сообщил генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду, что Ф.В. Мейер выбрал место для новой лютеранской колонии. Это место находилось в Еланской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии на реке Оми в 80–100 верстах к востоку от Омска, в 150–200 верстах к юго-востоку от Рыжково и в 30 верстах от ближайшей русской деревни. По мнению барона Мейендорфа, почва в тех местах при довольно возвышенном местоположении образовывала хорошие поля и по большей части покрыта густым березовым и хвойным лесом, и существовали все условия для процветания будущей колонии. Ф.В. Мейер задумал основать три деревни – эстонскую, финскую и латышскую²⁵.

В 1861 г. на левом берегу реки Оми возникло 4 поселения. Эстонцы основали деревню Ревель (Virukula), латыши – д. Рига (Rīga), шведы и финны из Финляндии – д. Гельсингфорс (Helsingfors), а ижорцы и финны из Ингерманландии – д. Нарва (Narva)²⁶. К 1864 г. там уже проживало соответственно 25, 25, 44 и 18 семейств.

Появились в Еланской колонии и ссыльные. Это были в большинстве своем эстонские крестьяне, участники антикрепостнических выступлений 1858 г. Наибольшим размахом и жесточенностью отличалось выступление крестьян в местечке Махтра, в Северной Эстонии. Для его подавления правительство направило крупные воинские части. По распоряжению царя Александра II участники восстания были преданы военному суду. По приговору 33 крестьянина получили от 70 до 600 шпичрутен и были направлены на поселение в Сибирь²⁷. Более здоровые шли пешком, раненых везли на подводах. Женщинам и детям разрешалось следовать за своими кормильцами в «пустынный край». Не всем переселенцам удалось адаптироваться в новых условиях, но некоторые преуспели. Так, Антс Терциус умер только в 1900 г. в возрасте 80 лет зажиточным человеком²⁸.

Но материальное положение большинства колонистов было очень тяжелым. 110 хозяйств (включая все 16 хозяйств ссыльных) ходатайствовали о выделении им денежного пособия на общую сумму 3 045 рублей в рассрочку на 7 лет. Многие семьи вообще не обзавелись хозяйством, а в деревне Гельсингфорс из 63 хозяйств в наличии были только 29, а остальные находились в «бегах»²⁹. Однако вместо требуемых 3 045 рублей

колонисты получили только 480 рублей из расчета по 30 рублей на семейство³⁰. Ввиду этого, а также из-за систематического спаивания колонистов к концу 1870-х годов лютеранская колония на Оми пришла в полный упадок.

В 1840–1850-х годах возникли эстонские и латышские поселения и в Восточной Сибири. По данным И. Тынуриста³¹, в 1848 г. каторжные ссыльные, отбывавшие срок наказания в Минусинском остроге, основали деревню Верхний Суэдук, в 1859 г. возникла Нижняя Буланка, а в 1861 г. – Верхняя Буланка.

Иную версию выдвигает Ю. Вийкберг, ссылаясь на труды В. Гаупта. Он считает, что Верхний Суэдук основал ссыльный Юри Кулдмяэ из Пылтсамаа в 1850 г. В 1852 г. здесь было уже 7 хозяйств³².

Однако власти использовали Верхний Суэдук как место ссылки: с 1857 г. в эту деревню стали ссылать уголовных преступников. Так же, как и в Рыжково, представители разных национальностей здесь не ладили между собой. В 1858 г. отделились латыши и основали Нижнюю Буланку (позже туда прибыли немцы), в 1861 г. эстонцы основали Верхнюю Буланку, а в Верхнем Суэдуге остались, в основном, финны³³. В 1864 г. там числилось 55 хозяйств, в перечне душ – 387 человек, в Верхней Буланке соответственно 54 и 306, в Нижней Буланке – 59 и 429³⁴. Но большинство ссыльных были людьми беспокойными, многие из них отправлялись на заработки на золотые прииски, часть нанималась в качестве ремесленников, часть просто бродяжничала. Например, из 212 финнов, прибывших в Верхний Суэдук за 1861–1864 гг., действительно обосновались там лишь 16; в Верхней Буланке из 171 эстонца – 54, в Нижней Буланке из 185 латышей – 31³⁵.

Таким образом, в Восточной Сибири наблюдался тот же процесс распада лютеранских колоний, что и в Западной Сибири. Попытка царской администрации и евангелическо-лютеранской консистории создать колонии ссыльных лютеранского вероисповедания в Сибири потерпела крах. На наш взгляд, это было обусловлено следующими причинами. Во-первых, большинство колонистов было сослано в Сибирь за уголовные и административные нарушения закона и, находясь в подневольном положении, они не имели стимула к производительному труду, а порой питали к нему отвращение. Во-вторых, по истечении срока наказания большая часть ссыльных стремилась не столько обзавестись хозяйством в

Сибири, сколько вернуться на родину. Об этом, в частности, свидетельствует дело Егора Томаса, крестьянина из Рыжково, который в течение нескольких лет вместе с женой писал прошения, в том числе и на Высочайшее имя, с просьбой вернуться в Эстляндскую губернию³⁶. В-третьих, недальновидная и непоследовательная политика губернских властей также вела к разорению колонистов. С одной стороны, много делалось для создания новых колоний и «духовного призрения» за ними, с другой – поощрялось спаивание поселенцев, им отказывали в денежном пособии в тот момент, когда они больше всего в нем нуждались, и т. д.

В 1880–1890-х годах начался этап добровольного переселения крестьян в Сибирь.

Для развития переселенческого движения нужны были, во-первых, демографические предпосылки – относительное перенаселение. Эти предпосылки в Латвии проявились уже во второй половине XVIII в. Во-вторых, необходимы были социально-экономические предпосылки. Социально-экономическое угнетение, тщетность надежд на улучшение своего положения и нехватка земли в период феодализма его поздней стадии были налицо и явно увеличивались. В-третьих, требовались юридические предпосылки перенаселения, они были созданы законами 1817–1819 гг. об освобождении крестьян. Так, император Александр I подписал законы о безземельном освобождении крестьян от крепостной зависимости 23 мая 1816 г. для Эстляндии, 25 августа 1817 г. – для Курляндии и 26 марта 1819 г. – для Лифляндии³⁷.

Однако крестьянам не была обеспечена свобода в буржуазном понимании этого слова, и поэтому им приходилось завоевывать право на переселение из одной губернии в другую. Официально Положение 1849 г. о крестьянах Лифляндской губернии разрешало им менять место жительства³⁸, однако это право было ограниченным. Таким образом, переселенческое движение, как и становление капитализма вообще, тормозилось существующими общественными и правовыми отношениями³⁹.

По данным А. Вассара, число крестьян, фактически переселившихся в 1855–1863 гг. из Эстонии во внутренние губернии России, из-за чинимых препятствий и прочих трудностей оказалось незначительным и составило соответственно 0,3–0,8% от численности сельского населения Эстонии⁴⁰.

Тем не менее переселение началось, и если в 1850–1859 гг. в России было основано 5, то в 1860–1869 гг. – 40 латышских колоний. В 1860-х годах были также основаны 25 эстонских колоний (вместе с русскими деревнями, куда вселились латыши и эстонцы).

Однако в 1860–1870 гг. переселенцы направлялись в основном в Европейскую Россию. Так, в 1863–1865 гг. один из руководителей младолатышской Кр. Вальдемар организовал переселение крестьян из Курляндии в Новгородскую губернию. Переселилось 1 542 крестьянина, что составляло 51,8% всех желающих. Остальные были в основном батраки, которые не имели денег на покупку земли и устройство хозяйства⁴¹. В этот же период отдельные латышские поселения появились в Витебской, Могилевской, Воронежской губерниях и на Кубани⁴².

Сибирское направление переселения в этот период оставалось второстепенным. В 1860–1869 гг. в Сибири появились 4 латышские колонии (10% от числа всех основанных в России) и 2 эстонские (8%), причем все они были основаны ссыльными, а в 1870–1879 гг. прибалтийских поселений в Сибири не было основано вообще.

Остается пока неясным вопрос о дате основания деревни Ковалево Еланской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии. Так, авторы заметки в «*Latviešu konversācijas vārdnīca*» пишут, что Ковалево (Kovaleva) было основано латышами, выходцами из Еланской колонии в 1864 г.⁴³. А. Ниголь писал, что деревню основали эстонцы в 1890 г. Эту же версию отстаивает и Ю. Вийкберг⁴⁴. В «Списке населенных мест Сибирского края» указано, что деревня возникла в 1884 г. и к 1928 г. большинство жителей были эстонцы⁴⁵.

И.В. Лоткин долгие годы склонялся к точке зрения, что первыми жителями Ковалево были латыши, но впоследствии, в 1890-х годах в этой деревне появились эстонские колонисты и возобладали там численно. Однако его последние исследования опровергли это мнение. В «Списке населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольской губернии»⁴⁶ среди поселений Омского округа нет деревни Ковалево. Следовательно, это поселение не могло возникнуть в 1864 г., и скорее всего оно возникло в 1880-х годах.

Период 1880–1895 гг. ознаменовался бурным развитием капитализма в Прибалтике как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. В этих условиях усугубилось социальное расслоение латышского и эс-

тонского крестьянства. Социальная дифференциация характеризовалась следующими факторами: 1) наличием высокого процента сельскохозяйственного пролетариата; 2) незначительным числом бедных и средних крестьян, которые пользовались землей на правах собственников или арендаторов; 3) весьма сильным слоем средней и крупной сельской буржуазии. В Эстонии, например, 60–66% крестьянства не имело земли и кормилось продажей рабочей силы. Сельский пролетариат и бобыли составляли 72,5% всего населения, а зажиточное крестьянство, составлявшее 15,4% населения, владело 70% земли⁴⁷.

Указанные выше факторы создавали демографические предпосылки для миграции во внутренние районы страны. Но, во-первых, жизненный уровень сельскохозяйственного пролетариата в конце XIX в. был очень низок. Так, заработная плата в кулацких усадьбах при продолжительном рабочем дне на хозяйских харчах составляла в 1880-х годах лишь 60–80 рублей в год, батракам платили около 40 рублей⁴⁸. В первой половине 1890-х годов положение не изменилось. В 1895 г. газета «Прибалтийский листок», ссылаясь на газету «Сакала», сообщала, что в Феллинском уезде Эстляндской губернии жалованье годового работника колебалось от 65 до 90 рублей, а работницы – от 35 до 50 рублей⁴⁹. Все это существенно затрудняло миграцию – у батраков зачастую не было средств для переселения.

Во-вторых, в этот период в Прибалтике, особенно в Латвии, быстро развивалась промышленность, поглощавшая значительное количество рабочих рук. Так, в Риге и некоторых других городах строились металлообрабатывающие, вагоностроительные и химические предприятия, росла текстильная промышленность⁵⁰. Это также препятствовало переселению из Прибалтики в Европейскую часть России и в Сибирь. Поэтому переселение в Сибирь из Лифляндской и Курляндской губерний через Тюмень было крайне незначительным.

Основную массу переселенцев в этот период составляли жители Латгалии (Двинский, Режицкий и Люцинский уезды Витебской губернии). Аграрный строй Латгалии несколько отличался от аграрного строя Лифляндской и Курляндской губерний. Чрезмерная барщина, непосильные подати и повинности отягощали латгальских крестьян. Большинство крестьян жили в ветхих избах, впроголодь и в нищете. Обычно хлеба им хватало только до нового года⁵¹. Все это приводило к тому, что крестьяне

бросали свое имущество и бежали в Сибирь, где в 1896 г. ими была основана деревня Плетнево (Елизаветино). Переселенцы из Латвии в 1893 г. основали деревню Латышево⁵².

Существенно содействовало процессу переселения строительство Сибирской железной дороги, которую открыли для передвижения в 1894 г.⁵³

В 1897 г. в Сибири уже проживало 6 768 латышей и 4 082 эстонца⁵⁴. Большинство выходцев из Прибалтики проживало в Тобольской губернии, где осело 3 283 латыша (48,5% от числа всех проживавших в Сибири) и 2 047 эстонцев (50,1%). Крупнейшими населенными пунктами сибирских латышей и эстонцев были деревня Золотая Нива Покровской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии (432 эстонца), деревня Ковалево Локтинской волости Тюкалинского уезда (380 эстонцев и 112 латышей) и оправившаяся от эпидемии и пожара Рыжковская колония (519 латышей и 381 эстонец)⁵⁵.

Только в Тарском и Тюкалинском уездах проживало латышей – 3 112, эстонцев – 1 947, литовцев – 110, финнов – 888⁵⁶.

Среди зарегистрированных переселенцев Томской губернии в 1894 г. был 41 двор литовцев из Ковенской губернии, которые основали в окрестностях Томска и Каинска 5 отдельных поселков.

В 1896–1897 гг. переселенческое движение из Латвии в Сибирь достигло своего апогея. В 1897 г. в России возникло 73 латышские колонии⁵⁷, а всего за период с 1890 по 1899 гг. в России было образовано латышами 189 колоний, из которых 126 (66,7%) были в Сибири.

Активно шел процесс переселения и из Эстонии. В 1895–1900 гг. в России были основаны 23 эстонские деревни, а в 1899 г. эстонцы дошли до побережья Тихого океана, где образовалась деревня Новая Ливония⁵⁸ (Liivküla).

Переселялись в Сибирь и латгальские крестьяне. В конце XIX в. в районах Минусинска, Красноярска, Томска, Барабинска и Ачинска возникло немало колоний, основанных переселенцами из Латгалии. В 1896–1900 гг. через Челябинск в Сибирь проследовало более 43 тыс. поселенцев и ходоков из Витебской губернии, многие из которых были из Латгалии. Латгальцы уходили в Сибирь не только семьями, но и целыми деревнями. Некоторые продавали усадьбу и землю по 10, 20 и 30 рублей, а другие просто бросали ее. Часть переселенцев, истратив по дороге сред-

ства, не могла устроиться на новых местах, и, окончательно разорившись, вынуждена была вернуться на прежнее место жительства⁵⁹. Прибалтийские газеты в этот период уделяли большое внимание переселению крестьян в Сибирь. Газета «Uus Aeg» («Новое время») отмечала, что в Верроском уезде Лифляндской губернии в Сибирь собрались не только безземельные бобыли, но и хозяева, владевшие собственными участками, так как многие участки были обложены долгами, погасить которые было невозможно⁶⁰. Газета «Eesti Postimees» («Эстонский курьер») писала, что в Керстинской волости Феллинского уезда Лифляндской губернии 30 мызных батраков устроили сходку для составления прошения об исходатайствовании разрешения на переселение⁶¹.

Писала о прибалтийских переселенцах и сибирская пресса. Так, газета «Сибирская жизнь» давала очень высокую оценку «аборигенам Прибалтийского края – латышам», отмечая их трудолюбие и солидные агрономические знания (приложение 2.1).

Однако подавляющее большинство прибалтийских крестьян в этот период переселилось самовольно. Как сообщала газета «Прибалтийский листок», в 1899 г. из Курляндской губернии через Челябинск в Сибирь 53 ходока прошли самовольно, а получивших разрешение от властей – только 9. Из переселенцев той же губернии разрешение на переселение имела 1 семья, состоявшая из 4 человек, а самовольно прошли 150 семей (709 человек)⁶².

Неконтролируемое переселение крестьян за Урал вызвало беспокойство царской администрации в центре и на местах, так как помещичьи усадьбы лишались рабочих рук. Так, еще 4 февраля 1897 г. в Риге вышел циркуляр за подписью лифляндского губернатора, где до сведения населения доводился приказ министра внутренних дел принимать самые строгие меры по отношению к самовольным переселенцам и не давать им земли в Сибири. Мотивировалось это истощением запаса свободных земель⁶³.

Но это не остановило переселения. В марте-апреле 1897 г. из Юрьевского и Верроского уездов Лифляндской губернии в Сибирь выехало более 500 человек, причем 15 марта на станции Анцен произошли столкновения между уезжающими крестьянами и полицией⁶⁴. Но уже 15 мая 1897 г. около 200 крестьян вернулось на родину, так как земли в Сибири они не получили, а в Челябинске им пришлось жить в тяжелейших усло-

виях⁶⁵. Однако переселенческое движение продолжалось. Так, 16 марта 1900 г. со станции Лайсгольм Юрьевского уезда в Сибирь выехало 87 человек⁶⁶.

Всего с 1850 г. до начала XX в. из Латвии во внутренние губернии России и в Сибирь (не считая выбывших в Африку, США и Аргентину) переселилось 300 тыс. человек (15,5% населения края)⁶⁷. По данным переписи 1897 г., там находилось более 102 тыс. латышей, что составляло 7,1% от общего числа латышей, живших в Российской империи⁶⁸.

Эстонцев к концу XIX в. во внутренних губерниях России и в Сибири насчитывалось 110 тыс. человек (11% от общего числа эстонцев)⁶⁹.

В начале XX в. правительство стремилось направить колонизацию в таежные районы Тобольской, Томской и Енисейской губерний. Это было связано с тем, что Ишимский и Тюкалинский уезды на 91–94% были заселены и оставалось два направления – таежное и степное. Но районы Ишимской, Кулундинской, Барабинской и Бельгагачской степей были либо абсолютно непригодны для освоения, либо заселены выходцами с Украины и Южнорусских губерний, что и зафиксировано несколькими комиссиями⁷⁰.

В 1903 г. на Тарский переселенческий пункт прибыло 12 семей из Гробиньского уезда Курляндской губернии. Они отправились на закрепленный ходоками Верхне-Ишишевский участок Седельниковской волости. Там они стали строить жилище и расчищать пашню, а затем оказались в Поповско-Бобровской даче по реке Лиственичной, самовольно заняв участки⁷¹.

Министр иностранных дел И.Л. Горемыкин писал: «Опыт показывает, что прибалты легко приспособляются к хозяйству на самых неудобных землях и с выгодой могли бы быть использованы в качестве колонизаторов местностей, признаваемых малопригодными для водворения крестьян других губерний⁷²».

Всего в 1900–1904 гг. из Лифляндской губернии в Сибирь переселилось 3 075 человек, а из Курляндской – 390. В латышской части Лифляндской губернии наибольшее число крестьян переселилось из Валкского, Веденского и Рижского уездов, в эстонской – из Юрьевского и Верровского. Из Курляндской губернии в основном шли в Сибирь крестьяне Дундагского, Илукстского и Гробиньского уездов⁷³.

Столыпинский указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший выход крестьян из общины, придал новый импульс добровольному переселению в Сибирь. Хотя Прибалтийский край относился к старым районам хуторского расселения, переселение из Прибалтики в Сибирь в 1907–1909 гг. значительно возросло. Так, за указанный период из Лифляндской губернии в Сибирь переселились 5 041 человек, а из Курляндской – 1 196.

Характерной чертой этого периода являлось усиление миграции в Сибирь из Эстляндской губернии. В основном переселенцы брали проходные свидетельства и тарифные удостоверения в Златогорскую и Зырянскую волости Мариинского уезда Томской губернии, в Барнаульский и Кузнецкий уезды Томской губернии и Еланскую волость Тюкалинского уезда Тобольской губернии. Исключение составили лишь рыбаки Гапсальского переселенческого участка, которые направились в Южно-Уссурийский уезд Приморской области⁷⁴.

Большинство выходцев из Прибалтики селилось в Тобольской, Томской и Енисейской губерниях. Так, в Тобольской губернии обосновалось 3 308 человек из Лифляндской губернии, что составляло 29,8% от числа уроженцев этой губернии, переселившихся в Сибирь и на Дальний Восток, 1 785 – из Курляндской (59,8%) и 373 – из Эстляндской (11,1%).

Крестьяне смутно представляли, что их ждет в местах водворения, и тяготели к местам, заселенным земляками, и к более привычным почвенно-климатическим условиям, хотя далеко не всегда это было возможно⁷⁵.

Всего в 1900–1909 гг. в России образовалось 102 латышские колонии, из которых 39 (38,2%) – в Сибири. Самой крупной из вновь образованных поселений была Латышская деревня (Latviešu ciems) в Томской губернии.

Что же касается переселения в Сибирь эстонцев, то оно в первое десятилетие XX в. достигло своего апогея. Всего в России в этот период возникло 75 эстонских колоний, 44 из которых (58,7%) было в Сибири. А. Ниголь выделяет 1907–1909 гг. в особый этап. По его словам, именно в это время, после прихода к власти реакции, карательных экспедиций и дальнейшего перераспределения земли в Эстонии в пользу немцев, народ окончательно потерял надежду на обретение «земли и воли» на родине, и началось массовое переселение в Вологодскую губернию и в Сибирь⁷⁶.

Действительно, в эти три года в Западной Сибири возникли крупные эстонские колонии. В Тобольской губернии в 1907 г. появились деревни Березовка (Kaseküla), Розенталь и Нарва, в 1908 г. – Семеново и поселок Калачевский, в 1909 г. – Васюган, Арукюла и Высокогривенск. В Томской губернии в 1907 г. было основано село Медодат, в 1908 г. – Вамбола, Койдула, Мальково, Будово и др.⁷⁷.

Крестьянство Литвы, которая в конце XIX века включала Ковенскую губернию, три уезда Виленской, пять уездов находившейся в подчинении варшавского генерал-губернатора Сувальской, а также небольшую часть Курляндской и Гродненской губерний, также испытывало трудности с землей. По этой причине за 1868–1915 гг. из Литвы эмигрировало около четверти населения⁷⁸. Характерной особенностью литовцев в Сибири являлось их оседание в городах.

Очень часто формой поселения в прибалтийских колониях служил хутор. Только в районе Екатерининской лесной дачи, расположенной недалеко от Тары, в 1928 г. существовало 47 эстонских и 11 латышских хуторов, значительная часть которых возникла в указанный период⁷⁹.

В 1910–1914 гг., несмотря на возникновение новых латышских и эстонских поселений в Сибири, увеличился удельный вес обратного переселения. В указанный период из Прибалтийских губерний в Сибирь прибыло 4 274 человека, а обратно уехали 1 248 человек, что составило 29,2% от числа всех прибывших. Переселенческое движение в этот период идет на убыль.

Причинами, по которым прибалтийские переселенцы покидали Сибирь, были неразвитая инфраструктура края, удаленность переселенческих участков от крупных населенных пунктов. Например, Северно-Каинский подрайон Каинского уезда Томской губернии располагался в 80–100 верстах от железной дороги, а Тотош-Шегарский подрайон Томского уезда – в 130–200 верстах⁸⁰. Медицинская помощь за редким исключением либо отсутствовала, либо ограничивалась фельдшерскими пунктами. Так, например, врачебный участок Енисейского губернского управления Красноярского края обслуживал 63 селения, которые все, за исключением одной деревни, находились в тайге⁸¹.

Многие переселенцы, испытывавшие нужду и лишения на родине, не смогли обзавестись хозяйством и в Сибири. Как писала в 1908 г. газета «Druva», выходящая в Петербурге на латгальском языке, о судьбе своих

соотечественников в Сибири: «Есть люди, которые прибыли на свой участок земли с 3 копейками в кармане. Им негде взять семена, скот, орудия труда и, наконец, кусок хлеба... Им больше нечего делать в Сибири, и они отправляются на родину пешком с котомкой за плечами»⁸².

Таким образом, путем добровольного переселения в Сибирь в 1896–1914 гг. прибыло более 20 тыс. выходцев из Прибалтийских губерний. На наш взгляд, эта цифра сильно занижена, ибо здесь не учтены латгальцы, проживавшие в Витебской губернии. Кроме того, в Сибирь переселялись эстонцы из Европейской России. Так, например, в селе Лифляндка Акмолинского уезда и области осели эстонцы из Самарской губернии, а в поселке Петровск Ново-Черкасской волости Акмолинской области – из Самарской и Уфимской губерний и из Крыма⁸³.

Латышские, латгальские и эстонские поселения были разбросаны на огромном пространстве от Урала до Тихого океана. Деревням давали названия, которые напоминали поселенцам родину (эстонские – Эстония, Лифляндка, Оравская деревня (Oravaküla), латышские – Лиепая, Курземе, Митава⁸⁴).

Некоторые деревни, особенно эстонские, получили романтические названия, например, Койдула (любимая поэтесса), Линда (имя матери Калевипоэга в эпосе «Сын Калева»), Вамбола (главный герой одноименного романа)⁸⁵.

В 1914 г. началась Первая мировая война. В 1915 г. военные действия развернулись на территории Латвии. В апреле 1915 г. германские войска заняли Либаву (Лиепая), а в октябре того же года линия фронта стабилизировалась в 20–30 километрах от Риги. В этих условиях в Москву, Петроград и на юг России были эвакуированы крупнейшие промышленные предприятия, и тысячи беженцев устремились из Латвии во внутренние районы страны.

По данным А. Спреслиса, в 1916 г. во внутренних губерниях России насчитывалось 492 954 беженца из Латвии. Из них в Прибалтике (в Латгалии и Эстонии) находилось 276 378 человек, в Белоруссии – 11 748, в северо-западных губерниях России – 66 967, в Центральном промышленном районе – 79 259, на юге России (на Украине, на Дону и пр.) – 31 507, в Поволжье – 7 547, на Урале – 12 667, в северных губерниях – 3 794. В Сибири и на Дальнем Востоке находилось 3 208 беженцев из Латвии, что составляло 6,5% от их общего числа⁸⁶.

В Омске было зарегистрировано 1 510 латышских беженцев, в Красноярске – 986, в Томске – 249, в Новониколаевске – 200, в Иркутске – 149, в Тюмени – 250, в Кургане – 100, в Каменске – 159, в Тайминской – 117, в Уяре – 100, в Клюквенной – 97, в Барнауле – 62. Большинство их работало в железнодорожных мастерских, а также на различных промышленных предприятиях⁸⁷.

Новых прибалтийских поселений в сельской местности в Сибири в 1914–1917 гг. почти не возникало. В Тобольской губернии в 1916 г. была основана латышская деревня Балтия, а в 1917 г. – эстонская деревня Уускюла (Uusküla)⁸⁸.

Таким образом, в 1802–1917 гг. в Западной Сибири в основном сложился массив эстонских и латышских колоний. Он складывался за счет уголовной и политической ссылки, добровольного крестьянского переселения в Сибирь и в меньшей степени за счет иммиграции беженцев Первой мировой войны. По данным А. Спреслиса, уже в 1914 г. в сельских районах Сибири насчитывалось 65 тыс. латышей, а в городах – 2,5 тыс. Кроме того, в различных районах края находилось 2,5 тыс. политических ссыльных из Латвии. В годы Первой мировой войны в Сибири появилось еще около 3–4 тыс. латышских беженцев. То есть в общей сложности в 1917 г. в Сибири находилось 73–74 тыс. ссыльных, беженцев и переселенцев из Латвии, что составляло примерно 8,4% от общего числа латышей, находившихся в России за пределами основной этнической территории⁸⁹.

Из 415 латышских колоний, возникших в России в 1850–1917 гг., в Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии и Акмолинская область) была основана 121, что составляло 29,2%.

Что же касается эстонцев, то, по данным А. Ниголя, в 1917 г. из 1 млн 300 тыс. эстонцев (вместе с сету) 250 тыс., или 19,2%, жили за пределами основной этнической территории. Большинство из них находилось в России, только 3 тыс. человек проживало в Америке и 200 – в Австралии. 40 тыс. эстонцев, или 16% от общего числа эмигрантов, жило в Сибири⁹⁰.

Всего в 1860–1917 гг. (вместе с поселениями, у которых не указан год основания) в России в сельской местности было основано 280 эстонских поселений, из них в Западной Сибири находилось 67, что составляло 23,9%⁹¹.

Таким образом, именно Западная Сибирь была одним из главных направлений миграции как у латышей, так и у эстонцев.

2.2. Прибалтийские колонисты Сибири в 1917 г. – середине XX в.

События Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны способствовали вовлечению прежде обособленных прибалтийских колоний в активную политическую жизнь. Подавляющее же большинство выходцев из Прибалтики – батраки и беднота, рабочие с эвакуированных предприятий – стали активными борцами за власть Советов. Этому содействовали национальные секции РСДРП(б), созданные после Февральской революции на базе социал-демократических групп. Так, немало латышских, эстонских и финских колонистов сражалось в партизанских отрядах П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко в Красноярском округе, а хutorяне-латыши и эстонцы в Тарском округе оказывали партизанам всемерную поддержку. В Баяндаевской волости Верхоленинского уезда Иркутской губернии активно действовал партизанский отряд под командованием К. Некунде. Опросные листы членов Баяндаевской латышской партийной ячейки (приложение 2.2) дают нам представление об этих людях (в большинстве своем уроженцев Гольдингенского уезда Курляндской губернии), которые и в далекой Сибири продолжали сражаться за социальную справедливость.

В ходе Гражданской войны численность латышей и эстонцев в Сибири значительно сократилась. Большинство политических ссыльных еще после Февральской революции вернулось на родину, многие колонисты погибли на фронтах или от рук карателей. По данным А. Бейка, в 1920 г. в Сибири и на Дальнем Востоке проживало около 50 тыс. латышей (0,6% населения края). 39 тыс. из них находились в Омской, Томской и Енисейской губерниях. Таким образом, за годы Гражданской войны латышское население Сибири сократилось более чем на 30%.

В 1920 г. в Омской губернии, возникшей на территории ряда южных уездов Тобольской губернии западных уездов Томской губернии и северных уездов Акмолинской области, была проведена демографическая перепись населения. По ее итогам в губернии проживали 13 088 латышей и 11 174 эстонца, из которых в сельских местностях жили 8 661 латыш и 10 087 эстонцев, что составляло соответственно 66,2 и 90,3%.

Большинство латышей находилось в Тарском (31,9%), Калачинском (22,9%), Омском (17,9%) и Тюкалинском (17,9%) уездах, а эстонцы жили в основном в Татарском (33,8%), Калачинском (28,3%) и Тарском (21,2%) уездах.

В 1920 г. Советская Россия заключила мирные договоры с тремя прибалтийскими государствами, согласно которым лица эстонской, латышской и литовской национальностей могли оптировать гражданства своих государств. Кроме того, они освобождались от трудовой повинности⁹².

Перед десятками тысяч людей стояла нелегкая проблема: остаться ли в Советской России или вернуться в родные места, где утвердилась власть националистической буржуазии. При этом сложном выборе приходилось считаться не только с политическими симпатиями: у многих в Прибалтике остались родные и близкие, нуждавшиеся в помощи. Кроме того, часть эвакуированных рабочих и демобилизованных красноармейцев испытывали большие трудности с устройством на работу в городах из-за безработицы, порожденной хозяйственной разрухой⁹³. При этом, по нашим расчетам, общее число трудоспособного населения среди выходцев из Прибалтики не превышало 50% от их общей численности.

Следует отметить, что если в Эстонию возвращались в основном представители коренной национальности, то этнический состав иммигрантов, прибывших в Латвию и Литву, был довольно пестрым. Так, из 33 736 человек, находившихся в 1920 г. на карантине в Резекне, латыши составляли 50,4%, евреи – 25,9%, русские – 12,7%, поляки – 3,8%, литовцы – 3,5%, немцы – 1,6%, цыгане – 1,1% и т. д. А из завизировавших документы для въезда в Латвию с 1 апреля по 25 ноября 1922 г. 6 824 человек латыши составляли 79,7%, русские – 8,8%, евреи – 5,4%, поляки – 3,7%, немцы – 2,1%, литовцы – 0,3%⁹⁴.

В результате оптационной кампании примерно на 25% сократилось эстонское население Сибири, полностью выехало в Латвию латышское население Иркутской губернии и Бийского уезда Алтайской губернии, наконец, за исключением нескольких деревень с компактным литовским и финским населением, больше литовцев и финнов в Сибири не осталось.

Однако своей первоначальной цели – переселения всех граждан эстонской, латышской и литовской национальностей на этническую родину – оптация не достигла.

Это, во-первых, было связано с агитацией национальных секций РКП(б), а во-вторых, с трудностями социально-политической адаптации в балтийских независимых государствах части эстонцев, латышей и литовцев (в основном воевавших в годы Гражданской войны на стороне красных). В 1923 г. несколько тысяч жителей Прибалтики вернулось в Советскую Россию.

6 декабря 1922 г. Сибревком огласил постановление, согласно которому граждане, проживавшие в РСФСР до и после 1914 г., приписанные к местностям территорий Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, но не желавшие оптировать гражданство данных государств, считались гражданами РСФСР⁹⁵.

Оптационная кампания 1920–1923 гг. послужила мощным водоразделом между теми, кто рассматривал Сибирь как временное убежище от социально-экономических и политических бурь того времени (в основном беженцев империалистической войны) и теми добровольными переселенцами, кто уже рассматривал Сибирь как новую родину и не желал возвращаться в Прибалтику.

Экономическое положение латышской и эстонской сибирской деревни в первые годы после Гражданской войны было очень тяжелым. Продразверстка и неурожай 1921–1922 гг. усугубили разруху и запустение. Перелом наступил в 1926–1927 гг. в связи с восстановлением сельскохозяйственного машиностроения и импортом сельскохозяйственных машин. Уровень механизации резко повысился, тем более что сама техника не была новинкой для прибалтийских колонистов.

Вопрос об экономических отношениях в прибалтийской сибирской деревне в годы НЭПа до сих пор остается недостаточно изученным и спорным. Так, среди местного русского населения в середине 1920-х годов сложилось мнение, будто все латыши без исключения были кулаки. Однако, как считает латышский исследователь Я. Беберс, такие взгляды сложились вследствие того, что к экономическим отношениям в латышской деревне люди подходили с теми же мерками, что и в русской, не учитывая особенности (хуторское хозяйство, прогрессивные системы земледелия, использование машин, более высокий уровень культуры).

Неправомерен также тезис идеологов латышского кулачества о якобы «братском единстве» всех латышей. В латышских поселениях, как и в русских деревнях, происходил процесс расслоения крестьянства, который достиг особенно быстрых темпов в конце восстановительного периода⁹⁶.

Аналогичные процессы происходили и в эстонской деревне. Так, в селе Вамбола Томской губернии размер земельного надела колебался от 13 десятин (у бедных крестьян) до 60 десятин (у зажиточных). Посевная площадь соответственно составляла 2 десятины и 10 десятин. При этом бедняки умудрялись скрывать от налогообложения до 0,5 десятин, а зажиточные – 4-5 десятин. В селе Золотая Нива Омской губернии в 1926 г. насчитывалось 120 хозяйств, имевших суммарно 70 батраков⁹⁷.

Таким образом, вопреки точке зрения Л.В. Малиновского, который считает что «латышское и эстонское национальные меньшинства в Сибири подошли к коллективизации с развитой хуторской системой хозяйства капиталистического типа и высокой степенью социального расслоения», мы, соглашаясь с наличием расслоения, все-таки считаем, что поскольку основной фигурой в прибалтийской сибирской деревне был середняк, то говорить о хозяйстве капиталистического типа неправомерно.

В начале 1930-х годов возникли первые латышские и эстонские колхозы в Сибири: в деревне Старая Рига Омской губернии образовался колхоз «Энергия», в Ковалево бок о бок существовали 2 колхоза – эстонский (им. К. Маркса) и латышский «Arājs» («Пахарь»). Также 2 колхоза было и в Рыжково: эстонский «Uus elu» («Новая жизнь») и латышский «Brīvais latvietis» («Свободный латыш»).

Труженики национальных колхозов, несмотря на то, что они не привыкли к коллективным формам ведения хозяйства, успешно трудились в новых условиях. Так, орган Татарского райкома ВКП(б) газета «За коллективизацию» отмечала: «В Розентальском колхозе «Kiiг» («Луч») за последнее время заметен рост. На 1 января 1931 г. в колхозе было 20 хозяйств, на 25 марта – 55. Созданы бригады пахарей, в которые вошли и женщины»⁹⁸.

Однако впоследствии колхозы в деревнях с прибалтийским населением стало лихорадить. Производительность труда падала, у руководства колхозов стало проявляться самодурство, а в конце 1932 г. все эс-

тонские и финские колхозы Калачинского района провалили план сдачи зерна государству.

В 1937–1939 гг. по стране прокатилась волна репрессий. Х. Стродс в статье «Седьмая сеча» пишет, что в этот период в СССР погибло 25 тыс. латышей (16,5% от числа всех живших в СССР)⁹⁹. Что касается эстонцев, то, по данным Ю. Вийкберга, в 1926-1939 гг. их численность в СССР сократилась на 11083 человека (7,2%). В Сибири численность эстонцев возросла на 1260 человек (3,9%), однако в годы репрессий 10–15% жителей эстонских деревень в Сибири было арестовано¹⁰⁰.

В 1940 г. прибалтийские республики вошли в состав Советского Союза. Тысячи латышей и эстонцев из разных уголков СССР вернулись на этническую родину.

Летом 1941 г., накануне Великой Отечественной войны внутриполитическая ситуация в советской Прибалтике значительно осложнилась. Во избежание националистического выступления Советское правительство приняло решение о депортации в Сибирь «неблагонадежных» элементов. Репрессивные меры коснулись в общей сложности 14 476 человек. Из них 4 550 человек было арестовано, а 9 926 (5 520 семей) – депортировано.

В тот же день, 14 июня 1941 г., из Эстонии было депортировано около 10 тыс. человек. Среди них были члены «контрреволюционных» организаций, бывшие служащие полицейского и тюремного аппарата, государственные деятели, крупные землевладельцы, фабриканты, офицеры эстонской буржуазной армии, священники, а также члены семей всех вышеуказанных категорий.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Под натиском превосходящих сил противника советские войска летом 1941 г. оставили Прибалтику. В тыл было эвакуировано около 25 тыс. граждан Эстонской ССР и 53 тыс. граждан Латвийской ССР. С Красной Армией на восток ушло из Эстонии более 33 тыс. эстонских граждан, включая эстонских коммунистов, лиц, прямо или косвенно сотрудничавших с советской властью, а также членов их семей. Многие из них впоследствии оказались в Сибири. Так, более 1 000 жителей Латвии были эвакуированы в Новосибирскую область. В основном это были латыши, русские и евреи – жители Риги, Мадоны, Елгавы и Даугавпилса. При этом русские и евреи в основном были размещены в Новосибирске, а латыши – в сельской местности. Одновременно на территорию нынешней Томской об-

ласти была эвакуирована значительная часть финского населения Карелии.

По данным С. Пурге, из эвакуированного из Эстонской ССР населения в Омской и Новосибирской областях в августе 1942 г. проживало от 500 до 1 000 человек в каждой¹⁰¹.

В оккупированной Прибалтике фашисты стали претворять в жизнь план «Ост», направленный на полное уничтожение прибалтийских народов. Так, эстонские колхозы, расположенные на временно оккупированной территории РСФСР, были полностью разорены, а их жители в принудительном порядке выселялись гитлеровскими военными властями в Эстонию¹⁰².

В 1944 г. на землю Прибалтики пришло освобождение. В рядах Красной Армии за родину сражались 7-я и 249-я стрелковые дивизии и западный полк, состоявшие в основном из сибирских эстонцев, и 130-й латышский стрелковый корпус, где были и сибирские латыши.

После освобождения в Прибалтику стали возвращаться беженцы, а также лица латышской и эстонской национальностей, ранее проживавшие в других районах СССР. Одновременно в Сибирь высылались лица, обвиненные в сотрудничестве с гитлеровцами в годы оккупации или в участии в националистическом движении в Прибалтике в первые послевоенные годы.

Во второй половине 1940-х годов в прибалтийских республиках наряду с депортацией «националистических элементов» проводилась кампания, направленная на ликвидацию кулачества. 25 и 26 марта 1949 г. из Эстонии выслали 7,5 тыс. семей (приблизительно 30–35 тыс. человек). В марте 1950 г. VIII пленум ЦК КП(б) Эстонии пересмотрел дела осужденных и реабилитировал членов около 1 тыс. семей.

25 марта 1949 г. в Сибирь из Латвии было депортировано 43 231 человек (по некоторым данным – около 50 тыс. человек) и около 80 тыс. – из Литвы.

В 1958 г., когда репрессированным разрешили покинуть Сибирь, большинство депортированных латышей и эстонцев вернулись на родину. В Прибалтику также возвращались люди, в свое время добровольно переселившиеся в Сибирь, а также их потомки. По данным К. Зивертса, в послевоенные годы из Сибири в Латвию вернулось 10 тыс. человек, а по данным А. Намсонса – 60 тыс. человек. Однако историки Й. Хенс и

Х. Стродс считают последнюю цифру сильно завышенной и, возможно, включающей в себя также вернувшихся из трудовых лагерей¹⁰³.

Очень повлияла послевоенная миграция и на численность сибирских эстонцев. А всего, по данным В. Маамяги, с 1939 г. по 1959 г. численность эстонского населения за пределами Эстонской ССР уменьшилась на 46 тыс. человек¹⁰⁴. В это число кроме эстонцев, вернувшихся на родину, также, безусловно, включены репрессированные и павшие на фронтах Великой Отечественной войны.

Впоследствии значительных миграций жителей Прибалтики в Сибирь и из Сибири не наблюдалось.

Таким образом, миграции прибалтийского крестьянства определялись социально-экономическими, политическими, демографическими и культурными условиями, в которых находились прибалтийская и сибирская деревни.

В истории расселения прибалтийских колонистов в Сибири можно выделить следующие пики миграций.

1. 1802 г. – середина 1880-х годов – ссылка латышей, литовцев, финнов и эстонцев в Сибирь.

2. Начало 1890-х годов – 1914 г. – добровольное переселение, часто сопровождаемое обратным возвращением, и ссылка уголовных и политических преступников.

3. 1914–1917 гг. – эвакуация в Сибирь промышленных рабочих и беженцев из прифронтовых зон.

4. 1920–1923 гг. – оптация гражданства прибалтийских государств и Финляндии и выезд в связи с этим в Прибалтику и Финляндию, а также частичная реоптация.

5. 1940–1941 гг. и 1944 г. – конец 1950-х годов – двухсторонние миграции (возвращение в Прибалтику латышей и эстонцев из других районов СССР после вхождения Прибалтики в состав Советского Союза в 1940 г., депортации 14 июня 1941 г., эвакуация латышских и эстонских граждан с частями Красной Армии летом 1941 г. и их возвращение после изгнания оккупантов, а также высылка лиц, боровшихся против Советской власти или обвиненных в этом в 1944 г. – начале 1950-х годов, с их последующим возвращением.

В результате этих переселений в Сибири сложились этнические группы латышей и эстонцев, а также отдельные населенные пункты с

дисперсным литовским и финским населением с самобытной материальной и духовной культурой и устойчивым этническим самосознанием.

-
- ¹ Rižkova, 1938.–1939., sl. 36375.
² ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4936. Л. 138.
³ Там же. Л. 32.
⁴ Ядринцев Н.М. Рига, Ревель, Нарва ...
⁵ Nigol A. Eesti asundused ... Lk. 43.
⁶ Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск: Типография «Советская Сибирь», 1928. С. 146–147.
⁷ Kolonijas latviešu, 1933., sl. 17114.
⁸ История Латвийской ССР (с древнейших времен до 1953 г.). Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1955. С. 120.
⁹ Колесников А.Д. О национальном составе населения Омской области. С. 100.
¹⁰ Злобина В. Кто такие корлаки? С. 87–91.
¹¹ Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 4.
¹² Стродс Х. Основные этапы и причины начала массового переселения латышских крестьян в другие губернии России в 40–60-х годах XIX в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 185.
¹³ Korb A. Eesti asundused III. Seitse küla Siberis. Tartu, 1998. Lk. 322–323.
¹⁴ Свитнев А.Б. Поселения и усадьбы латышей и латгальцев Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Омск, 2002. С. 32.
¹⁵ Rižkova, sl. 36375.
¹⁶ Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 3.
¹⁷ Rižkova, sl. 36375.
¹⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4936. Л. 138.
¹⁹ Колесников А.Д. О национальном составе населения Омской области. С. 100; Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 4.
²⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4936. Л. 138.
²¹ Там же.
²² Rižkova, sl. 36375; Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 4.
²³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4936. Л. 138.
²⁴ Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 4.
²⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4936. Л. 56.
²⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4936. Л. 197; Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 5.
²⁷ История Эстонской ССР. Т. 2. Таллин: Ээсти раамат, 1966. С. 42.
²⁸ Вильде Э. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Известия, 1958. Т. 2. С. 428–429.

-
- ²⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4936. Л. 305–317.
³⁰ Там же.
³¹ Тынурист И. Современные эстонцы и латыши Минусинска. С. 39–41.
³² Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 5–6; Гаунт В. Колония ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа. С. 16–18; Он же. Состояние колоний ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа. 1850–1865 гг. С. 58–60.
³³ Гаунт В. Состояние колоний... С. 64–66.
³⁴ Там же. С. 68–69.
³⁵ Там же. С. 67–68.
³⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5677. 46 л.
³⁷ История Латвийской ССР. С. 128.
³⁸ Стродс Х. Основные этапы и причины... С. 195.
³⁹ Там же. С. 199–200.
⁴⁰ Vassar A. Uut maad otsimas. Agraarne ümberasumisliikumine Eestis kuni 1863 aastani. Tallinn: Eesti raamat, 1975. Lk. 215.
⁴¹ Стродс Х. Основные этапы и причины... С. 198–199.
⁴² По данным Kolonijas latviešu. sl. 17113.–17142.
⁴³ Kolonijas latviešu. sl. 17114.
⁴⁴ Nigol A. Eesti asundused... Lk. 41; Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 8.
⁴⁵ Список населенных мест Сибирского края. С. 130–131.
⁴⁶ Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольской губернии. СПб.: Центр. статист. комитет Мин-ва внутр. дел, 1871. 196 с.
⁴⁷ История Эстонской ССР. С. 362.
⁴⁸ История Латвийской ССР. С. 128.
⁴⁹ Прибалтийский листок. 1895. № 9.
⁵⁰ Всемирная история. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1960. Т. VII. С. 143.
⁵¹ История Латвийской ССР. С. 191–192.
⁵² По данным Kolonijas latviešu. sl. 17113.–17142.
⁵³ Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 8.
⁵⁴ Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. II. С. 33, 44.
⁵⁵ Там же. С. 96–97.
⁵⁶ Колесников А.Д. О национальном составе населения Омской области. С. 101.
⁵⁷ По данным Kolonijas latviešu. sl. 17113.–17142.
⁵⁸ Маамяги В. Эстонские переселенцы... С. 10; Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 8.

⁵⁹ Очерки экономической истории Латвии. 1860–1900 гг. Рига: Зинатне, 1972. С. 369.

⁶⁰ Прибалтийский край. 1900. № 74.

⁶¹ Прибалтийский край. 1900. № 72.

⁶² Прибалтийский листок. 1899. № 79.

⁶³ ЦГИА Эстонии. Ф. 337. Оп. 1. Д. 199. Л. 104–105.

⁶⁴ Там же. Л. 76–77, 79, 80, 85, 89, 90.

⁶⁵ Там же. Л. 90, 98.

⁶⁶ Прибалтийский край. 1900. № 82.

⁶⁷ *Стродс Х.* Основные этапы и причины... С. 191.

⁶⁸ Всеобщая перепись населения Российской империи. Общий свод по империи результатов разработки данных первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28.I.1897 года. СПб., 1905. Т. 2. С. XI.

⁶⁹ *Vassar A.* Uut maad otsimas. Lk. 215.

⁷⁰ *Минжуренко А.В.* Заселение и хозяйственное освоение крестьянами-переселенцами степной полосы Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. II. С. 199–211; *Муравская Е.И.* Миграция прибалтийского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1986. С. 89–90.

⁷¹ *Муравская Е.И.* Миграция прибалтийского крестьянства... С. 93.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 71.

⁷⁴ ЦГИА Эстонии. Ф. 40. Оп. 1. Д. 118. Л. 13–14, 16–17, 51–52; ЦГИА Эстонии. Ф. 40. Оп. 1. Д. 278. Л. 3–6, 11, 26, 52; ЦГИА Эстонии. Ф. 40. Оп. 1. Д. 406. Л. 6–7, 19–20, 26–27; ЦГИА Эстонии. Ф. 40. Оп. 1. Д. 561. Л. 5–6, 8–9, 12–13, 33–34).

⁷⁵ *Верецагин П.Д.* К вопросу о роли географического и социального факторов при выборе крестьянами-переселенцами мест за Уралом в период капитализма (на примере переселенцев из Белоруссии) // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 188–198.

⁷⁶ *Nigol A.* Eesti asundused... Lk. 11.

⁷⁷ *Nigol A.* Eesti asundused... Lk. 42, 43, 46, 50, 52, 53.

⁷⁸ Очерки истории Коммунистической партии Литвы. Т. 1. (1887–1920 гг.). Вильнюс, 1973. С. 17, 278.

⁷⁹ Список населенных мест Сибирского края. С. 22–25.

⁸⁰ Справочная книжка для ходоков по Томскому переселенческому району на 1914 г. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1913. С. 6, 9.

⁸¹ *Степынин В.А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск: Кн. изд-во, 1962. С. 504.

⁸² *Dryva.* 1909. № 25.

⁸³ *Nigol A.* Eesti asundused... Lk. 41.

⁸⁴ По данным работ: *Nigol A.* Eesti asundused... и *Kolonijas latviešu.*

⁸⁵ *Маамяги В.* Эстонские поселенцы... С. 24; *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые... С. 11–12.

⁸⁶ *Spreslis A.* Latviešu sarkangvardi ciņā par padomju varu 1917.–1918. gadā. Riga: Zinātne, 1987. lp. 23.–29.

⁸⁷ *Spreslis A.* Latviešu sarkangvardi... Lp. 251.

⁸⁸ *Nigol A.* Eesti asundused... Lk. 42; *Kolonijas latviešu*, 1933., sl. 17114.–17142.

⁸⁹ *Spreslis A.* Latviešu sarkangvardi... Lp. 29., 34.

⁹⁰ *Nigol A.* Eesti asundused... Lk. 9.

⁹¹ Подсчитано автором по работе А. Ниголя.

⁹² ЦГА Эстонии. Ф. 33. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

⁹³ *Раевский В.* Латышские секции РКП(б). С. 144.

⁹⁴ ЦГИА Латвии. Ф. 2570. Оп. 10. Д. 14. Л. 17, 112.

⁹⁵ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 741. Л. 13.

⁹⁶ *Беберс Я.* Расслоение латышского крестьянства... С. 174–175.

⁹⁷ *Маамяги В.* Эстонские переселенцы... С. 100, 101, 106.

⁹⁸ За коллективизацию. 1931. 4 апр.

⁹⁹ *Strods H.* Sēptītā pļauja // Lauku avīze. 1989. 20. janv.

¹⁰⁰ *Viiikberg J.* Estonian village in the Far East. Language community and contacts // Sixth Nordic conference on bilingualism. Vasa, 1990. P. 57.

¹⁰¹ *Пурге С.* Деятельность эвакуированного населения Эстонской ССР в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.). Таллин: АН Эстонской ССР, Отд. обществ. наук, 1967. С. 11.

¹⁰² *Маамяги В.* Эстонские переселенцы... С. 222.

¹⁰³ *Strods H.* Sēptītā pļauja.

¹⁰⁴ *Маамяги В.* Эстонские переселенцы... С. 222.

Приложение 2.1

Газета «Сибирская жизнь» о переселенцах из Прибалтики

Появление среди переселенцев выходцев из Прибалтики и западных губерний обратило на себя внимание Министерства внутренних дел, так как это особая группа переселенцев, которая резко отличается от остальных своими привычками и традициями. Аборигены Прибалтийского края – латыши – привыкли вести у себя на родине хуторное хозяйство. Первые более значительные партии латышей начали появляться в Могилевской губернии еще в начале 1880-х годов, теперь их представители устремили свои взгляды в Сибирь. Отмечается, что латыши в высшей степени трудолюбивые, приспособленные к борьбе с лесом, обогащенные солидными агрономическими практическими сведениями люди, которые являются желательным в Сибири типом переселенцев.

(Сибирская жизнь. 1899. 20 августа).

Приложение 2.2

Опросные листы перерегистрации членов и кандидатов в члены РКП(б) среди латышей латышского участка Баяндаевской волости

Манзурского района Верхоленского уезда

Аузин Эдуард Давыдович, 1877 г.р., родной язык – латышский, окончил сельское латышское училище, специальности нет, служил в Ченстохове (7 стрелковый полк 2 бригада), владеет латышским и русским языком, знает Москву, а родина – Латвия (Лифляндская губерния Валкский уезд, за границей не был, имеет жену, 2 дочерей 16 и 14 лет, 2 сыновей 13 и 15 лет. Вступил в партию 22 января 1921 г. Принят латышской комячейкой Баяндаевской волости. По 102 статье отбыл 4 года каторги. При Колчаке было реквизировано все хозяйство, был приговорен к смертной казни, но при расстреле отпущен. В Латвии состоял в ЛСДРП с 1906 г. В профсоюзах не состоял. Состоит в сельсовете. Занимается хлебопашеством. Может заниматься агитацией. Взысканий не было. Его рекомендовали Карл Некунде и Юрий Лапинь. 22 июля 1921 г.

Некундэ Дарья Яковлевна, 1863 г.р., родной язык – латышский, крестьянка, образование 3 класса сельского латышского училища, специальности нет, в армии не служила, знает латышский, русский и немецкий языки. Хорошо знает Латвию, родилась в г. Рига, имеет мужа и 4 сыно-

вей. Вступила в партию в январе 1921 г., принята латышской Баяндаевской секцией. В 1919 г. была арестована за советскую агитацию. Сидела 5 месяцев в Иркутской тюрьме. В партии и профсоюзах ранее не состояла. Агитирует за вступление в РКСМ, может быть агитатором. Взысканий нет. Рекомендуют ее Ватин Ян и Ластинек Эльза. 22 июля 1921 г.

Некундэ Карл Вильгельмович, 1864 г.р., родной язык – латышский, крестьянин, окончил сельское латышское училище, специальности нет, в армии не служил, владеет латышским, немецким и русским языками, знает Витебскую и Ковенскую губернии, родился в Лифляндской губернии (Вольмарский уезд, волость Гаарозен). Имеет жену. Вступил в партию в январе 1921 г. Принят латышской комячейкой. 5 месяцев скрывался в тайге от Колчака. Все хозяйство и живой скот были реквизированы. Был приговорен к расстрелу и бежал в тайгу. С 1905 г. по 1919 г. состоял в ЛСДРП. В профсоюзах не состоял. Был партизаном и имел свой партизанский отряд. В настоящее время хлебопашец. Годен для агитации. Взысканий нет. Рекомендуют его тов. Аузен и Бринум. 22 июля 1921 г.

Ластинек Анс Юрьевич, 1886 г.р., родной язык – латышский, крестьянин. Окончил сельскую латышскую школу. Служил в 6 Артиллерийской бригаде в г. Остров Ломженской волости. Владеет русским и латышским языками. Хорошо знает Польшу, окрестности Москвы и Петрограда. Родился в Курляндии (Шрунгенская волость). Имеет жену и мать. Принят в партию 12 мая 1921 г. латышской комячейкой. Хлебопашец. Годен для агитации. Взысканий нет. Рекомендуют его К. Некунде и Э. Аузен. 22 июля 1921 г. Село Баяндай. Латышский участок.

Лапинь Ян Янович, 1873 г.р. Родной язык – латышский. Крестьянин. Имеет латышское сельское образование. Говорит на латышском, немецком и русском языках. Родился в Прибалтийском крае (Курляндская губерния, Голдингенский уезд, Штрунденская волость). Имеет жену Кате, сына Альберта и дочь Эльзу. Принят в партию 12 мая 1921 г. латышской комячейкой. Все время занимался хлебопашеством. Годен к агитации. Взысканий нет. Рекомендуют его Ян Варпинь и Дарья Некунде. 21 июля 1921 г.

Янкум Роберт Петрович, 1902 г.р., крестьянин, родной язык – латышский, окончил сельское училище, телефонист. Служил в Красной Армии, где получил военную подготовку и стал телефонистом. Говорит на русском и латышском языках. Родился в Прибалтийском крае. Холост.

Принят в партию 15 мая 1921 г. латышской комячейкой. В 1919 г. служил в партизанском отряде тов. Некунде и после прихода регулярных войск был зачислен в Красную Армию. В 1921 г. по демобилизации был уволен в бессрочный отпуск. Хлебопашец. Годен для агитации. Взысканий нет. Рекомендуют его тов. Ю. Лапинь и К. Бринум. 21 июля 1921 г.

Гульба Кришьян Вилович, 1882 г.р., родной язык – латышский, крестьянин, окончил сельское латышское училище. Кузнец. Служил в первом латышском пехотном батальоне. Говорит только на латышском языке. Хорошо знает Петроград. Родился в Курляндии (Гольдингенский уезд). Был в Германии. Имеет жену и дочь. Принят в партию 15 мая 1921 г. латышской комячейкой. При Колчаке за советскую агитацию имел 5 дней ареста. 6 месяцев был партизаном в отряде тов. Некунде. Хлебопашец. Годен для агитации. Взысканий нет. Рекомендуют его К. Некунде и Ю. Ластниек. 22 июля 1921 г.

(Центр документации новейшей истории Иркутской области.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 936. Л. 1, 2, 3, 11, 15, 17, 18)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. Каковы были основные причины, по которым жители Прибалтийского края покидали родину?
2. Какая из версий основания деревни Рыжково кажется вам более правдоподобной и почему?
3. Проследите изменение географии основания балтийских колоний в Сибири после начала столыпинской аграрной реформы. Какие новые районы Сибири оказались вовлечены в процесс колонизации?
4. Назовите известных вам деятелей большевистского подполья в Сибири из числа латышей, литовцев и эстонцев.
5. Какие факторы способствовали и какие затрудняли оптацию гражданства прибалтийских государств в 1920–1923 гг. (по работам В.Р. Раевского, М.Н. Колоткина и И.В. Лоткина).
6. Можно ли считать латышскую и эстонскую сибирскую деревню более прогрессивной в экономическом отношении, чем русскую? Ответ обоснуйте.
7. Какие демографические и миграционные факторы определяли развитие прибалтийской сибирской деревни в 1940-х – первой половине 1950-х годов?

Глава 3. НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫЕ БРАКИ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ У СИБИРСКИХ ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ

3.1. Национально-смешанные браки, миграции и типы расселения у сибирских латышей и эстонцев в 1935 г. – конце XX в.

Как следствием, так и условием активизации процессов этнической интеграции являются национально-смешанные браки. Велика их роль в процессе сближения народов нашей страны.

Национально-смешанные браки в сибирских латышских и эстонских семьях имеют давнюю традицию. В середине XIX в. население прибалтийских колоний составляли в основном ссыльные, и в первые десятилетия они существовали почти без женщин. Так, например, в 1861–1864 гг. в Минусинскую колонию прибыли 34 семейства, 405 холостых мужчин и 53 незамужние женщины. Такая демографическая структура способствовала национально-смешанным бракам, однако латыши и эстонцы стремились вступать в брак с единоверцами-лютеранами – немцами, финнами и друг с другом. Иногда национально-смешанные браки приводили к частичной ассимиляции латышами и эстонцами представителей других национальностей.

Так, в Верхнем Суэтуке финны охотно женились на эстонках и переходили на эстонский язык. Аналогичная ситуация была в колонии Рыжково в Западной Сибири, где брачные контакты эстонцев и финнов имеют давнюю традицию.

Совершенно справедлив тезис исследователей, утверждавших, что вплоть до конца 1930-х годов при выборе брачного партнера иной национальности ведущую роль играл религиозный фактор. Так, католики-латгальцы, достаточно редко вступая в брак с протестантами-латышами, активно женились или выходили замуж за литовцев. Например, в колхозе «Литовская победа» Венгеровского района Новосибирской области латгальско-литовские браки фиксировались вплоть до 1970-х годов, пока обе эти этнические группы не были полностью ассимилированы.

Однако в период добровольного крестьянского переселения, когда во вновь образованных или заселенных колониях уже не было диспропорции полов, брачные контакты выходцев из Прибалтики с представителями

других национальностей были минимальны. В деревнях со смешанным населением каждая национальность имела свои улицу или конец. Например, в деревне Ковалево Еланской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии эстонцы жили на Вирусской Большой улице, латыши – на Курнаской улице, а корлаки – на Корлацком конце. Соответственно было разделено и деревенское кладбище¹. В деревне Островская Енисейской губернии, которая сложилась как латышско-эстонское поселение, основная просьба эстонцев, высказанная в опросном листе, распространенном Всесибирским эстонским комитетом в 1918 г., – отделить их от латышей и присоединить к соседней эстонской колонии «Тарвасту».

Существенным фактором, препятствовавшим распространению национально-смешанных браков, была компактность расселения прибалтийских колонистов в Сибири. Так, например, в Мариинском уезде Томской губернии вблизи друг от друга располагались 7 сел (всего в уезде было 17 эстонских поселений), а к Омской колонии относилось 12 эстонских сел².

Большая географическая концентрация латышских поселений наблюдалась в Тарском округе Тобольской губернии, где преобладала хуторская система землевладения (приложение 3.1). Расстояние между хуторами не превышало 3–5 км, что сплачивало латышей и способствовало однонациональным бракам. Кроме того, на Петровских, Верхне-Бобровских и Егоровских хуторах латышское население преобладало численно. Так, в 1928 г. в Петровском сельсовете из 89 хуторов на 82 жили латыши, что, несомненно, способствовало их обособлению³.

Минимальны были контакты латышей и эстонцев с коренными жителями Сибири (татарами, хакасами, тувинцами). Колонии планировались и основывались на пустой или опустошенной территории таким образом, что поселения аборигенов оказывались вдали или оттеснялись. И хотя латышские и эстонские деревни посещали татарские барышники и коновалы, а в торговых поездках выходцы из Прибалтики соприкасались с хакасами, тувинцами и китайцами, но брачных контактов с ними не складывалось⁴.

Относительная изоляция латышей и эстонцев от других народов сохранялась до 1930-х годов, когда коллективизация положила конец хуторской системе хозяйствования. Но и тогда большинство возникавших колхозов формировались по национальному признаку. Так, из пяти кол-

хозов, организованных в Рыжково, в трех работали в основном латыши, а в двух – эстонцы. Колхозный строй объективно создавал предпосылки для сближения наций и народностей, живущих в Сибири.

Впрочем, межнациональные отношения (особенно между эстонцами и русскими) зачастую были достаточно напряженными. Очень часто эта напряженность проявлялась в экономической сфере. Так, в 1932 г. коммунисты с. Антибес (окрестности г. Мариинска) под видом шефства над эстонским колхозом «Вапрус» стали предъявлять колхозникам незаконные требования, как, например, выдать им семена на посев ржи, продать им мясо по твердой цене, перевезти им 2 дома на расстояние 30 км, для чего требовалось 400 подвод (колхоз согласился на 100 подвод). «Шефы» самовольно выкосили покос на земле колхоза, чему колхозники воспрепятствовали, отняв сено⁵.

Также в редакцию газеты «Коммунар» иногда поступали жалобы из эстонских колхозов на завышенные планы хлебозаготовок. При этом постоянно подчеркивалось, что в соседних русских колхозах посевная площадь больше, а нормы хлебосдачи меньше (приложение 3.2).

Данные архивов ЗАГСа о заключении и расторжении браков в первой половине 1930-х годов не систематичны и отрывочны. Поэтому мы проследили динамику национально-смешанной брачности у латышей и эстонцев в 4 областях Сибири за 1935–1985 гг., исключая период 1962–1969 гг., что связано с отсутствием в бланках о браках в эти годы национальной принадлежности брачующихся. В архиве ЗАГСа Кемеровской области сделаны выписки о браках латышей и эстонцев по Мариинскому району, в архиве ЗАГСа Новосибирской области – по Болотнинскому (в 1936–1955 гг. – по Ояшинскому), Венгеровскому, Кыштовскому, Татарскому, Тогучинскому и Чановскому районам, в архиве ЗАГСа Омской области – по Васисскому (в 1941–1961 гг.), Знаменскому, Калачинскому, Крутинскому, Одесскому, Оконешниковскому, Седельниковскому и Тарскому районам, в архиве ЗАГСа Томской области – по Зырянскому, Кривошеинскому и Первомайскому (Пышкино-Троицкому) районам. В выписках из анкет о браках фиксировались все основные данные о вступающих в брак: фамилия, имя и отчество каждого из брачующихся, национальность, возраст, социальное положение, место регистрации брака.

Уже во второй половине 1930-х годов латыши и эстонцы очень часто вступали в национально-смешанные браки. В 1935–1940 гг. у э-

тонцев, проживавших в Омской области, национально-смешанные браки составляли 44,3% от всех заключаемых браков, в Новосибирской области – 45,3, в Томской – 39,6, в Кемеровской – 47,5%. У латышей и латгальцев во всех четырех областях произошел «прорыв эндогамии этноса»⁶, т. е. число национально смешанных браков превысило число однонациональных. Например, в Омской области национально-смешанные браки латышей и латгальцев составили 60,3% от всех заключаемых браков, в Новосибирской – 64,7, в Томской – 74,2, в Кемеровской – 100%. Среди смешанных браков и у латышей и у эстонцев на первом месте всегда стояли браки с русскими. У эстонцев в Омской области они составили 19,6% от всех браков, в Новосибирской – 39,6, в Томской – 35,4, в Кемеровской – 42,4%. В Омской области эстонцы активно вступали в браки также с финнами (10,8% от всех браков) и с латышами (7,0%). У латышей и латгальцев браки с русскими в этот период составляли в Омской области 41,1% от всех браков, в Новосибирской – 52,9, в Томской – 51,6, в Кемеровской – 75,0%. Браки латышей и латгальцев с русскими, вероятно, активно заключались и в 1920-е годы. Это подтверждается и архивными материалами. Так, в селе Елизаветино в 1926 г. местную детплощадку посещали 4 детей из русско-латышских семей. При этом латышское население села тогда составляло 37,0%, а русское – 3,3%⁷.

Кроме браков с русскими, в 1935 – 1940 гг. латыши и латгальцы в Омской области активно заключали браки с эстонцами (7,8% от всех браков), а в Томской – с поляками (6,5%).

При изучении зависимости динамики межэтнических браков от возраста брачующихся нами было выделено 6 возрастных групп. И у латышей и у эстонцев в предвоенное пятилетие проявляется тенденция к уменьшению национально-смешанных браков в более старших возрастных группах. Например, у латышей и латгальцев в Новосибирской области в возрасте до 20 лет количество людей, вступивших в межэтнические браки, составило 66,7% от общего числа вступивших в брак, а в возрасте 26-30 лет – 42,9%. У эстонцев Кемеровской области доля межэтнических браков у молодежи до 20 лет составляла 37,9%, а у людей старше 41 года – 11,1%. Но, с другой стороны, люди среднего возраста в ряде мест также активно вступали в межэтнические браки. Это свидетельствовало о том, что национально-смешанные браки у сибирских латышей и эстонцев уже в то время были стабильны и характерны для всех

активных возрастных групп сельского населения. Большая склонность к межэтническим контактам у молодого поколения со временем привела к еще более интенсивному ходу развития этнических процессов⁸.

В годы Великой Отечественной войны количество национально-смешанных браков у латышей и эстонцев значительно возросло. Во-первых, значительная часть мужского населения в прибалтийских деревнях погибла на фронтах. Так, например, из Рыжково на фронт ушли 157 человек, 69 из которых погибли, а еще 23 фронтовика умерли от ран в первые послевоенные годы. Во-вторых, многие жители, оставшиеся в годы войны в деревнях, попадали на тыловые работы, где трудились вместе люди разных национальностей. Так, Л.Ю. Сермус из деревни Старый Ревель рассказывала, что во время войны ей пришлось работать в Калачинске с русскими, украинцами, латышами и казаками⁹. В-третьих, по мнению И.С. Гурвича, война вызвала миграции населения СССР на восток, что способствовало усилению хода этнических процессов¹⁰.

Таким образом, в результате всех вышеуказанных причин латыши и эстонцы стали чаще вступать в национально-смешанные браки. Их доля у латышей и латгальцев в Омской области в 1941–1945 гг. составила 70,2% от всех браков, в Новосибирской – 81,2, в Томской – 81,2, в Кемеровской – 100%. У эстонцев доля межэтнических браков поднялась в этот период в Омской области до 59,7%, в Новосибирской – до 53,7, в Кемеровской – до 58,8%. Исключение составляла лишь Томская область, где доля национально-смешанных браков эстонцев в годы Великой Отечественной войны не только не возросла, но даже сократилась по сравнению с предыдущим пятилетием до 25,0%. На наш взгляд, это объясняется тем, что мигранты из европейской части СССР попадали в эстонские поселения в Томской области, расположенные в таежной зоне, значительно реже, чем в аналогичные поселения в других областях Западной Сибири, находившиеся либо в степной полосе, либо вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Кроме того, Томская область была единственной в Западной Сибири, где общее число браков с участием эстонцев возросло по сравнению с довоенным пятилетием на 25%. В остальных областях число браков, заключаемых эстонцами, резко сократилось: в Новосибирской области – в 1,3 раза, в Кемеровской – в 1,7 раза, в Омской – в 2,5 раза. Еще более значительно сократилось число браков с

участием латышей и латгальцев: в Кемеровской области – в 1,6 раза, в Новосибирской – в 1,1 раза, в Томской – в 1,9 раза, в Омской – в 2,5 раза.

В 1946–1950 гг. в сибирских прибалтийских деревнях произошли серьезные перемены. Во-первых, с войны вернулось значительное число мужчин, и это сгладило диспропорцию полов, возникшую в военное пятилетие. Во-вторых, многие мигранты, эвакуированные в Сибирь, вернулись в европейскую часть страны. В результате общее число браков и у латышей и у эстонцев значительно возросло, почти повсеместно превысив уровень предвоенного пятилетия, при этом в ряде областей процент однонациональных браков вырос, а процент этнически смешанных снизился. Так, например, в Омской области однонациональные браки в этот период составили у латышей и латгальцев 33,3%, а у эстонцев – 42,2%, что хотя и было значительно ниже довоенного уровня, но превышало показатели предыдущего пятилетия. У латышей и латгальцев Томской области процент однонациональных браков вырос по сравнению с 1941–1945 гг. в 2 раза и достиг 37,5%, превысив довоенный уровень. В то же время у эстонцев, живших в Новосибирской, Томской и Кемеровской областях, в эти годы возросла доля этнически смешанных браков, а доля однонациональных браков заметно снизилась. Интенсивнее всего в этот период проходило этническое смешение выходцев из Прибалтики с русскими. У латышей и латгальцев браки с русскими составляли в Омской области 37,4% от всех браков, в Новосибирской – 58,4, в Томской – 50,0, в Кемеровской – 90,0%. У эстонцев в Омской – 27,7%, в Новосибирской – 48,5, в Томской – 43,7, в Кемеровской – 51,7%. В Новосибирской и Кемеровской областях эстонцы вступали в браки с русскими даже чаще, чем между собой.

Поскольку национальный состав брачных партнеров прибалтийских поселенцев всецело определялся их этническим окружением, то в Омской области, этнический состав которой в районах проживания прибалтов был более пестрым, чем в других областях Западной Сибири, латыши и эстонцы чаще вступали в брак с украинцами, немцами, финнами и между собой, чем в других областях. Так, например, браки латышей и латгальцев с эстонцами в этот период в Омской области составили 16,3% от всех браков, с украинцами – 5,4, с немцами – 4,8. Браки эстонцев с немцами составили 4,8, а с украинцами – 4,2%. Удельный вес браков эстонцев с финнами по сравнению с довоенным пятилетием сократился в 2

раза и составил 5,4%. Это, на наш взгляд, связано с частичной ассимиляцией финнов как эстонцами, так и другими национальностями.

На ход этнических процессов в ряде мест Сибири в 1950-е годы существенно повлияло появление здесь репрессированных ссыльнопереселенцев из Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Белоруссии. В рассматриваемых нами районах большинство ссыльнопоселенцев выявлено в Томской области. По мнению Ю. Вийкберга и М. Раннута, массовые выселки 1949 г. прибалтийских колоний не пополняли¹¹, но нередко в районы с эстонским населением попадали латыши и наоборот. Так, например, в Пышкино-Троицком районе появилось немало ссыльных латышей, работавших в основном в колхозе «Пролетарская крепость» и на Сергеевской МТС, а в Кривошеинском районе – эстонцев. Общее число браков латышей и латгальцев в Томской области выросло по сравнению с предыдущим пятилетием в 2,8 раза, достигнув 113 – самого высокого показателя за весь рассматриваемый период, причем процент однонациональных браков составил 52,2. Национально-смешанные браки латыши заключали с русскими (24,8%), белорусами (5,3%), немцами (2,7%), украинцами (1,8%), эстонцами (2,7%), поляками (1,8%), а также с литовцами и болгарами, большинство из которых тоже были ссыльнопоселенцами. Общее число эстонских браков в Томской области незначительно сократилось, но процент однонациональных браков вырос до 50,9. В других областях депортированные из Прибалтики не оказали на ход этнических процессов такого серьезного влияния, как в Томской.

Интересно отметить, что данные антропологии указывают на существенные различия между латышскими ссыльнопоселенцами и потомками добровольных переселенцев конца XIX – начала XX вв. Например, у ссыльных были распространены мужские имена Ансис, Бруно, Гунарс, Доминик, Имантс, Оярс, Эдгар, Язепс, женские – Аудра, Велта, Вилма, Мирдза, Рута, практически не встречавшиеся у сибирских латышей второго-третьего поколения.

В Омской, Новосибирской и Кемеровской областях в 1951–1955 гг. соотношение национальных и этнически смешанных браков прибалтийского населения по сравнению с предшествующим пятилетием почти не изменилось. Следует лишь отметить увеличение удельного веса браков латышей и эстонцев с русскими в Омской области. У латышей и латгальцев он составил 42,3, у эстонцев – 30,2%. На наш взгляд, это связано с

начавшимся освоением целинных и залежных земель и прибытием в Сибирь значительного числа переселенцев из европейской части страны. Большую часть этого контингента составляли русские, нередко вступавшие в Сибирь в брак, в том числе и с выходцами из Прибалтики.

В 1956–1961 гг. происходит процесс дальнейшего сближения латышей и эстонцев с другими народами. Удельный вес однонациональных браков повсеместно заметно снизился. У латышей и латгальцев в Омской области он составил 20,9, в Новосибирской – 9,8%. В Томской области в 1956–1958 гг. заключалось немало однонациональных браков, но в 1958 г. ссыльнопоселенцам было разрешено вернуться на родину, и в итоге по сравнению с предыдущим пятилетием количество таких браков сократилось в 1,7 раза, составив 33,7%. У эстонцев удельный вес однонациональных браков снизился в Омской области до 42,0, в Новосибирской – до 36,5, в Томской – до 38,4, в Кемеровской – до 25,0%. Наибольшее число однонациональных браков как у латышей, так и у эстонцев приходилось на районы, расположенные вдалеке от крупных водных артерий и Транссибирской железнодорожной магистрали, и где прибалтийское население проживало сравнительно компактно. У латышей наибольшее число однонациональных браков заключалось в Крутинском районе Омской области – 25,0, у эстонцев – в Седельниковском районе Омской области – 67,7 и в Кыштовском районе Новосибирской области – 69,2%.

Почти повсеместно увеличился удельный вес браков прибалтийских поселенцев с русскими. Только у эстонцев Томской области он незначительно снизился. Происходил также процесс дальнейшего сближения латышей и эстонцев с другими национальностями. Например, процент браков эстонцев с немцами составил в Омской области 7,3, в Новосибирской – 10,6, в Томской – 1,4. Латыши и латгальцы заключили с немцами в этот период в Омской области 6,6% от всех браков, в Новосибирской – 2,4%, в Томской – 5,0%. Много браков заключалось также между эстонцами и латышами. В Омской области они составили 7,6% от всех браков, в Новосибирской – 10,6%, в Томской – 11,0%.

Характеризуя данный период в целом, можно сказать о том, что ресурсы противостояния эстонских колоний влиянию иноязычного окружения постепенно иссякали.

Еще в большей степени это высказывание применимо к латышским и латгальским поселениям Западной Сибири, так как сближение

латышей и латгалцев с русскими происходило еще более интенсивно, чем у эстонцев.

В 1960-х годах в Западной Сибири развернулась кампания по укрупнению хозяйств и ликвидации «неперспективных» деревень¹². Это имело губительные последствия для ряда малых деревень, в том числе населенных выходцами из Прибалтики.

В Омской области были ликвидированы такие деревни, как Балтика Исилькульского района, Макаркино Калачинского района, Новиковка и Сырбашка Тарского района, Красная Эстония Большереченского района и многие другие. Немало деревень с прибалтийским населением было ликвидировано в других западносибирских областях. Но если даже деревни, признанные «неперспективными» в результате реализации этой политико-экономической программы, и не были ликвидированы, то они утрачивали свою экономическую и культурную самостоятельность, становясь отделениями укрупненных совхозов и колхозов со всеми вытекающими отсюда последствиями в социальной и культурной сфере. Молодежь после службы в армии или учебы в вузе уже не возвращалась туда. Значительная часть населения переселялась на центральную усадьбу колхозов и совхозов, где ассимилировалась иноязычным населением.

Наиболее характерным примером является судьба эстонских деревень Койдула и Юрьевка Мариинского района Кемеровской области. До 1961 г. эти две деревни были объединены в Койдулинский сельсовет (колхоз «Родина»), где преобладало эстонское население. В 1961 г. Койдулинский сельсовет был упразднен, а указанные две деревни вместе с деревнями Большой Антибес и Малый Антибес, в которых эстонского населения почти не было, образовали Большеантибесский сельсовет (колхоз «Авангард»). При этом, хотя сельсовет назывался Большеантибесским, он размещался в селе Малый Антибес, а правление колхоза – в г. Мариинске. В результате укрупнения в русских деревнях активно велось жилищное строительство и привлекалась рабочая сила извне, а эстонские постепенно приходили в запустение. Вследствие всех этих процессов удельный вес браков с участием эстонцев в Койдулинском (Больше-Антибесском) сельсовете резко сократился. Если в 1956–1961 гг. он составлял 33,3, то в 1970 – 1975 гг. – 9,1%.

В «перспективных» деревнях с прибалтийским населением, расположенных вблизи Транссибирской железной дороги (Золотая Нива

Оконешниковского района, Ивановка Калачинского района Омской области), в результате миграций образовалось смешанное в этническом плане население. Вместе с латышами и эстонцами там стали проживать русские, украинцы, немцы, татары, казахи, чуваша и др. В результате доля прибалтийского населения в этих деревнях уменьшилась (в 1983 г. в Золотой Ниве эстонцы составляли 26,0% от общего числа жителей), а количество национально-смешанных браков возросло¹³.

В более благоприятном положении оказались «перспективные» деревни с прибалтийским населением, расположенные вдали от железной дороги, миграционный поток в которые был менее интенсивный. Так, например, в Рыжковском сельсовете Крутинского района удельный вес браков с участием латышей в 1970–1975 гг. по сравнению с предшествующим периодом не только не сократился, но даже возрос с 26,7 до 29,9%.

Кроме вышеупомянутой кампании по укрупнению колхозов большое влияние на ход этнических процессов в Сибири оказали миграции населения. Поскольку укрупненные колхозы не могли вместить всех желающих, образовался избыток трудоспособного населения, который устремился в другие регионы страны. Одним из факторов, способствовавших миграции, был сравнительно низкий уровень жизни в Сибири по сравнению с другими районами РСФСР. В основном мигранты всех национальностей уезжали на Украину (30,7% всех выбывших из Сибири), на Северный Кавказ (24,9%), в Среднюю Азию (23,9%). 3% эмигрантов выбыло в Прибалтику¹⁴.

В этот же период шел процесс миграции из Прибалтики в Сибирь. Но, во-первых, в первой половине 1960-х годов 82% иммигрантов из Прибалтики составляли русские и только 10% – лица коренных национальностей, а, во-вторых, в 1966–1970 гг. миграционный отток из Сибири в Прибалтику значительно превышал приток (в среднем на 100 человек, приехавших из Прибалтики, приходилось 146 человек, уехавших туда)¹⁵.

Значительная часть жителей деревень с прибалтийским населением в этот период переезжает в районные и городские центры. Вследствие этого как у латышей, так и у эстонцев возрос удельный вес городского населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., в Омской области доля городского населения у латышей составляла 33,4, а у эстонцев – 25,7%¹⁶. Увеличение доли городского населения, в свою очередь, привело к росту удельного веса браков, заключаемых выходцами из

Прибалтики в городах. Например, если в 1956–1961 гг. у эстонцев, проживавших в Мариинском районе Кемеровской области, в г. Мариинске, заключалось 20,0% от общего числа браков, то в 1970–1975 гг. – 49,1%.

Кампания по укрупнению колхозов и ликвидации «неперспективных» деревень, а также эмиграция прибалтийского населения из Сибири привели к значительному сокращению латышского и эстонского населения в этом регионе. Так, эстонское население в Томской области с 1959 г. по 1970 г. сократилось с 2 287 до 1 870 человек. В Кемеровской области в 1959 г. насчитывалось 2 986 эстонцев, в Омской – 7 005. В 1970 г. в этих областях осталось, по данным Всесоюзной переписи населения, соответственно 2 008 и 5 160 эстонцев, а по данным Ю. Вийкберга и М. Раннута – 2 596 и 6 053 эстонцев¹⁷.

Значительно сократилось и латышское население Западной Сибири. В 1970 г. в Кемеровской области насчитывалось 1 806 латышей, в Омской – 4 231¹⁸.

Все вышеуказанные факторы серьезно повлияли на ход и направление этнических процессов у сибирских латышей и эстонцев. По сравнению с 1956–1961 гг. в 1970–1975 гг. общее число браков эстонцев сократилось в Омской области в 1,3 раза, в Новосибирской – в 1,7 раза, в Кемеровской – в 1,8 раза, а в Томской оно осталось на прежнем уровне. При этом удельный вес однонациональных браков в Омской области уменьшился в 2 раза, в Новосибирской – в 2,3, в Томской – в 1,4, в Кемеровской – в 2,4 раза. У латышей и латгальцев общее число браков в Омской области сократилось в 1,8, в Новосибирской – в 3,4, в Томской – в 3,9 раза. И удельный вес однонациональных браков в Омской области сократился в 2,3, в Новосибирской – в 1,2 раза, в Томской – в 8,9 раз.

Таким образом, доля однонациональных браков в 1970–1975 гг. сокращалась значительно быстрее, чем общее число браков, что создавало предпосылки для ассимиляции эстонцев и латышей населением другой национальности. Тем более что доля браков эстонцев с русскими составляла в Омской области 57,5, в Новосибирской – 76,5, в Томской – 60,3, в Кемеровской – 65,5%. У латышей и латгальцев в Омской области аналогичные браки составили 70,0, в Новосибирской – 75,0, в Томской – 96,2%. Таким образом, у латышей процессы этнического сближения с русскими проходили гораздо интенсивнее, чем у эстонцев.

В 1976–1980 гг. процесс растворения выходцев из Прибалтики среди других национальностей несколько замедлился. В ряде мест как у латышей, так и у эстонцев возрос удельный вес однонациональных браков, хотя по сравнению с 1950-ми годами он был незначителен. Однако у эстонцев Омской и Томской областей доля однонациональных браков продолжала сокращаться и составила соответственно 4,4 и 9,3%.

Интересно отметить, что в этот период в актовых записях о браках у латышей почти не встречаются такие имена, как Зельма, Жан, Мартин, Роберт, Павлина (Паулина), а у эстонцев – Август, Аральд (Харальд), Вальтер, Карл, Март, Мартин, Миральда, Сальма, Эйе и т. д. Очень часто (особенно у эстонцев) при бытовом общении прибалтийские имена стали заменяться созвучными им русскими. Например, Антс – Антон, Вольдемар – Владимир, Сальма – Зинаида, Эльга (Хельга) – Ольга, Элье – Елена, Эльми (Гельми, Хельми) – Галина, Ян (Яан) – Иван. Все это также свидетельствует об интенсивном сближении между выходцами из Прибалтики и русскими в этот период.

Во второй половине 1970-х годов продолжались миграции латышского и эстонского населения из мест их прежнего проживания в районные центры, а также в крупные деревни с развитой инфраструктурой, в том числе населенные соотечественниками. Так, например, в с. Золотая Нива Оконешниковского района Омской области появилось немало эстонцев из Седельниковского района, в Калачинский район переезжали жители эстонских поселений Татарского района Новосибирской области, в Зырянский район Томской области приехало много эстонцев из Мариинского района Кемеровской области и т. д. Латыши и латгальцы переезжали как в районные центры (Венгерово, Кривошеино, Крутинку), так и в крупные деревни (Екатериновку и Мартюшево Тарского района, Рыжково Крутинского района Омской области). Крупных межрайонных и межобластных миграций латышей в сельских районах Западной Сибири нами не отмечено. Зато у латышей и латгальцев в этот период отмечен рост городского населения, очевидно, за счет миграции из сельских районов в областные центры и районные центры городского типа. Так, по сравнению с 1970 г., в 1979 г. латышское население в сельских районах Омской области уменьшилось на 23,8, а городское латышское население возросло на 14,3%. В Кемеровской области за эти же годы латышское сельское население увеличилось на 10,5, а городское – на 9,7%¹⁹. В меньшей степени миграции из

села в город затронули эстонское население. Так, в Кемеровской области в 1970–1979 гг. сократилось число эстонцев как в городской, так и сельской местности соответственно на 4,9 и 32,0%²⁰.

Переезд латышей и эстонцев в города вызван в первую очередь социально-экономическими предпосылками – большими возможностями для работы, лучшими условиями жизни и более богатым культурным досугом. А на центральную усадьбу своего колхоза или в крупные села латыши и эстонцы едут потому, что в своей родной деревне они зачастую не имеют никаких объектов соцкультбыта – нет детских садов, школ, хороших дорог, а сфера здравоохранения зачастую ограничена медпунктом.

Продолжался миграционный отток латышей и эстонцев из Западной Сибири в другие районы страны. Эстонское население в 1979 г., по сравнению с 1970 г., уменьшилось в Омской области, по данным Ю. Вийкберга и М. Раннута, с 6 053 до 4 544 человек (на 24,9%), по данным Всесоюзной переписи населения – с 5 160 до 4 544 (на 11,9%), в Томской – с 1 870 до 1 054 (на 46,8%), в Кемеровской – по данным Ю. Вийкберга и М. Раннута, с 2 586 до 1 688 (на 34,7%), а по данным Всесоюзной переписи населения – с 2 008 до 1 688 человек (на 15,9%). Латышское население Омской области за этот же период уменьшилось с 4 251 до 3 761 человека (на 11,1%). Исключение составляет лишь латышское население Кемеровской области, которое в указанные годы возросло с 1 806 до 1 984 человек (на 9,9%)²¹. Случаи возвращения латышей или эстонцев в Сибирь единичны.

В 1981–1985 гг. этнические процессы у латышей и эстонцев в различных областях Западной Сибири протекали неравномерно. У латышей Омской и у эстонцев Томской области, где большинство прибалтийского населения оказалось в крупных деревнях с развитой инфраструктурой и куда устремились их соотечественники как из ближних «неперспективных» деревень, так и из соседних районов и областей, наблюдался некоторый рост как общего числа браков, так и количества однонациональных браков. И если, например, у эстонцев Омской области, значительная часть которых живет в крупных деревнях (Золотая Нива Оконешниковского района, Ивановка Калачинского района, Цветнополе Одесского района), общее число браков снизилось только на 10,8, а количество однонациональных – на 18,8%, то в Кемеровской области эти цифры составили соответственно 60,0 и 80,0%. При этом впервые количество браков

с участием эстонцев в г. Мариинске превысило их количество в сельской местности. Что касается латышей и латгальцев, то в Томской области у них был заключен только 1 однонациональный брак за 5 лет, а в Новосибирской области таких браков вообще не было заключено. Это, на наш взгляд, связано с тем, что большинство населенных пунктов с прибалтийским населением в этих областях попало в разряд «неперспективных» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Уже с самого начала рассматриваемого периода, за исключением 1941–1945 гг., когда русско-латышских и русско-эстонских браков заключалось гораздо больше, чем эстонско-русских и латышско-русских, серьезной диспропорции полов при вступлении в браки с русскими у прибалтийских поселенцев не было. Дети в семьях, где один из родителей русский, а другой – эстонец или латыш, в большинстве выбирали русскую национальность. На наш взгляд, это объясняется инонациональным окружением латышей и эстонцев в Сибири, большинство которого составляют русские.

В браках латышей и эстонцев с немцами, независимо от того, кто по национальности отец, а кто – мать, дети почти всегда выбирали латышскую или эстонскую национальность. Это происходило даже в тех населенных пунктах, где преобладает немецкое население (например, в с. Цветнополе Одесского района Омской области, где, по данным похозяйственных книг на 1990 г., немецкое население составляло 74% от общего числа жителей, а эстонское – 6%). Вероятно, такой выбор подростков из смешанных семей связан с определенной непрестижностью немецкой национальности в нашей стране до недавнего времени.

В 1990-х годах ситуация полностью изменилась. Отныне немецкая национальность гарантировала подростку определенные льготы, а в перспективе – выезд в Германию. Поэтому часто дети из латышско-немецких или эстонско-немецких семей стали выбирать немецкую национальность.

Во второй половине 1980-х годов продолжался отъезд латышей и эстонцев из Западной Сибири. По данным переписи 1989 г., латышское население Кемеровской области, по сравнению с 1979 г., сократилось на 30, а эстонское – на 13,9%²². По данным переписи населения 1989 г. по Омской области, латышское население там сократилось на 14,5, а эстонское – на 10,5%. Однако после выхода прибалтийских республик из со-

става СССР и распада последнего, а также принятых еще раньше постановлений, направленных на регулирование процессов миграции в Латвию и Эстонию²³, выезд латышей и эстонцев из Сибири на родину заметно сократился.

В результате этнических процессов в сибирской деревне латышское и эстонское население в большинстве бывших прибалтийских колоний не превышает 30–50%. В настоящее время среди деревень с прибалтийским населением можно выделить 5 типов расселения (по национальному составу):

1. Деревни, заселенные лицами русской или немецкой национальности с небольшим (до 10%) количеством прибалтийского населения.

2. Многонациональные селения с преобладающим русским населением, где число латышских и эстонских семей не превышает количество национально-смешанных семей с участием лиц данных национальностей.

3. Многонациональные селения с преобладающим русским населением, где число прибалтийских семей намного превышает число национально-смешанных семей с их участием.

4. Деревни, заселенные преимущественно лицами двух национальностей (русские и латыши или эстонцы), с небольшим преобладанием той или иной группы и большим количеством национально-смешанных браков.

5. Деревни, заселенные преимущественно лицами прибалтийского происхождения.

Таким образом, в настоящее время идет активный процесс сближения латышей и эстонцев, проживающих в Западной Сибири, с другими народами. Катализатором этого процесса стала кампания по укрупнению колхозов и ликвидации «неперспективных» деревень, а также миграция иноязычного населения в населенные пункты с прибалтийским населением. При этом в 1960–1980-х годах латышское и эстонское население Западной Сибири неуклонно сокращалось. Все это создает предпосылки для дальнейшей ассимиляции данных этнодисперсных групп.

3.2. Этническое самосознание и национальные установки сибирских латышей и эстонцев

Один из основных признаков этнической общности – этническое самосознание, то есть представление о принадлежности индивидуума или группы людей к определенному этносу или шире – к этнической общности. Формирование этнического самосознания связано с процессом консолидации наций. Его суть состоит в постепенной замене представлений о принадлежности к отдельным этнографическим или локальным группам того или иного народа осознанием своей принадлежности к народу в целом. Изменение этнического самосознания происходит под влиянием естественно протекающих в современных условиях процессов интернационализации жизни различных этнических общностей. В отличие от процесса консолидации эти процессы охватывают численно небольшие, обычно дисперсно расселенные группы²⁴.

Для дисперсных групп, оторванных от основного этнического массива, критерием, характеризующим данные группы, согласно Ю.В. Бромлею, является субэтническое самосознание. Иными словами, при потере самосознания тот или иной субэтнос переходит в качественно иную категорию, например в этнографическую группу²⁵.

В нашем стандартизированном опросном листе изучению этнического самосознания посвящены несколько вопросов о знании информатором своей групповой этнической принадлежности или района выхода своих предков, о знании им национальных групп своего народа, а также об этнической самоидентификации латышей и эстонцев. Всего было опрошено 500 латышей и 730 эстонцев. Исследования проводились в Омской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областях в 1986–1991 гг.

Интересные результаты мы получили после опроса сибирских латышей о знании ими своей групповой этнической принадлежности или района выхода своих предков. Так, 25,0% опрошенных заявили, что считают себя латгальцами.

Таким образом, оказавшись в Сибири, латгальцы, оставаясь латышским субэтносом, сохранили свое групповое самосознание. Этноним «латгалец» фиксировался в личных документах поселенцев и в актах гражданского состояния. В то же время уже в 1920-х годах шел активный процесс сближения латгальцев с другими народами, приводивший зачастую к утрате ими своего субэтнического самосознания. Например, в

1926 г. при проведении Всесоюзной переписи населения в Сибири было зарегистрировано 9 тыс. латгальцев. Значительная часть латгальских поселенцев записалась латышами или поляками²⁶. Активно проходило также сближение латгальцев с русскими. Так, в 1926 г. в селе Елизаветино Калачинского района Омского округа дети во многих латгальских семьях говорили дома на русском языке²⁷.

Иногда в деревнях со смешанным латышско-латгальским населением латгальцы при самоидентификации делали акцент не на этнический, а на конфессиональный признак. Так, в 1930-х годах в Елизаветино латгальцы при вступлении в брак в графе «национальность» очень часто писали «католик».

В настоящее время численность этой этнической группы латышей в Сибири сильно сократилась как вследствие миграций, так и вследствие их ассимиляции со стороны русского населения. Однако респонденты, назвавшие себя латгальцами, представляют все половозрастные и социально-профессиональные группы, что свидетельствует об устойчивости их субэтнического самосознания.

Представителей других латышских субэтносов, живших раньше или живущих сейчас в Латвии, в Сибири не обнаружено. На наш взгляд, это связано с тем, что латгалы, курши и земгалы консолидировались в единую латышскую народность уже к началу XVII в., которая, в свою очередь, на рубеже XIX–XX вв., то есть к началу периода добровольного переселения в Сибирь, трансформировалась в латышскую нацию, что привело к замене этнического самосознания данных локальных групп осознанием их принадлежности к латышской нации в целом, хотя диалектные особенности и специфические черты в хозяйственно-бытовом укладе и традиционной культуре в историко-культурных областях Латвии – Видземе, Земгале, Курземе и Латгале – сохранялись вплоть до коллективизации в латышской деревне во второй половине 1940-х годов.

Поэтому большое внимание мы уделили вопросу о районах выхода информатора или его предков. 11,2% опрошенных назвали себя выходцами из Латгале, при этом многие не считают себя латгальцами, 5,0% – из Курземе, 1,0% – из Земгале и 2,4%, не зная точного места проживания своих предков, ответили, что они родом «из Латвии вообще». Некоторые информаторы говорили, что их предки были кубанскими или смоленскими латышами. Напомним, что по данным «Latviešu konversācijas

vardnīca» в 1915–1916 гг. на Кубани было 13 населенных пунктов с латышским населением, а в Смоленской губернии – 61²⁸, откуда латыши могли впоследствии переехать в Сибирь.

Интересно, что многие информаторы при ответе на этот вопрос указывали точное место выхода своих предков. Так, многие потомки выходцев из Курземе указывали, что их предки родом из Лиепай или из Вентспилса.

11,2% опрошенных считают себя сибирскими латышами. Каждый из них при этом подчеркивал, что между сибирскими латышами и латышами, живущими в Латвии, существуют языковые, культурные и психологические различия. Эта категория информаторов представлена во всех половозрастных и в большинстве социально-профессиональных групп, кроме руководителей высшего и среднего звена. В половозрастных группах наибольший удельный вес среди назвавших себя сибирскими латышами зафиксирован и у мужчин и у женщин моложе 25 и старше 60 лет, наименьший – у людей среднего возраста (мужчины и женщины 30–34 и 50–59 лет). В социально-профессиональных группах большинство считающих себя сибирскими латышами – это квалифицированные рабочие (24,3%) и специалисты средней квалификации (21,2%). Все это свидетельствует о развитом национальном самосознании у лиц старшего возраста и росте его у молодежи, значительную часть которой составляют квалифицированные рабочие и специалисты. Этот рост национального самосознания, вероятно, связан с активизацией национальных процессов в СССР и СНГ, а также в Латвии в 1985–1992 гг. В то же время люди среднего возраста довольно безразлично относятся к своим национальным корням. Так, 48,4% опрошенных затруднились определить свою групповую этническую принадлежность, а у мужчин и женщин в возрасте 35–49 лет этот процент соответственно составил 59,2 и 50,0. Среди других возрастных групп следует отметить женщин старше 60 лет – 59,1% из них затруднились ответить на этот вопрос.

На вопрос о знании национальных групп своего народа респонденты-латыши продемонстрировали знание 4 основных историко-культурных областей Латвии, называя их жителей соответственно земгальцами (0,8% опрошенных), курземцами (5,6%), видземцами (1,8%) и латгальцами (15,6%). При ответе на этот вопрос нас, естественно, интересовала позиция латгальцев, которые сами являются латышским субэтно-

сом. Некоторые информаторы ответили, что латгалыцы – это народность, но большинство, не мысля такими категориями, как «этнос» или «субэтнос», заявили: «Мы – латышская поднация».

8,6% респондентов считают, что сибирские латыши также являются этнической группой латышского народа, причем у молодежи до 25 лет этот процент соответственно составил 16,7 у мужчин и 22,2 – у женщин.

Характерно, что ни один из опрошенных не назвал в качестве этнической группы латышей, живущих в Башкирии, на Кубани, в Белоруссии или в любом другом районе бывшего СССР за пределами Латвии, а большинство респондентов даже не слышали о них.

51,8% информаторов затруднились ответить на этот вопрос вообще.

Для каждой этнической общности типично сопоставление (противопоставление) ее всем другим подобным общностям. При этом такое сопоставление – неперемное формообразующее свойство всех этих типов общностей и имеет существенное значение для их функционирования. Язык, культура, особенности психики – вот те компоненты, которым принадлежит особая роль при сопоставлении рассматриваемых общностей²⁹. Противопоставление (антитеза) является одной из характерных черт этнического самосознания. Мы исследовали, какие именно этнические компоненты у сибирских латышей, на их взгляд, являются этнодифференцирующими (в чем их отличие от других народов). Главным этнодифференцирующим фактором у сибирских латышей является язык. На это указали 77,4% опрошенных. Причем у мужчин до 50 лет, которые знают традиционную культуру своего народа значительно хуже, чем женщины того же возраста, этот процент колеблется от 80 (мужчины 25–29 лет) до 100 (мужчины 30–34 лет). У женщин самый высокий процент (88,9) у молодежи до 25 лет. У остальных возрастных групп видят в языке главное отличие от людей других национальностей менее 80% респондентов. Таким образом, осознание языка основным этнодифференцирующим фактором, очевидно, напрямую зависит от знания информатором традиционной культуры своего народа.

Многие респонденты видят свое отличие от людей других национальностей в особенностях поведения. Как главный компонент их рассматривают 19,8% опрошенных, как второстепенный – 7,8%. Главными отличительными особенностями своего народа сибирские латыши считают спокойствие, рассудительность, трудолюбие и некоторые другие качества.

Одежду, жилище, пищу, а также черты лица информаторы в основном рассматривают как второстепенные этнические компоненты. Выделяют их главным образом люди старших возрастов, и общее количество лиц, выделивших эти компоненты, – около 10%. Чуть большее число опрошенных отметило как этнодифференцирующий фактор обряды и обычаи своего народа: 8,2% информаторов посчитали их главным компонентом, 8,6% – второстепенным. 7% информаторов (в основном латгалыцы) видят свое отличие от других национальностей в религии, 10,6% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос.

При ответе на вопрос: в чем вы видите близость к людям своей национальности, – на первые места респонденты поставили язык (как главный консолидирующий компонент его выделили 74,2% респондентов, как второстепенный – 1,0%), затем – общность происхождения (39,8 и 4,6%), обряды и обычаи (8,2 и 5,6%). Оказалось, что этническая специфика в одежде, жилище и религии является фактором близости лишь для 5–7% опрошенных латышей. В основном это люди старшего возраста и неквалифицированные рабочие. 11,8% информаторов затруднились ответить на этот вопрос.

Таким образом, результаты опроса подтвердили еще раз объективную закономерность, в основе которой лежит то, что язык является одним из важнейших признаков этнической общности.

В результате долгих контактов с окружающими их народами, главным образом с русскими, у сибирских латышей сформировались определенные стереотипы в отношении народов, близких им по языку и культуре, что также является одним из основных элементов этнического самосознания. Напомним, что наиболее близким к латышскому языку является литовский, который вместе с латышским входит в восточно-балтийскую подгруппу балтийской группы индоевропейской языковой семьи, а наиболее близки к латышам по культуре литовцы, эстонцы и ливы, составляющие вместе с ними Прибалтийскую историко-культурную общность.

Однако опрос принес неожиданные результаты. Наибольшее число респондентов (27,6%) наиболее близким по языку народом считают русских, затем следуют литовцы (23,4%), далее идут латыши, наиболее близкие по языку латгалыцам (14,4%), 12,0% информаторов осознают языковую близость с эстонцами, 8,8 – с немцами и 3,4 – с латгалыцами, 22,6% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос.

Наиболее близкими к себе народами по культуре латыши считают русских (25,6% опрошенных), эстонцев (22,6%), литовцев (16,2%), немцев (9,8%), латгальцев (1,2%). Латгальцы наиболее близкими к себе по культуре, так же как и по языку, считают латышей (12,0% от общего числа опрошенных). 27,6% респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

Результаты опроса, на наш взгляд, во многом объясняются малочисленностью в Сибири селений с литовским населением. Большинство наших информаторов, очевидно, никогда не сталкивались с литовцами и о сходстве двух народов по языку и культуре знают лишь понаслышке. (Как уже было выше сказано, литовцы в Сибири в основном жили в городах, а также в Венгеровском районе Новосибирской области, где существуют не латышские, а латгальские деревни). Характерно, что мужчины-латыши, которые более мобильны, чем женщины, и чаще общаются с людьми других национальностей, значительно чаще называли литовцев среди народов, близких им по языку и культуре. У мужчин определили литовцев как наиболее близких по языку 31,9% опрошенных, по культуре – 22,1%, у женщин соответственно 17,6 и 12,2%. Среди социально-профессиональных групп литовцев называли в основном руководители и специалисты высшей и средней квалификации, в то время как у служащих и неквалифицированных рабочих удельный вес лиц, назвавших литовцев, сравнительно невелик.

Как сказано выше, 12,0% респондентов отметили свою языковую близость с эстонцами, относящимися к другой языковой семье. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что в населенных пунктах, где латыши непосредственно не сталкиваются с эстонцами, они свою культурную близость с ними автоматически проецируют на язык. Характерно, что среди руководителей и специалистов высшей и средней квалификации почти никто не определил эстонцев как народ, близкий к латышам по языку.

Что касается языковой и культурной близости латышей к русским, то следует отметить, что из всех народов, с которыми латыши непосредственно контактируют (эстонцы, немцы, русские и пр.), славянские языки, к которым относится и русский, наиболее близки к балтийским как по грамматической структуре, так и по лексическому составу. На осознание латышами своей культурной близости с русскими непосредственно повлияло длительное культурное взаимодействие между двумя народами,

а также многочисленные национально-смешанные браки между русскими и латышами.

Рассматривая вопрос о знании эстонцами, живущими в Западной Сибири, своей групповой этнической принадлежности или района выхода своих предков, надо сказать, что к моменту начала массового добровольного переселения в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) эстонцы, как и латыши, консолидировались в единую нацию. Исключение составляли лишь сету – этническая группа эстонцев, жившая на юго-востоке Эстонии и в псковском Причудье. В их быту и культуре сохранялись самобытные черты и особенности, свидетельствовавшие о большом влиянии русских³⁰. Но несмотря на эту консолидацию, сохранялись существенные языковые различия между северными и южными эстонцами.

Однако сету в Сибири проживают лишь на территории нынешнего Красноярского края, поэтому почти никто из респондентов не указал свою принадлежность к этой этнической группе. 7,9% респондентов считают своих предков выходцами из Выру, 4,1 – из Тарту, 2,6 – из Таллинна, 0,7 – из Раквере, 8,4%, затрудняясь указать конкретное место выхода, считают, что они родом «из Эстонии вообще». Отдельные информаторы называли местами своего выхода Тапу, Валгу, Виру, Кохтла-Ярве и другие районы Эстонии. Потомки участников восстания 1858 г. в Северной Эстонии, проживающие в настоящее время в Калачинском районе Омской области, считают себя выходцами из Махтра. Некоторые информаторы, в основном из Омской области, считают себя корлаками – ингерманландскими финнами, большая часть которых была сослана в Сибирь в начале XIX в. Еще в конце 1960-х годов, по данным В. Злобиной, значительная часть корлаков проживала в Знаменском и Крутинском районах Омской области³¹, но затем они либо разъехались, либо были ассимилированы эстонцами.

Знание района выхода своих предков эстонцами Западной Сибири в немалой степени объясняется тем, что в разных районах Эстонии говорят на разных диалектах. Так, по мнению Ю. Вийкберга, в эстонских поселениях в Сибири, основанных добровольными переселенцами, где северные и южные эстонцы жили отдельно друг от друга, северные эстонцы считали свой язык лучше и престижнее, а южные, хотя и признавали североэстонский литературный язык, но свой диалект находили более

красивым и правильным³². Это, несомненно, способствовало укреплению субэтнического самосознания эстонцев в Сибири.

17,4% опрошенных считают себя сибирскими эстонцами. Так же, как и латыши, они осознают языковые, культурные и психологические отличия от основного этнического массива. 57,6% респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

На вопрос о знании национальных групп своего народа большинство опрошенных (68,8%) затруднились ответить, 8,5% респондентов считают сибирских эстонцев национальной группой эстонского народа, причем наивысший процент в половозрастных группах зафиксирован у мужчин и женщин в возрасте до 25 лет, где он соответственно составил 20,0 и 13,3. Это свидетельствует об определенном росте субэтнического самосознания сибирско-эстонской молодежи.

Остальные ответы распределились так: 4,5% опрошенных считают этнической группой своего народа эстонцев в Эстонии, 5,2 – таллинских эстонцев, 4,0 – эстонцев из Выру, 1,2 – сааремаасцев, 2,3 – эстонцев из Мульгимаа, 4,8 – сету, 8,2% – эстонцев из Тарту. Каждая из этих групп, по мнению информаторов, характеризуется локальными языковыми и культурными особенностями. 1,0% информаторов считают финнов национальной группой эстонского народа. Эта точка зрения отражает определенный уровень самосознания тех эстонцев Сибири, которые нередко контактировали с близкими им по языку и культуре финнами, а иногда и ассимилировали их³³.

Характерно, что в отличие от латышей Западной Сибири, которые практически ничего не знают о своих соотечественниках, живущих в других районах СНГ, некоторые из сибирских эстонцев слышали об эстонских поселениях в Вологодской и Самарской областях, а также на Кавказе. Это свидетельствует о культурном уроне и разрыве единого информационного пространства, которыми сопровождался «лингвацид» в прибалтийской сибирской деревне в конце 1930-х годов.

Основным этноконсолидирующим и этнодифференцирующим фактором большинство опрошенных считают язык. Близость к людям своей национальности в языке видят 70,0% информаторов (67,9% опрошенных выделили язык как главный консолидирующий компонент, 2,1 – как второстепенный). Отличие от людей других национальностей в языке видят 78,8% эстонцев (78,4% – считают язык главным диффе-

ренцирующим компонентом, 0,4% – второстепенным). Так же, как и у латышей, самый высокий процент отмечен здесь у молодежи до 25 лет. Основным этноконсолидирующим фактором язык назвали 88,0% мужчин и 81,0% женщин до 25 лет, этнодифференцирующим – 88,0% мужчин и 86,7% женщин. Причина – та же, что и у латышей: плохое знание молодежью традиционной культуры своего народа и, как следствие, выделение языка как основного консолидирующего и дифференцирующего фактора.

Значительное число информаторов – 36,3% – выделили как этноконсолидирующий фактор общность происхождения. При этом колебания в различных половозрастных и социально-профессиональных группах были незначительны. Необходимо отметить, что во время своих поездок в Эстонию автору достаточно часто приходилось слышать высказывание: «Эстонец и в Швеции, и в Австралии, и в Сибири все равно остается эстонцем».

В отличие от латышей эстонцы, сравнительно неплохо сохранившие свою традиционную культуру, часто выделяют как второстепенные этнические компоненты одежду, жилище, пищу, обряды и обычаи. Например, 6,7% информаторов выделяют одежду как второстепенный компонент (как главный – 2,7%), 6,4% – жилище (2,3%), 9,3% – пищу (3,0%), 11,1% – обряды и обычаи (8,5%), 3,3% – религию (2,3%). Как второстепенные этнодифференцирующие компоненты одежду выделяют 11,2% респондентов (как главный – 2,3%), жилище – 12,5% (2,2%), пищу – 13,3% (4,4%), обряды и обычаи – 11,5% (10,5%), религию – 4,5% (2,6%). В основном элементы традиционной материальной и духовной культуры в качестве этнических индексов фиксируют люди старшего поколения.

Важным этнодифференцирующим компонентом сибирские эстонцы считают особенности поведения. Их выделяют как главный или второстепенный фактор 25,9% опрошенных. Главными отличительными особенностями своего народа эстонцы считают немногословие, выдержку, умение хорошо работать и некоторые другие качества.

Однако эстонский исследователь Р. Руутсоо считает, что для эстонской нации характерны и другие черты. Во-первых, – это интровертность, некоторая мрачность, сравнительно малая мобильность, сконцентрированная в выражении «сначала никак не раскачаться, потом никак не остановиться». Во-вторых, – целеустремленность, упрямство, неуступ-

чивость, а подчас и неразумное настаивание на своем. В-третьих, – известная «эстонская затаенная злоба», готовность к длительной и непримиримой затаенной вражде³⁴. У эстонцев в Сибири эти качества иногда проявляются, но в значительно меньшей степени, чем в Прибалтике.

В отличие от латышей большинство эстонцев верно определили народы, близкие им по языку и культуре.

Так, наибольшее число респондентов (56,8%) наиболее близким по языку народом считают финнов, чей язык, так же, как и эстонский, относится к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы языков, 2,1% информаторов считают наиболее близким к эстонскому карельский язык, относящийся к той же подгруппе, а 0,5% – язык коми-зырян, который относится к пермской подгруппе финно-угорских языков.

В то же время у значительной части информаторов сформировались ложные стереотипы в отношении народов, близких им по языку. Так, например, 7,9% респондентов наиболее близким по языку народом считают немцев, 16,7 – русских, 9,2 – латышей, 2,5% – литовцев.

На наш взгляд, подобные стереотипы, так же, как и у латышей, можно объяснить тем, что, не контактируя во многих населенных пунктах с немцами, латышами и литовцами, эстонцы автоматически переносят свою культурную близость с этими народами на язык. Что же касается русских, то их эстонцы называют близкими по языку в основном в деревнях, где представители других национальностей либо отсутствуют, либо немногочисленны.

18,4% информаторов затруднились ответить на этот вопрос вообще.

Наиболее близкими по культуре к эстонцам являются народы, входящие в Прибалтийскую историко-культурную общность (латыши, литовцы, ливы), а также немцы, скандинавские и финно-угорские народы.

Сибирские эстонцы наиболее близкими по культуре считают финнов (24,8% респондентов), русских (23,8%), латышей (17,3%), немцев (10,4%), литовцев (4,2%), карел (1,6%) и коми (0,5%). Значительное число информаторов осознают свою культурную близость с русскими, что, на наш взгляд, объясняется, как и у латышей, многолетними культурными контактами между двумя народами.

В целом, этот вопрос вызвал значительные затруднения у наших респондентов, и 31,4% из них не смогли на него ответить.

Таким образом, сибирские эстонцы более адекватно, чем латыши, воспринимают свою языковую и культурную близость с другими народами. Это во многом обусловлено длительными контактами эстонцев Сибири с живущими здесь финнами – наиболее близким к ним в языковом отношении народом.

Далее мы рассмотрим национальные установки сибирских латышей и эстонцев. В научной литературе под национальными установками людей понимается устойчивое отношение к действию в связи с различными проявлениями жизни в конкретной ситуации. Национальные установки дают возможность выяснить национальные ориентации человека, а следовательно, и его поведение, например в разнонациональном коллективе. Практически изучение национальных установок дает возможность прогнозировать тенденции развития этнических процессов и изучать психологию национальных отношений³⁵.

В отличие от субэтнического самосознания, степень сохранения которого у латышей и эстонцев Западной Сибири различна, национальные установки у этих этнических групп очень схожи, поэтому здесь они рассматриваются вместе.

Анализ установок на отношение к совместной работе с представителями иных национальностей на производстве показал, что положительные установки имеют 91,4% латышей и 90,6% эстонцев. Лишь 4,6% опрошенных латышей и 5,6% эстонцев ответили, что в разнонациональном коллективе работать сложнее. Фактически и латыши и эстонцы на протяжении многих десятилетий работают совместно в составе колхозов, совхозов, леспромхозов с представителями других национальностей. Постоянное общение способствует развитию дружеских отношений между прибалтийскими поселенцами и другими народами.

Налицо зависимость национальных установок латышей от возрастной структуры опрошенных. В основном отрицательные установки на работу в межнациональном коллективе характерны для небольшого числа лиц преклонного возраста, имеющих более низкий уровень образования и хуже владеющих русским языком, чем остальные респонденты.

У эстонцев зависимость негативных установок от возраста опрошенных выражена не столь ярко, как у латышей, но наблюдаются определенные различия в ответах мужчин и женщин. У мужчин-эстонцев негативные установки имеют 4,9% респондентов, у женщин – 6,0%. Это, веро-

ятно, связано с большей социальной активностью мужчин по сравнению с женщинами. Но в целом принадлежность к мужчинам или женщинам почти не влияет на показатели сибирских эстонцев по данному вопросу.

Анализ национальных установок на отношение к национально-смешанным бракам показал, что в целом положительно к ним относятся 92,8% опрошенных латышей и 88,8% эстонцев. Высокий процент положительных установок на отношение к национально-смешанным бракам подтверждается и практикой таких браков.

Количество отрицательных установок на межэтнические браки почти не зависит ни от половозрастных, ни от социально-профессиональных характеристик опрошенных латышей и эстонцев. Например, среди мужчин-латышей в браки с людьми своей национальности предпочитают вступать 3,4% респондентов, а у женщин – 4,4%. У эстонцев ситуация обратная – мужчины предпочитают вступать в брак с людьми своей национальности чаще, чем женщины (мужчины – 6,1%, женщины – 5,8%).

Интересны результаты, полученные при анализе национальных установок сибирских латышей и эстонцев на межнациональное общение. 88,2% латышей и 90,3% эстонцев отметили, что согласны дружить с представителями любой национальности, если данный человек достоин их дружбы, 5,0% латышей и 5,5% эстонцев предпочитают дружить только с людьми своей национальности, 4,0% латышей и 2,3% эстонцев предпочитают дружить с русскими. Остальные затруднились ответить на этот вопрос. При ответе большинство респондентов (как латышей, так и эстонцев) подчеркнули, что главное – это личные качества их друзей, а не национальность.

Характерно, что если у латышей национальные установки на межнациональное общение практически не зависят от пола опрошенных (и у мужчин, и у женщин положительные установки имеют 88,2% опрошенных), то у эстонцев положительные установки на межнациональное общение имеют 94,7% мужчин и 87,8% женщин, причем у женщин старше 60 лет этот процент составил только 81,1. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что эстонки пожилого возраста владеют русским языком значительно хуже, чем другие половозрастные группы, а это значительно затрудняет межнациональное общение.

Интернационализация мировоззрения сибирских латышей и эстонцев особенно ярко проявилась при ответе на вопрос о проведении ими

праздников или семейных событий совместно с людьми других национальностей. У латышей от 58,2 до 64,6% всех респондентов (в зависимости от типа праздника или семейного события) отмечают эти праздники или события с русскими, 12,8–15,6% – с немцами, 24,2–26,8% – с эстонцами, 3,0% – с латгальцами, 1,0–1,8% – с украинцами и 0,4–0,6% – с казахами. У эстонцев 67,3–72,9% опрошенных отмечают праздники или семейные события с русскими, 24,2–27,5% – с немцами, 11,2–12,5% – с латышами, 5,1–6,0% – с чувашами и 1,1–1,4% – с казахами. Отдельные респонденты отмечают праздники и семейные события также с финнами, белорусами, татарами, грузинами, армянами, чеченцами, ингушами, а также с чехами, румынами и югославами, живущими в Сибири, и со многими другими народами. Таким образом, этническое окружение сибирских латышей и эстонцев определяет национальный состав их гостей.

4,4–5,0% латышей и 4,2–4,5% эстонцев отмечают праздники и семейные события только с людьми своей национальности. В основном это респонденты, относящиеся к старшим возрастным группам и к неквалифицированным рабочим. В то же время 13,6–14,0% латышей и 8,5–8,9% эстонцев ответили, что национальность людей, с которыми они отмечают те или иные события, не имеет для них принципиального значения. Это также свидетельствует об усиливающейся интернационализации мировоззрения сибирских латышей и эстонцев.

Чаще всего латыши и эстонцы отмечают с людьми других национальностей общероссийские праздники, реже всего – поминки. Последнее, по нашему мнению, объясняется тем, что у переселенцев из Прибалтики не принято приглашать на похороны и поминки посторонних людей (у эстонцев старшего поколения на поминки приходят лишь близкие родственники), поэтому в однонациональных латышских и эстонских семьях представители других национальностей на поминки практически не попадают.

Ряд авторов высказывают тезис, подтвержденный эмпирическими исследованиями, что быстрее и легче адаптируются к новой культуре те мигранты, у которых устанавливаются дружеские связи с местным населением³⁶.

Большинство латышей и эстонцев Западной Сибири имеют положительные установки на работу в межнациональных коллективах, на национально-смешанные браки и межнациональное общение, контакти-

руя при этом с представителями многих национальностей. Высокий процент положительных установок на контакты с другими национальностями подтверждается распространенной практикой межэтнических браков, количество которых у балтийских поселенцев Западной Сибири в последние годы значительно превысило количество однонациональных браков. Отрицательные установки на межнациональные контакты в основном характерны для людей преклонного возраста с низким уровнем квалификации, что и подтвердили результаты нашего исследования. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство сибирских латышей и эстонцев успешно адаптировались в иноэтнической среде и у них произошел переход от сепаратного плюрализма к этнографическому мультикультурализму, что, в свою очередь, создает предпосылки для полной ассимиляции данных национальных групп.

В групповом самосознании сибирских латышей и эстонцев немало как схожих, так и различающихся черт. Групповая самоидентификация, то есть осознание себя сибирскими латышами и эстонцами, ярко выражена только у 11,2% латышей и 8,5% эстонцев, а 48,4% латышей и 68,8% эстонцев вообще не смогли ответить на этот вопрос. Характерной чертой сибирских латышей является то, что 25% респондентов осознают себя латгальцами, то есть данная этническая группа латышей сумела и в Сибири сохранить свое этническое самосознание, чему во многом способствовали более низкий уровень грамотности и иная конфессиональная принадлежность. У эстонцев в Западной Сибири нет субэтносов, аналогичных латгальцам, тем не менее этнические группы своего народа они знают лучше, чем латыши – свои. Это во многом связано с языковыми различиями выходцев из Северной и Южной Эстонии в Западной Сибири, что приводит к их противопоставлению в общественном сознании. Эстонцы по сравнению с латышами более адекватно воспринимают народы, близкие им по языку и культуре, чему в немалой степени способствовали их многолетние языковые и культурные контакты с финнами. И у латышей и у эстонцев основным этноконсолидирующим и этнодифференцирующим фактором является язык, что свидетельствует, во-первых, о той роли, которую играет язык в судьбе данных этнических групп, а во-вторых, о снижении этномаркирующего значения традиционных материальной и духовной культур.

Некоторый подъем национального самосознания сибирских латышей и эстонцев имел место во второй половине 1980-х годов, что во мно-

гом было связано с перестроечными процессами в СССР. Однако распад Советского Союза во многом затруднил и культурные, и личные связи прибалтийской диаспоры Сибири с этнической родиной и существенно затормозил данный процесс. Серьезное влияние на развитие этнического самосознания данных национальных групп, безусловно, окажут дальнейшие события в странах СНГ, а также в прибалтийских государствах.

¹ Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 10–11.

² Вийкберг Ю., Раннут М. Исторический аспект статуса языка. С. 15.

³ Список населенных мест Сибирского края. С. 28–29.

⁴ Вийкберг Ю. Эстонские языковые... С. 9; Вийкберг Ю., Раннут М. Исторический аспект статуса языка. С. 15.

⁵ ГАНО. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 1. Л. 125.

⁶ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. С. 118.

⁷ ГАОО. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1167. Л. 52.

⁸ Проваторова О.М., Томилов Н.А. О некоторых факторах динамики межэтнических браков (по материалам Омской области) // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 117.

⁹ МЭЭ ОмГУ 1987 г. П. 35-1. Л. 147.

¹⁰ Гурвич И.С. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны на ход этнических процессов в СССР // СЭ. 1976. № 1. С. 48.

¹¹ Вийкберг Ю., Раннут М. Исторический аспект статуса языка. С. 14.

¹² Сатлыкова Р.К. Современное расселение татар Среднего Прииртышья // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 66; Коровушкин Д.Г. Тенденции этнокультурного развития чувашей на современном этапе // СЭ. 1991. № 4. С. 81.

¹³ Keet H., Vaba L., Viikberg J. Siberimaa eestlaste jutustusi (II) // Kodumurre. Tallinn: Eesti NSV teaduste Akadeemia emakeele Selts, 1989. 21. Lk. 57.

¹⁴ Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. С. 54.

¹⁵ Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965. С. 75; Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. С. 54.

¹⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973. Т. IV. С. 108.

¹⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973. Т. IV. С. 108; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кеме-

ровская область. Национальный состав. Кемерово: Областное управление статистики. 1990. Вып. 4. С.19; *Вийкберг Ю., Раннут М.* Исторический аспект статуса языка. С. 25.

¹⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. С. 108; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемеровская область. Национальный состав. С. 19.

¹⁹ Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года на территории Омской области. Омск, 1980. С. 182; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемеровская область. Национальный состав. С. 19, 24, 28.

²⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемеровская область. Национальный состав. С. 24, 28.

²¹ Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года на территории Омской области. Омск, 1980. С. 182; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемеровская область. Национальный состав. С. 19; *Вийкберг Ю., Раннут М.* Исторический аспект статуса языка. С. 25.

²² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Кемеровская область. Национальный состав. С. 19.

²³ Советская молодежь. 1989. 16 февр.

²⁴ *Терентьева Л.Н.* Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях. М.: Наука, 1974. С. 2.

²⁵ *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. (Очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. С. 51.

²⁶ *Эйсуль А.* Латгальцы. С. 25.

²⁷ ГАОО. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1167. Л. 52.

²⁸ Подсчитано по: *Kolonijas latviešu, sl.* 17113.–17142.

²⁹ *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. С. 97–98.

³⁰ Народы Европейской части СССР. М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 515.

³¹ *Злобина В.* Кто такие корлаки? С. 87.

³² *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые... С. 16–17.

³³ *Кеет Н., Vaba L., Viikberg J.* Siberimaa eestlaste... Lk. 55.

³⁴ *Руутсоо Р.* Национальная психология: бремя или источник силы // Ра-
дуга. 1988. № 10. С. 61.

³⁵ *Сулейманова А.У.* О национальных установках тарских и тевризских татар // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 107.

³⁶ *Лебедева Н.М.* Особенности социальной перцепции в процессе этнокультурной адаптации переселенческих групп: Автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М.: АН СССР. Институт психологии. С. 10.

Приложение 3.1

О латышских хуторских поселениях Тарского округа

В конце XIX – начале XX вв. в течение 15 лет латыши основали в Сибири 18 поселений: Тарский уезд: Курляндка (1896 г.) – 48 усадеб, Дубовка (1897 г.) – 40 усадеб, Лифляндия (1896 г.) – 15 усадеб (вместе с эстонцами), Межевная (1896 г.) – 26 усадеб, Сырбашка (1897 г.) – 37 усадеб, Правый Кутис (1897 г.) – 17 усадеб, Левый Кутис (1898 г.) – 6 усадеб, Верхняя Бобровка (1897 г.) – 58 усадеб, Нижняя Бобровка (1898 г.) – 18 усадеб, Сосновка – (1902 г.) – 5 усадеб, Городок (1902 г.) – 6 усадеб; Знаменский район: Богданова (1895 г.) – 30 усадеб, Митава (1895 г.) – 20 усадеб, Киксы (1896 г.) – 40 усадеб, Уплюновая (1898 г.) – 16 усадеб, Спириновка (1898 г.) – 14 усадеб.

Хуторская система просуществовала до 1939 года, а потом крестьян силой согнали в деревни.

В 1928 году в Тарском округе проживало 20791 человек, 1758 – были латыши, на хуторах проживало 1452 человека. В Верхней Бобровке было 81 хозяйство: 53 латышских, 10 – эстонских, 9 – немецких, 2 – русских, 5 – белорусских.

(Тарское Прииртышье. 1997. 18 июня)

Приложение 3.2

О нормах хлебосдачи в колхозе им. В. Кингисеппа Татарского района

Селькор из деревни Ускюль Татарского района сообщает нам в редакцию эстонской краевой газеты «Коммунар» о неправильной даче Тарским райисполкомом плана хлебозаготовок. Он пишет:

...Общая посевная площадь 571,5 га.

Валовой сбор 2136,7 ц.

Общий план хлебозаготовок 1200 ц.

Далее он пишет: «Если колхоз этот план хлебозаготовок выполнит полностью, то он должен остаться на будущий год без семян или без хлеба, а про организацию и развертывание колхозной торговли не может быть даже и речи. Это приведет колхоз к развалу, ибо уже сейчас в связи

с этим имеются среди колхозников настроения об уходе из колхоза на другую работу.

Примечание: Колхоз имеет едоков – 282 человека.

Рабочих лошадей – 120.

Молодняка – 38.

Крупного рогатого скота – 130 голов.

Нетелей – 200 голов.

Свиней и поросят – 40 голов.

Овец – 370 голов.

Притом необходимо отметить, что соседние русские колхозы имеют посевную площадь больше, а также и во всяком случае урожайность не меньшую. Но план хлебазаготовок дан им по сравнению с вышеуказанным колхозом уменьшенный в ряде случаев почти вдвое.

11 ноября 1932 г.

Зав сектором расследования газеты «Коммунар» Кауниссар.

(Государственный архив Новосибирской области.

Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 1. Л. 119, 119 (об.)).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. Какими основными факторами определялся и определяется круг брачных партнеров у сибирских латышей и эстонцев?
2. Какие факторы способствуют сохранению или ассимиляции этнической группы в иноязычном и инокультурном окружении?
3. Как повлияло укрупнение населенных пунктов и ликвидация «неперспективных» деревень на ход этнических процессов у сибирских латышей и эстонцев?
4. Какие факторы осложняли межнациональные отношения в прибалтийской сибирской деревне в 1920-х – 30-х годах?
5. Проследите миграционные процессы в прибалтийской сибирской деревне в послевоенные годы.
6. Как складывались отношения прибалтийских поселенцев в Сибири с сибирскими немцами на протяжении рассматриваемого периода? Почему?
7. Охарактеризуйте национальные установки сибирских латышей и эстонцев на современном этапе.

Глава 4. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У СИБИРСКИХ ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ

Специфика языка как элемента системы культуры определяется его непосредственной связью с мышлением. Именно в языке находят свое отражение мыслительные структуры деятельности человека. Это определяет место языка в обществе не только как средства коммуникации, но и как необходимого условия и одновременно отражения культуры каждого народа. Подобное положение языка выдвигает его наряду с общностью территории, социально-экономической структурой и культурно-бытовым укладом в качестве одного из основных признаков этноса¹.

В данной главе исследуются следующие проблемы:

а) развитие общественных институтов, связанных с функционированием латышского и эстонского языков в Сибири (школа, пресса, театр, культурные общества и пр.);

б) функционирование латышского и эстонского языков на современном этапе в различных сферах различных половозрастных групп;

Латышский язык – национальный язык латышей (самоназвание «latvieši») – основного населения Латвии. Он вместе с литовским языком и языком пруссов, исчезнувшим в XVII в., относится к группе балтийских языков, которые являются ветвью индоевропейской языковой семьи и, в свою очередь, подразделяются на восточно-балтийские (литовский и латышский) и западно-балтийские (древнепрусский) языки. Из индоевропейских языков наиболее близкое родство связывает балтийские языки со славянскими.

Латышский язык образовался из языков отдельных балтийских племен: латгалов, земгалов, селов и куршей. В процессе образования в него вошел также относящийся к семье прибалтийско-финских языков ливский язык, так что некоторые отличия латышского языка от остальных балтийских частично объясняются ливским и эстонским субстратом. Письменность на латышском языке появилась в XVI в. на основе латинского алфавита. Во второй половине XIX в. вместе с формированием латышской нации на основе среднелатышского диалекта сформировался латышский литературный язык².

Эстонский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорских языков. На нем говорят большинство населения Эстонии, эстонцы, живущие в других республиках бывшего СССР, а также эмигранты эстонского происхождения в Швеции, США, Канаде и Австралии.

Эстонский язык образовался на базе древних прибалтийско-финских племенных диалектов. В I тысячелетии до н. э. сложились отдельные группы этих племен и соответственно их языки. На территории Эстонии образовались в основном две группы племенных диалектов, на основе которых сформировались, по существу, два языка. Первые книги на эстонском языке напечатаны в XVI в., причем писались они на двух диалектах – североэстонском (таллинском) или южноэстонском (тартуском). Письменность была основана на латинском алфавите.

Единый национальный литературный язык сложился в третьей четверти XIX в. на основе североэстонского диалекта. Огромная заслуга в развитии эстонского литературного языка принадлежит Ф.Р. Крейцвальду, который обогатил язык множеством новых слов и на произведениях которого училось молодое поколение³.

4.1. Функционирование и развитие латышских и эстонских культурных институтов в Сибири (XIX в. – первая половина XX в.)

Попав в Сибирь, латышские и эстонские поселенцы стремились сохранить родной язык. Один из важнейших факторов развития языковых процессов в малых этнических образованиях, подобным этнографическим или локальным этническим группам, – состояние национальной школы. Известно, что структура и уровень развития системы национального просвещения находятся в прямой связи с уровнем национального самосознания, языковой компетенцией носителей языка и, как следствие, уровнем развития национально-специфических черт духовной культуры этноса. Чрезвычайно важную роль эти взаимосвязи начинают играть в условиях дисперсного расселения представителей какого-либо этноса в иноэтнической, иноязыковой среде⁴.

Первая школа в лютеранских колониях открылась в 1845 г. в с. Рыжково. Преподавание велось на эстонском, латышском и финском языках. Первым учителем был пастор Пундани (Pundani) – один из «крестных отцов» первой лютеранской колонии в Сибири. В 1861 г. его сме-

нил учитель Ануш (Anušs), не только преподававший в школе, но и основавший первый в Рыжково певческий хор⁵.

В 1890-х гг. в колонии существовали уже две школы – латышская и эстонская, которые находились на государственном обеспечении (valdības uzturētas skolas). Однако в 1914 г. материальное состояние этих школ ухудшилось. Резко возросла плата за обучение, и в школы стали принимать лишь детей зажиточных крестьян. По-прежнему преподавание велось на трех языках, но поскольку учителей не хватало, поселенцы прибегали к помощи ссыльных. Так, на эстонском языке преподавал ссыльный Рейман, на латышском – Сула, на финском – Фрекин⁶.

Обычным явлением была национальная школа и в эстонских деревнях. Это было связано с тем, что переселение эстонцев в Сибирь совпало по времени с началом национального пробуждения в Эстонии. Наряду с практическими стремлениями – желанием иметь свой хутор, избавиться от гнета немецких баронов и русской колониальной администрации – высокую ценность приобрело образование. По данным пастора А. Ниголя, в 1918 г. в Западной Сибири насчитывалось 21 стационарная и 2 передвижные эстонские школы, из которых 12 располагались в Тобольской губернии, 8 – в Томской и 3 – в Омской⁷.

Грамотность переселенцев была почти всеобщей. Из Эстонии выписывали газеты, календари, книги, чтобы быть в курсе жизни в европейской части России и во всем мире⁸.

Функционирование прибалтийских культурно-просветительных (в первую очередь образовательных учреждений) после революционных событий 1917 г. было бы невозможным без законодательной базы, созданной советским правительством.

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции была начата реформа образования, узаконенная в октябре 1918 г. декретом «О единой трудовой школе». Тогда же была предложена долгосрочная программа развития народного образования, которая выполнялась в течение всего советского периода. Школа рассматривалась как главный государственный институт, который создает гражданина и воспроизводит общество.

В 1919 г. был издан декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». По этому декрету все население республики в воз-

расте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано было обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию.

Позднее, после принятия в августе 1930 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О введении всеобщего начального обучения» открылась широкая возможность свободного бесплатного обучения детей в школах, техникумах, вузах.

Во время Гражданской войны в Сибири все вопросы культурного строительства отошли на второй план. Это вызвало резкое недовольство представителей западных нацменьшинств и стимулировало их отъезд на родину во время оптационной кампании 1920–1923 гг. Так, в письме 50 литовских беженцев, проживавших в Иркутске, от 3 мая 1921 г., направленном в Наркоминдел РСФСР, Центрэвак и председателю Сибревкома, назывались три основные причины, заставляющие их покинуть Сибирь. Это, во-первых, желание вернуться на родину, во-вторых, «грозящая гибель от голода и холода» из-за топливного и продовольственного кризиса, и, в-третьих, отсутствие культурно-просветительской работы на родном языке, что при незнании большинством литовцев русского языка гарантировало полный культурный застой⁹.

Действительно, положение в сфере народного образования и культурно-просветительской работы на родном языке у выходцев из Прибалтики оставалось очень тяжелым. Так, перед революцией среди латышей Омской губернии было 51% неграмотных, среди латышей Иркутской губернии – 69,6, а в среднем по Западной Сибири – 78,2%¹⁰.

По данным демографической переписи 1920 г., по Омской губернии среди латышей было 51,7% неграмотных, среди эстонцев – 58,0, среди русских 78,0%¹¹.

Поэтому одной из важнейших задач латышских и эстонских секций РКП(б) и РКСМ стало возрождение сети национальных школ. Уже в 1920 г. в Сибири работала 41 латышская школа, где учились 1 625 школьников: 18 школ находилось в Омской губернии, 13 – в Енисейской, 5 – в Томской, 4 – в Алтайской и 1 – в Иркутской¹². Кроме эстонских школ, возобновивших после Гражданской войны свою деятельность, в 1920 г. были открыты новые школы: в селах Рыжково, Новый Ревель, деревне Власинская Омской губернии и ряде других населенных пунктов¹³.

В 1924 г. кампания по ликвидации неграмотности сибирских латышей и эстонцев вступила в завершающую фазу. К этому моменту латыши и эстонцы достигли значительных успехов в борьбе с неграмотностью и опередили по этому показателю другие так называемые нацменьшинства Сибири: неграмотных среди эстонцев Омского округа было 10% (у латышей этот процент был, вероятно, еще меньше), среди евреев – 22, поляков и немцев-колонистов – 48, украинцев – 65, татар – 71, киргизов – 93%. Поэтому из 45 открытых в округе школ ликбеза было 14 татарских, 13 украинских, 11 немецких и только 3 эстонские и 3 латышские¹⁴.

Вместе с тем работа в сфере народного образования сталкивалась с серьезными проблемами. Во-первых, не хватало средств для финансирования национальных школ. В частности, школьный совет Поливановской эстонской школы I ступени в докладе в Совнацмен при Омском ГубОНО от 18 августа 1924 г. сообщал, что в связи со слишком большим количеством учеников, приходящихся на одного учителя, в деревне необходимо иметь двух учителей вместо одного. Но из-за больших расходов на школу школьный совет не имел средств даже на содержание одного учителя¹⁵.

Сибирское совещание секретарей латышских секций ВКП(б), проходившее осенью 1924 г., также отметило недостаточное количество учителей латышских школ, их низкую образовательную и политическую подготовку и разработало комплекс мер по усилению культурно-просветительской работы в латышской сибирской деревне (приложение 4.1).

В связи с вышеуказанным были приняты следующие меры по финансированию Наробраза: 1) волостное самообложение сельского населения; 2) самообложение родителей учащихся, а также посетителей библиотек и клубов; 3) прикрепление культурно-просветительных учреждений к фабрично-заводским предприятиям и учреждениям; 4) самообслуживание учебных заведений согласно декрету Совнаркома от 15 сентября 1922 г.; 5) передача культурно-просветительных учреждений, расположенных по линиям водных и железнодорожных путей транспортным органам¹⁶.

Следует отметить, что большинство латышей и эстонцев оказывало материальную поддержку национальным школам. В частности, учитель Золотонивской эстонской школы И. Казик писал, что жители дерев-

ни, сознавая пользу образования, не только охотно посылают своих детей в школу, но и снабжают школу дровами и керосином, а также выплачивают учителю жалованье¹⁷.

В деревне Ермолаевке, где большинство населения составляли латыши, на общем собрании, состоявшемся 15 ноября 1924 г., были приняты следующие решения: 1) предоставить помещение для школы; 2) предоставить квартиру учителю; 3) обеспечить топливом как школу, так и квартиру учителя; 4) предоставлять учителю подводу для поездок по служебным делам¹⁸.

Обучение в латышских и эстонских школах велось на двух языках: национальном и русском. Школьная программа строилась на комплексной основе и включала в себя следующие комплексы: «Природа и человек», «Труд», «Общество» и др. Учебные пособия были как на русском, так и на национальных языках. Так, например, в Золотонивской школе I ступени среди изданий на русском языке были «Очерки обществоведения» Вольфсона, «Сборник арифметических задач» Арженникова, «Новый русский букварь» Вахтерова, «Игры и физические упражнения» Цабеля, «Первые работы по измерению земли» Орлова и др. Из учебных пособий на эстонском языке можно выделить следующие: «Живая природа» Мянника, «Руководство по зоологии» Вагнера, «Эстонская грамматика» Пелья, «Геометрия» Микельсара, «Новая история» Пальвадре и др.¹⁹

Учебники для латышских и эстонских школ выписывали из Москвы и Ленинграда. В частности, в Ленинграде существовало издательство «Külvaja» («Сеятель»), выпускавшее учебную и методическую литературу для эстонских школ в РСФСР. Тем не менее учебников хронически не хватало. В Тарском уезде татарские школы были снабжены учебниками на родном языке на 60%, а латышские, эстонские и польские школы – на 20–25% от потребности. Поэтому Тарский УОНО обратился за помощью к местной сельхозкооперации, которая изготовила нужное количество книг для всех национальных школ уезда²⁰.

Решался этот вопрос и в других районах. Как сообщалось в докладе Калачинскому УОНО осенью 1924 г., украинских букварей «Червоный прапор» имелось 100 штук, латышских – 20 штук, не было только киргизских и немецких. Кроме того, имелось в запасе 150 латышских книг, присланных летом 1924 г. для ликвидации неграмотности²¹.

Материальная база национальных школ также была слаба. Как отмечалось в упомянутом выше докладе Тарского УОНО, оборудование мебелью национальных школ в уезде было значительно хуже, чем у русских и составляло 35–40% потребности. В плачевном состоянии находились также школьные здания²².

Не лучше обстояло дело и в других уездах Омской губернии. Так, например, на ремонт Коротковской латышской школы I ступени была составлена смета на сумму 100 руб., а было отпущено только 38 руб. 80 коп. В Васюганской эстонской школе I ступени не хватало даже писчебумажных принадлежностей²³.

Еще одной проблемой было создание национальных школ в деревнях с национально-смешанным населением. В зависимости от различных обстоятельств, в частности от удельного веса той или иной национальности, этот вопрос решали по-разному. Так, например, в д. Ковалево Калачинского уезда, где жили как эстонцы, так и латыши, а в местной школе работал только учитель-эстонец, общее собрание жителей просило УОНО прислать в школу также учителя-латыша²⁴. А в Тарском уезде, где в большинстве деревень преобладала какая-либо одна национальность, в школах обучали на языке большинства населения той или иной деревни. Например, в д. Верхней Бобровке эстонские дети ходили в латышскую школу, а в д. Юрьевке латышские дети – в эстонскую²⁵.

Не удалось создать национальные школы у латгальцев. Коллегия СибкрайОНО на своем заседании 15 марта 1927 г. отнесла латгальцев наряду с немцами, латышами, украинцами, белорусами, поляками, евреями и эстонцами к числу наиболее культурных национальных меньшинств Сибири²⁶. Однако это, по всей вероятности, была ошибочная оценка, так как на протяжении всего предшествующего периода не только не выпускалась латгальская учебная литература, но и не готовился педагогический персонал для работы с этой этнической группой. В некоторых латгальских деревнях почти все взрослое население было неграмотно или малограмотно. Поэтому на заседании Нацменколлегии 4 июня 1927 г. было принято решение о вовлечении латгальцев в существовавшие русские и латышские школы²⁷. Это решение оказало негативное воздействие на дальнейшее развитие латгальского языка и культуры.

Становлению национальных школ в Сибири препятствовали также не только отдельные граждане, но и целые социальные группы. Напри-

мер, в с. Васюган Татарского уезда против школы активно выступали кулаки, адвентисты-сектанты, оптанты и самогонщики, а в с. Коротково Тюкалинского уезда многие верующие отказывались посылать детей в школу, так как там не преподавали закон Божий²⁸.

Но несмотря на все вышеуказанные проблемы, в сфере народного просвещения были и значительные успехи. Так, в 1926 г. по числу грамотных на каждую тысячу жителей латыши и эстонцы занимали соответственно второе и четвертое места в СССР, имея 745 грамотных на 1 000 человек у латышей и 724 – у эстонцев. По этому показателю выходцы из Прибалтики уступали только караимам (849 грамотных на 1 000 человек) и жившим в СССР чехам и словакам (743 на 1 000)²⁹. В 1928 г. в СССР в 372 крупных латышских колониях было 106 школ. Из них в Сибири находилось 102 колонии с 31 школой³⁰. Когда в 1930 г. было принято постановление о всеобщем обязательном начальном образовании, по крайней мере в 1930/31 учебном году, обучением на родном языке были охвачены все эстонские, немецкие и татарские дети³¹.

Кроме национальных школ во многих латышских и эстонских деревнях организовывались детские площадки для детей дошкольного возраста. Они были организованы в Поливаново, Рыжково, Елизаветино и некоторых других деревнях. Функционировали детские площадки в летнее время. Организовывали их в основном студентки Латышского центрального педагогического техникума и Ленинградского эстонского педагогического техникума. На площадках проводились учебные занятия (рисование, счет, писание, изготовление моделей), а также игры, как организованные, так и сводные. Иногда организовывались экскурсии в лес, на луг и т. д. Работали детские площадки ежедневно. Для детей, которые находились на площадке целый день, организовывалось питание.

Несмотря на то, что детские площадки назывались национальными, их посещали дети разных национальностей. Так, например, из 31 ребенка, посещавшего латышскую детплощадку в селе Елизаветино, только 5 детей были латыши, 4 – из русско-латышских семей, и говорили они как по-латышски, так и по-русски, а остальные были из русских и латгальских семей и говорили дома только по-русски³². В селе Рыжково обе воспитательницы местной детплощадки были по национальности латышки, а дети – из латышских, эстонских и финских семей. Это создавало трудности в работе, и поэтому на собрании родителей было решено

ходатайствовать перед соответствующими учреждениями о присылке воспитательницы-эстонки³³.

Отношение местного населения к детским площадкам было неоднозначным. Например, в Рыжково только 3–4 человека активно помогали организовывать местную детплощадку, а остальные относились к ней либо нейтрально, либо враждебно, рассуждая, что «это только лишний налог на нашу шею, и наши дети вырастут и без площадки, как мы выросли». Определенная часть населения распространяла слухи, что на детплощадке из детей сделают коммунистов и навсегда увезут их в город. Более того, никакой помощи не оказали ни местная маслоартель, ни ячейка комсомола. А председатель Рыжковского сельсовета даже пытался присвоить 20 руб., присланных РИКом на нужды детплощадки³⁴. Таким образом, несмотря на пропаганду, которую проводили эстонские и латышские секции ВКП(б), большинству населения цели и значение детплощадок были чужды и непонятны.

Многие латыши и эстонцы, окончившие школу, имели возможность продолжить свое образование в национальных средних специальных учебных заведениях. Кроме упомянутых выше латышского и эстонского педагогических техникумов был открыт также латышский сельскохозяйственный институт в г. Петрограде, первый набор в который был произведен в декабре 1921 г. Срок обучения был 3 года. Из 40 мест 7 выделялось латышам Сибири, 5 – Башкирии, 8 – Новгородской, 5 – Псковской, 5 – Петроградской, 3 – Московской, 2 – Витебской и 5 – Смоленской губерний³⁵.

Неотъемлемой частью культурно-просветительной работы сибирских латышей и эстонцев было создание клубов, библиотек, изб-читален. В 1924 г. на 8 тысяч латышских колонистов в Омском округе приходилось 4 избы-читальни, 10 библиотек и 3 клуба. В 1928 г., по подсчетам К. Шкилтерса, в Сибири насчитывалось 7 латышских изб-читален (lasitava) и 39 красных уголков (sarkanais sturis)³⁶.

В конце 1920 г. эстонский подотдел отдела просвещения нацменьшинств Наркомпроса зарегистрировал в Омской губернии 7 национальных библиотек, 8 клубов, 8 изб-читален³⁷. Активная культурно-просветительная работа велась также и в Томской губернии. Так, например, в с. Березовка (Kaseküla) существовало эстонское культурно-просветительное общество, в котором состояло 80 членов³⁸. В этих уч-

реждениях велась активная лекционная пропаганда. Так, в ново-ревельской библиотеке в январе 1921 г. было проведено 4 лекции, 5 чтений и 3 беседы, которые посетило в общей сложности 70% населения деревни³⁹.

Кроме того, во многих деревнях с прибалтийским населением существовали различные кружки, проводившие как теоретическую, так и практическую работу с населением. Так, например, в с. Рыжково местный сельскохозяйственный кружок не только вел пропаганду прогрессивных методов земледелия, но и выписал из Москвы и Кременчуга 45 кг семян различных культур на общую сумму 85 руб.⁴⁰ Во многих деревнях работали также литературные, хоровые, музыкальные кружки, активно участвовавшие в организации общесоветских и народных праздников⁴¹.

Широко распространены были латышские и эстонские драматические кружки. В 1920 г. в Сибири работало 30 латышских драмкружков, а самой популярной была омская драматическая труппа – первый профессиональный латышский театр в Сибири⁴². Наиболее крупными эстонскими драмкружками были театральные труппы в селах Поливановка и Ускула Омской губернии⁴³. Организация драматического кружка была одной из первых задач местной коммунистической ячейки в деревне Вамболе Мариинского уезда Томской губернии (приложение 4.2).

В сфере организации культурно-просветительных учреждений также имелись серьезные проблемы. Во-первых, многие деревни были разделены на хутора, находившиеся на значительном расстоянии друг от друга, ввиду чего сложно было организовать какую-либо культурно-просветительную деятельность⁴⁴. Во-вторых, – слабая материальная база драмкружков. Так, в с. Ускула Тарского уезда артисты местной театральной труппы ставили спектакли под открытым небом, так как не имели помещения, а в пос. Высоковском Тюкалинского уезда для организации театра не было специалистов, а для оркестра – струнных инструментов⁴⁵.

Большую помощь прибалтийским культурно-просветительским учреждениям оказывали кооперативные и государственные предприятия. Например, в с. Рыжково местный кооператив пожертвовал на нужды избы-читальни 20 руб., часть из которых пошла на погашение долгов⁴⁶.

Еще одним важным направлением культурно-просветительной работы эстонских и латышских коммунистов в Сибири стало издание периодической печати на родном языке. 16 апреля 1918 г. в Омске вышел

первый номер газеты «Sibīrijas Cīņa» («Борьба Сибири»). В ее редакцию вошли К. Карлсон, Я. Апин, В. Чунчин, Р. Петерсон и Ридус. Омский Совет рабочих и солдатских депутатов выделил для газеты субсидию, в городе удалось разыскать вывезенный сюда в годы Первой мировой войны из Риги типографский шрифт газеты «Jauna dienas lapa» («Новый ежедневный листок»). Учитывая социальный состав проживавших в Сибири латышей, «Sibīrijas Cīņa» публиковала в основном материал, рассчитанный на читателей-крестьян.

В ходе Гражданской войны погибли редакторы К. Карлсон, В. Чунчин, Р. Петерсон, и в 1920 г. редколлегия газеты, выходившей 2 раза в неделю тиражом 3,5 тыс. экземпляров, возглавили П. Винтынь и Я. Ларозе⁴⁷.

В ряде мест предпринимались попытки наладить выпуск небольших газет и журналов, но отсутствие средств и кадров, а также неэффективность таких изданий приводила к их самоликвидации. Так, в Омской литературной секции РКСМ в 1921 г. пробовали наладить выпуск газеты «Jaunais Biedris» («Молодой товарищ»), но удалось выпустить только пять номеров. Распространение получили машинописные и рукописные журналы литературных и общественно-политических студий крупных секций. Красноярская секция выпускала журнал «Jaunatnes dzirkstele» («Молодежная искра») тиражом 10 экземпляров, Омская – «Jaunas Domas» («Новые мысли»), Новониколаевская – «Darba jaunatnes domas» («Мысли трудовой молодежи»)⁴⁸.

В 1921 г. на латышском языке выходило 6 крупных газет – в Москве, Петрограде, Харькове, Омске (со второй половины года в Новониколаевске), Ростове и Пскове⁴⁹.

В сибирских латышских деревнях наибольшей популярностью пользовались газеты «Sibīrijas Cīņa» и «Krievijas Cīņa» («Борьба России»). Например, в колонии Станкевичи Омской губернии на 1925 г. было выписано 14 экземпляров «Sibīrijas Cīņa» и 4 экземпляра «Krievijas Cīņa»⁵⁰. В с. Коротково в 1924 г. все латыши-домохозяева выписывали латышские газеты⁵¹.

В 1921 г. некоторые коммунисты-латгальцы внесли предложение в ЦК РКП(б) о создании секции при ЦК партии. В качестве основной причины называлась специфика положения латгальцев, проживавших в РСФСР (значительно больший среди них процент неграмотных, чем сре-

ди латышей, сильное влияние религиозных сект, затруднительность чтения литературы с готическим шрифтом, который использовали все латышские издательства и т. д.). ЦК РКП(б) счел выделение латгальских коммунистов из общих секций нецелесообразным, но некоторые шаги навстречу латгальцам были сделаны. Например, в целях усиления агитационно-пропагандистской, культурно-просветительной и антирелигиозной работы стали проводиться совещания коммунистов-латгальцев Петрограда, Москвы, Пскова, а также Сибири. При газете «Krievijas Cīņa» стал выходить листок на латгальском языке⁵².

Для латгальцев, живших в Сибири, в 1920-х гг. выпускалась газета «Taisneiba» («Правда»).

Первой эстонской газетой в Сибири была «Siberi Tööline» («Сибирский рабочий»), которая стала выходить в Омске с 25 февраля 1920 г. Редакция газеты размещалась в городском Доме пролетарской революции. Тираж газеты составлял 4 тыс. экземпляров. Одновременно с «Siberi Tööline» выходила другая эстонская газета «Töölise Kalender» («Календарь рабочего») тиражом 30 тыс. экземпляров. В сентябре 1922 г. «Siberi Tööline» получила название «Siberi Teataja» («Сибирский вестник»), а с 6 марта 1930 г. – «Kommunaar» («Коммунар»). Газета «Kommunaar» имела литературное приложение «Uus küla» («Новая деревня»). На страницах этих изданий публиковались такие авторы, как Эдуард Пялль (псевдоним Хуго Ангервакс), Феликс Котта, Антон Нымм (псевдоним Антс Пылдур) и другие, известные эстонцам как школьные учителя⁵³.

«Siberi Tööline» была не единственной эстонской газетой, выходившей в 1920-х гг. В 1922 г. начал выпускаться еженедельник «Siberi Teel» («Сибирский путь») тиражом 3 тыс. экземпляров⁵⁴. Позднее начали издаваться эстонские газеты «Edasi» («Вперед»), «Säde» («Искра») и некоторые другие. Широкую известность получила «Uus Ilm» («Новый свет») – газета американских и канадских рабочих и фермеров эстонского происхождения.

Таким образом, несмотря на серьезные проблемы в сфере народного образования и организации культурно-просветительной работы, к середине 1930-х гг. прибалтийские поселения в Сибири обладали разветвленной сетью национальных школ, культурно-просветительных учреждений (клубы, избы-читальни, библиотеки, кружки и пр.), нацио-

нальной прессой и сравнительно высоким культурным уровнем населения.

В 1937–1938 гг. под ширмой борьбы против «национального демократизма» были закрыты все выходившие в СССР газеты на латышском и эстонском языках. Также было покончено с изданием учебников и художественной литературы. Были ликвидированы издательства «Külvaaja», «Prometējs» и ряд других, обеспечивавших прибалтийские школы учебниками. Вынуждены были прекратить свою деятельность латышские и эстонские общественные объединения, учебные заведения. Например, в Ленинграде были закрыты Латышский сельскохозяйственный институт, Дом просвещения эстонских трудящихся им. В. Кингисеппа и ряд других.

Осуждению и искоренению подлежало все, что было так или иначе связано с национальной самобытностью. На латышскую и эстонскую интеллигенцию в СССР обрушились жестокие гонения. Эстонский поэт Айн Раналээт, оразивший в сборнике стихов «Вечерние села» труд и жизнь людей из эстонских поселений, был назван «контрреволюционным демократом». Его соотечественник видный поэт и деятель культуры Оскар Куллеркуп, описывавший жизнь дальневосточных эстонских поселений и рассказывавший о трудолюбивых и зажиточных поселенцах, был осужден, а его выступления заклеены как «славословие нац-демократизму»⁵⁵.

17 декабря 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О национальных школах». В нем говорилось: «Признать вредным существование особых национальных школ (финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие и др.) на территории соответствующих республик. Предложить наркомпросам национальных республик реорганизовать указанные школы в советские школы обычного типа». На этом заседании было принято также решение «О ликвидации национальных районов и сельсоветов»⁵⁶.

Таким образом, в конце 1930-х гг. была парализована языковая и культурная жизнь латышей и эстонцев в Сибири.

В первые послевоенные годы в деревнях Верхний Суэтук Красноярского края и Вамболе Томской области предпринимались попытки возобновить обучение на эстонском языке, однако конец этому начинанию

положили акции по высылке из Эстонии «кулаков и их приспешников» в Сибирь в 1949 г.

В результате послевоенной миграции значительная часть образованных людей из числа выходцев из Прибалтики, уцелевшая во время репрессий 1930–40-х гг., вернулась на этническую родину. Однако остро стоявшая в Сибири проблема национальных культурных кадров вследствие этой иммиграции усугубилась еще больше, и общий культурный уровень прибалтийских поселенцев в Сибири значительно снизился.

По мнению Ю. Вийкберга, возрождению эстонских и латышских культурных учреждений в Сибири серьезно препятствовала непродуманная национальная политика в СССР. Двуязычие толковалось односторонне – как владение нерусскими русским языком. Влияние русского языка рассматривалось лишь как источник обогащения и пополнения других языков⁵⁷. Этот же тезис нашел отражение и в ряде трудов советских ученых⁵⁸.

В связи с этим частичное возобновление преподавания прибалтийских языков в Сибири стало возможным лишь в годы перестройки.

Таким образом, в 1920–30-х гг. в сибирской латышской и эстонской деревне активно функционировали национальные школы и другие культурно-просветительные учреждения. В конце 1930-х гг. в результате жестоких репрессий национально-культурная жизнь прибалтийских поселений на несколько десятилетий оказалась парализованной, а национальные языки стали вытесняться русским из общественной жизни. В конце 1980-х гг. в ряде населенных пунктов возобновилось преподавание эстонского и латышского языков, но эта мера оказалась запоздалой из-за ослабления географической компактности и значительного уменьшения прибалтийских поселений.

Мы же в настоящее время можем рассматривать прекращение деятельности прибалтийских культурно-просветительных учреждений не только как политику «лингвацида» и разрыв единого информационного пространства прибалтийской диаспоры в Сибири, но и как мощнейший импульс к переходу данных групп от модели «сепаратного плюрализма» к модели «этнографического мультикультурализма».

4.2. Изменение этноязыковой ситуации у сибирских латышей и эстонцев в середине XIX в. – первой половине XX в.

Первые сведения об этноязыковой ситуации у сибирских латышей и эстонцев относятся к 1858 г. Так, например, в представлении Евангелическо-лютеранской генеральной консистории говорилось: «Финны и эсты – одного племени и вскоре изучают язык друг друга, несколько понимая его и без изучения, а из числа немногих ссыльных шведов едва ли найдется хоть один, который не понимал бы по-фински. Что же касается немцев и латышей, то изучение немецкого языка для латышей, а латышского для немцев не весьма затруднительно, тогда как между финнами и эстами, с одной стороны, и немцами и латышами – с другой, существует весьма большое различие и даже род народной неприязни, да и во всяком случае весьма трудно найти людей, которые могли быть проповедниками, кистерами и школьными учителями для поселенцев всех упоминаемых здесь пяти наций, собранных в один и тот же приход. Было бы весьма желательно поселить в новой Минусинской колонии тех латышей Лютеранского вероисповедания, которые за не весьма важные преступления присуждаются к поселению в Западной Сибири, так как в Рыжково для них трудно ужиться с тамошними эстами и финнами»⁵⁹.

Таким образом, в результате объединения в Рыжковской колонии представителей разных национальностей возникли серьезные языковые проблемы, которые иногда приводили к столкновениям финнов, шведов и эстонцев с латышами и немцами.

В дореволюционное время сибирские эстонцы в основном не владели русским языком. Как правило, у переселенцев, живших обособленно в деревнях и на хуторах, не возникало потребности учить язык окружающего населения. Встречались люди, побывавшие в тюрьме или на каторге, работавшие на золотых приисках или ремесленниками, то есть жившие в русской среде и имевшие тесные контакты с русским языком, но таких было немного. Поэтому, оказываясь в русскоязычной среде, эстонцы попадали в затруднительное положение. Когда переселенцы шли в город к врачу, в суд или на базар, они брали с собой переводчика. Языковой барьер мешал эстонцам служить в армии. Так, в Ивановке удалили с военной службы Эдуарда Штейнбаха (Eduard Steinbach), так как он не понимал команд на русском языке⁶⁰.

Латыши, по нашему мнению, владели русским языком лучше, чем эстонцы. Так, Н.М. Ядринцев в своей статье «Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири» упоминает о своей беседе с одним латышом, просящим написать ему прошение⁶¹.

Латышам, чей язык принадлежит к индоевропейской языковой семье и близок к славянским языкам, овладеть русским языком было значительно легче, чем эстонцам. Кроме того, после поражения Первой русской революции 1905–1907 гг. в Сибирь было сослано немало членов ЛСДРП, работавших вместе с русскими революционерами и, следовательно, неплохо знавших русский язык. В 1914–1916 гг. в Сибирь приехало около 4 тыс. беженцев из Латвии, значительную часть которых составляли рабочие эвакуированных предприятий, работавшие бок о бок с людьми других национальностей и говорившие по-русски. Многие из них впоследствии оказались в латышских сибирских деревнях⁶².

Таким образом, в латышской деревне, в отличие от эстонской, люди сравнительно неплохо владели русским языком, что способствовало их вовлечению в события революции и Гражданской войны.

В более старых поселениях эстонцы и латыши жили рядом с другими лютеранами – немцами и финнами. Ю. Вийкберг считает, что с немцами эстонцы общались на русском языке⁶³. Влияние латышского языка на эстонский, а эстонского на латышский, по мнению лингвиста из Таллинна Л. Ваба, было незначительным, поскольку с самого начала языком общения был русский⁶⁴. Подобная точка зрения, на наш взгляд, не правомерна, ибо там, где латыши и эстонцы жили рядом – в Рыжково или Еланской колонии, русское население отсутствовало. Так, в 1897 г. в Ковалево жило 280 эстонцев и 112 латышей. Русского населения в этих деревнях не зафиксировано⁶⁵.

Учитывая относительную замкнутость лютеранских колонистов по отношению к внешнему миру, можно сделать вывод, что при отсутствии в колониях русского населения русский язык не мог быть языком межнационального общения.

Информаторы из этих деревень также утверждают, что латыши и эстонцы общались между собой, не прибегая к помощи русского языка. Так, учительница А.И. Андерсон из села Рыжково вспоминает, что латыши в селе знали эстонский язык, а эстонцы – латышский⁶⁶.

На эстонский язык в наибольшей степени повлиял финский. У этих двух родственных народов языковой барьер практически отсутствовал, заключалось немало национально-смешанных браков, и многие финны переходили на эстонский язык. Особенно активно этот процесс проходил в Восточной Сибири. Так, деревня Верхний Суэтук в середине XIX в. была заселена в основном финнами, но в 1902 г., по данным И.Г. Гране, в деревне жили 357 финнов и 355 эстонцев. При этом многие финны не только охотно вступали в брак с эстонцами, но и переходили на эстонский язык⁶⁷.

Но в основном до революции контакты латышей и эстонцев с представителями других национальностей были минимальными. Этому способствовало то обстоятельство, что поселения, созданные в Сибири добровольными переселенцами из Латвии и Эстонии, были, как правило, однонациональными и у поселенцев отсутствовал стимул к изучению других языков и межэтническим контактам. По мнению Ю. Вийкберга⁶⁸, до Гражданской войны эстонская деревня в Сибири представляла собой самостоятельную единицу, самостоятельное общество со своей школой и церковью на родном языке, общественной жизнью и общими делами. То же самое, вероятно, можно сказать и о сибирских латышах.

То есть с некоторыми оговорками (все-таки связи с окружающим русским населением как латыши, так и эстонцы поддерживали с самого первого дня переселения в Сибирь, а население колоний, находившихся вблизи населенных пунктов – Омска, Томска, Змеиногорска и др., активно втягивалось в товарно-денежные отношения) мы можем говорить о существовавшей у прибалтийских колонистов модели «сепаратного плюрализма».

Вовлеченные в события революции и Гражданской войны в Сибири, латыши и эстонцы постоянно сталкивались с русскими и другими национальностями, что объективно способствовало изучению ими русского языка. Однако степень владения русским языком в различных районах Западной Сибири была неодинаковой. Так, при регистрации эстонским подотделом Отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса национальных культурно-просветительных учреждений Омской губернии в конце 1920 г. выяснилось, что в большинстве деревень около половины эстонского населения умели читать и писать по-русски⁶⁹. А в Томской губернии в 1922 г. лишь 3% эстонцев владело русским

языком хорошо, 16% – удовлетворительно, 26% – плохо и 55% не владело совсем⁷⁰. Что же касается латышей, то они русским языком владели достаточно хорошо. Так, например, в Иркутской губернии в 1920 г. не говорили по-русски только 10% латышей.

Обучение русскому языку в национальных школах в 1920–30 гг., ликвидация национальных школ и переход на русский язык обучения, сближение латышей и эстонцев с другими национальностями в годы Великой Отечественной войны и другие факторы серьезно изменили этноязыковую ситуацию у этих народов. А в конце 1960-х гг., когда в результате укрупнения колхозов усилился отток латышского и эстонского населения в города, существовавший ранее языковой барьер между выходцами из Прибалтики и другими нациями и народностями Сибири был практически ликвидирован.

Так, в 1970 г. 90,4% эстонцев и 89,1% латышей Омской области владели русским языком в качестве основного или второго⁷¹. Но вместе с тем начала проявляться тревожная тенденция: резко сократилось число лиц, знающих родной язык. Уже в 1970 г. латышским владело только 62,7% латышей Омской области, а эстонским – 82,1% эстонцев.

Родным свой национальный язык признали 59,6% латышей и 74,1% эстонцев, но если в сельской местности эти цифры соответственно составляли 69,2 и 82,7%, то в городах – 40,6 и 49,4%.

Это, на наш взгляд, объясняется тем, что, оказавшись в городах, выходцы из Прибалтики практически не имеют возможности применять родной язык (за исключением тех редких случаев, когда на нем говорят дома) и постепенно переходят на русский язык, а впоследствии признают его родным.

В 1970-х гг. число лиц, знающих родной язык, еще больше снизилось. В 1979 г. по сравнению с 1970 г. число латышей, признавших национальный язык родным, снизилось в Омской области с 59,6 до 50,2%, в том числе среди городского населения – с 40,6 до 35,0%.

Аналогичная тенденция прослеживается у большинства других народов. Так, у украинцев Омской области число лиц, признавших национальный язык родным, снизилось с 32,4 до 25,4%, у белорусов – с 35,1 до 25,9%, у немцев – с 72,2 до 61,4%, у татар – с 87,8 до 83,5%, у казахов – с 95,6 до 95,1%⁷².

У эстонцев в Сибири проходили те же процессы, что и у других народов. Однако свой национальный язык сибирские эстонцы сохранили сравнительно неплохо. Более того, в некоторых смешанных селах финны, латыши и немцы переходили на эстонский язык.

В результате проведенного автором опроса выяснилось, что 91,6% латышей и 90,1% эстонцев свободно владеют русским языком. Своими национальными языками свободно владеют 46,3% эстонцев и 29,4% латышей; 37,5% эстонцев и 30,6% латышей свободно говорят на национальном языке, но не читают и не пишут. В процентном отношении более всех национальный язык сохранился у старшего поколения. Так, у мужчин старше 60 лет им свободно владеют 62,3% эстонцев и 41,7% латышей, у женщин – 72,1% эстонок и 38,7% латышек.

Анализ данных по функционированию национальных языков показал, что как латышский, так и эстонский язык вытесняются русским из бытовой и производственной сферы. Например, на производстве только 24,2% латышей и 34,7% эстонцев говорят на национальном языке, в то время как на русском соответственно 88,8 и 87,7%. Из тех, кто говорит на производстве на национальном языке, большинство составляют неквалифицированные рабочие (39,0% у эстонцев и 31,1% у латышей). В домашней сфере национальные языки также вытесняются русским: с супругами и детьми по-латышски говорят соответственно 32,6 и 31,2% опрошенных, по-русски – соответственно 64,8 и 69,2%. У эстонцев с супругами по-эстонски говорят 43,3% информаторов (по-русски – 52,7%), а с детьми – 42,7% (по-русски – 65,9%). Активно применяются латышский и эстонский языки при общении с друзьями и соседями, так как с соотечественниками и латыши и эстонцы стремятся говорить на национальном языке. Например, у эстонцев на нем говорят 66,2% опрошенных, у латышей – 49,2%. Не менее активно применяется в этой сфере и русский язык: на нем говорят 86,0% эстонцев и 90,8% латышей.

Единственной сферой, где русский язык не смог окончательно вытеснить национальные, осталось общение с родителями: 42,6% латышей и 48,5% эстонцев говорят со своими родителями на национальном языке и 31,4% латышей и 27,9% эстонцев – на русском.

Кроме родного и русского у эстонцев активно функционируют латышский, немецкий и финский языки, у латышей – эстонский и латгальский. Так, 1,0% эстонцев говорят с друзьями и соседями по-латышски,

0,5% – по-фински. У латышей 3,4% опрошенных говорят по-эстонски с родителями, 2,6% – с супругами, 1,8% – с детьми, 2,6% – на производстве и 5,4% – с друзьями и соседями. По-латгальски говорят с родителями 11,6% опрошенных, с супругами – 10,4%, с детьми – 11,8%, на производстве – 16,0%, с друзьями и соседями – 17,8%, переписываются с родными – 5,6%.

Наиболее ярко функциональный моностилизм сибирских латышей и эстонцев проявляется при чтении литературы, а также при просмотре концертов и спектаклей. Лишь 23,6% опрошенных эстонцев читают газеты и журналы на национальном языке, тогда как на русском – 91,4%. У латышей латышские газеты и журналы читают 11,4% информаторов, а русские – 89,4%. Очень немногие выписывают периодические издания из Прибалтики.

Только 4,2% опрошенных латышей и 7,9% эстонцев читают художественную литературу на национальных языках (на русском соответственно 58,6 и 58,5%). Некоторые из информаторов читают на латышском и эстонском языках общественно-политическую, научно-техническую, учебную и научно-популярную литературу, но в основном это люди старших возрастов.

На национальном языке смотрят концерты и спектакли 35,6% эстонцев 20,0% латышей (на русском языке – соответственно 74,9 и 81,2%). Большинство информаторов старших возрастов объясняют это тем, что телевидение крайне редко транслирует концерты и спектакли из Прибалтики, а молодежь – тем, что не понимает «правильные» латышский и эстонский языки.

Знание национального языка, реальное поведение в этой сфере детерминированы условиями, в которых человек вырос и живет. В настоящее время в Сибири невозможно ни функционирование латышского и эстонского языков ни в одной сфере (кроме общения в семье), ни преподавание его в большинстве деревень с прибалтийским населением. Таким образом, отношение к национальным языкам, включая желательность его преподавания в школе, принадлежит к относительно устойчивым этнокультурным стереотипам и прожективное поведение отражает эти стереотипы полнее, чем реальное⁷³.

По мнению Ю. Вийкберга и М. Раннута, при вытеснении языка из различных функциональных сфер употребления возникает так называемый

мый комплекс отвращения к себе (self-hatred), который проявляется в презрении к своей нации, культуре, языку и, наконец, к самому себе, часты конфликты и сдвиги в идентификации⁷⁴.

Но сибирские латыши и эстонцы оказались «людьми без комплексов». 52,5% эстонцев и 52,6% латышей высказались за преподавание в школе национального языка. Из 30,0% эстонцев и 24,8% латышей, которые на вопрос о желательности преподавания национального языка ответили отрицательно, большинство объяснили свое решение запоздалостью этой меры.

Опрос об отношении латышей и эстонцев к национальной школе показал, что они в целом отдают предпочтение русской школе, как начальной, так и средней. 75,1% эстонцев и 78,2% латышей хотели бы учить детей в русской начальной школе, соответственно 89,1% эстонцев и 93,6% латышей – в средней. Однако некоторые информаторы отдали предпочтение национальной школе. В национальной начальной школе хотели бы учить детей 23,3% эстонцев и 21,4% латышей, в национальной средней – 9,3% эстонцев и 6,0% латышей.

Двуязычие этноса означает ситуацию, когда в развивающейся и единой системе духовной культуры народа определенные функциональные и структурные элементы обслуживаются разными (по крайней мере двумя) языками⁷⁵. Но процесс развития двуязычия у сибирских латышей и эстонцев постепенно привел к функциональному моностилизму и вытеснению национальных языков из общественной и производственной сфер. Также у наших информаторов постоянно во время речевого акта наблюдается процесс свитчинга (смены кода), когда информатор попеременно употребляет слова и выражения то одного, то другого языка.

В 1990-х годах положение начало изменяться к лучшему. После полувекового перерыва в с. Рыжково Крутинского района Омской области учителя из Латвии стали преподавать латышский язык. В середине 1990-х годов некоторое время преподавался латышский язык в деревне Бобровке Тарского района Омской области. В Рыжково, кроме того, усилиями библиотекаря Ф.М. Гульбы при местном клубе была сделана подборка книг на латышском и эстонском языках, куда вошли произведения русских, советских и прибалтийских писателей, а также классиков зарубежной литературы.

¹ *Мартемьянова Л.П.* Роль языка в этнической культуре // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. Омск, 1990. Кн. I. С. 55–56.

² *Грабис Р.* Латышский язык // Языки народов СССР. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. Т. I. С. 466–468.

³ *Аристэ П., Вяари Э.* Прибалтийско-финские языки: Введение // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. Т. III. С. 26; *Каск А.* Эстонский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. Т. III. С. 35–36.

⁴ *Коровушкин Д.Г.* Чувашская национальная школа в Западной Сибири (итоги и перспективы развития) // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. Омск, 1990. Кн. I. С. 79.

⁵ Rižkova, sl. 36375.

⁶ Rižkova, sl. 36376.; МЭЭ ОмГУ, 1988, п. 47-1, л. 1.

⁷ *Nigol A.* Eesti asundused... Lk. 40–54.

⁸ *Вуйкберг Ю.* Эстонские языковые... С. 12.

⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 544. Л. 53.

¹⁰ *Beika A.* Latviešu padomju skola Sibīrijā // Skola un ģimene. 1973. № 4. 44. lр.

¹¹ Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. Омск: Губстатбюро, 1923. Вып. 2. С. 102–103.

¹² *Beika A.* Latviešu padomju skola Sibīrijā // Skola un ģimene. 1973. № 4. 45. lр.

¹³ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1152. Л. 26, 36, 39.

¹⁴ Из отчета Совета национальных меньшинств при губоно о состоянии работы // Наш край. Омск, 1985. Ч. I. С. 105.

¹⁵ ГАОО. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1167. Л. 18.

¹⁶ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 128. Л. 9.

¹⁷ ГАОО. Ф. 224. Оп. 2. Д. 39. Л. 7.

¹⁸ ГАОО. Ф. 224. Оп. 2. Д. 36. Л. 4.

¹⁹ ГАОО. Ф. 224. Оп. 2. Д. 39. Л. 8–11.

²⁰ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1143. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 23.

²² Там же. Л. 12–13.

²³ Там же. Л. 1, 28.

²⁴ Там же. Л. 22.

²⁵ Там же. Л. 4–5.

²⁶ ГАОО. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 54. Л. 11.

- ²⁷ ГАОО. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1166. Л. 16.
- ²⁸ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1143. Л. 1, 27.
- ²⁹ *Маамяги В.* Эстонские переселенцы... С. 93.
- ³⁰ Kolonijas latviešu. sl. 17142.
- ³¹ *Трофимов П.Л.* К истории введения начального обучения в Западной Сибири (1930–1933 гг.) // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. Сибирь в эпоху строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск, 1962. Вып. I. С. 115.
- ³² ГАОО. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 1167. Л. 52.
- ³³ ГАОО. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1167. Л. 28.
- ³⁴ ГАОО. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.
- ³⁵ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1149. Л. 2.
- ³⁶ *Šķilters K.* Latkoloniju vēsture. 137. lp.
- ³⁷ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1152. Л. 1–53.
- ³⁸ Siberi tööline. 1921. 23 juul.
- ³⁹ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1152. Л. 14.
- ⁴⁰ Sibirijas Čina. 1927. № 24.
- ⁴¹ Siberi tööline. 1921. 23 juul.
- ⁴² *Бейка А.* Латышские секции РКП(б) и РКСМ в Сибири. С. 22.
- ⁴³ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1152. Л. 27, 41.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5.
- ⁴⁵ Там же. Л. 25, 41.
- ⁴⁶ Sibirijas Čina. 1927. № 24.
- ⁴⁷ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 785. Л. 120; *Раевский В.* Латышские секции РКП(б). С. 124.
- ⁴⁸ *Раевский В.* Латышские секции... С. 167–168.
- ⁴⁹ Там же. С. 130–131.
- ⁵⁰ Sibirijas Čina. 1925. № 9.
- ⁵¹ Рабочий путь. 1924. 23 апреля.
- ⁵² *Раевский В.Р.* Латышские секции... С. 134–135.
- ⁵³ *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые... С. 12.
- ⁵⁴ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 785. Л. 120.
- ⁵⁵ *Пяль Э.* Воспоминания и размышления // Коммунист Эстонии. 1989. № 4. С. 101.
- ⁵⁶ *Галущенко О.С.* Из опыта межнациональных отношений в Молдавской АССР // Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации (Материалы «круглого стола»). Кишинев, 1999. С. 57; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 15.

- ⁵⁷ *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые островки в Сибири (возникновение, развитие, контакты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1989. С. 10.
- ⁵⁸ *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. М.: Наука, 1984. 288 с.; *Дешериев Ю.Д.* Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Наука, 1976. 431 с.; *Холмогоров А.И.* Научное управление языковой жизнью народов СССР // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М.: Наука, 1981. С. 110–131.
- ⁵⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4936. Л. 16, 17, 18.
- ⁶⁰ *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые... С. 25.
- ⁶¹ *Ядринцев Н.М.* Рига, Ревель, Нарва...
- ⁶² *Sprešlis A.* Latviešu sarkangvardi... Lp. 25.
- ⁶³ *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые... С. 21.
- ⁶⁴ Там же. С. 25.
- ⁶⁵ *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. С. 96–97.
- ⁶⁶ МЭЭ ОмГУ, 1988, п. 47-1, л. 31.
- ⁶⁷ *Вийкберг Ю.* Эстонские языковые... С. 22–23.
- ⁶⁸ Там же. С. 10.
- ⁶⁹ ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1152. Л. 1-53.
- ⁷⁰ *Маамяги В.* Эстонские переселенцы... С. 45.
- ⁷¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. С. 108.
- ⁷² Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года на территории Омской области. С. 182.
- ⁷³ *Коган М.Э.* Поведенческие индикаторы этнокультурных ориентаций горожан // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 37.
- ⁷⁴ *Вийкберг Ю., Раннут М.* Исторический аспект... С. 8.
- ⁷⁵ *Мыльников А.С.* Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 16.

Приложение 4.1

Основные направления культурно-просветительной работы среди латышей Сибири

1. Латышские учителя Сибири в своем большинстве мало подготовлены как по части общего, так и политического образования. Кроме того, имеющегося количества недостаточно для обслуживания латышских школ Сибири.

Центральное латышское Бюро Наркомпроса не оправдало возлагавшихся на него надежд в деле подыскания и присылки нужного количества учителей для Сибири. Почему совещание находит нужным: а) поручить латсекции Сибкрайкома с согласия и содействия Сибнаробраза организовать курсы по подготовке учителей для латышских колоний; б) по губерниям созвать учительские совещания-курсы.

2. Усилить работу школьных советов.

3. Большое внимание обратить на поднятие уровня развития латгальского населения.

4. Расширить и оформить сеть существующих культурно-просветительных кружков. В основу работы их положить ликвидацию технической неграмотности и дальнейшее развитие самообразования.

5. Из добровольных обществ стараться пропагандировать организацию «Доброхима», «Д.Н.», «МОПР», и «ОДВР».

6. Обратит внимание на постановку библиотечного дела в колониях.

Придвинуть книгу ближе к читателю, организовать дело самопополнения библиотек и улучшить техническую их сторону.

Осень 1924 г.

(Центр документации новейшей истории Томской области.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 1469. Л. 153).

Приложение 4.2

О культурно-просветительной работе в деревне Вамбола Мариинского уезда Томской губернии

20 мая 1920 года в поселке Вамбола Кольонской волости Мариинского уезда Томской губернии по инициативе инструктора народного просвещения Томской эстонской секции РКП тов. Керге организовали комячейку. Замедление в официальной организации комячейки произошло вследствие отсутствия в этом отношении сведущих лиц, хотя записавшиеся в члены ячейки работали в коммунистическом направлении уже по свержении колчаковщины, так как были устроены литературные вечера с целью разъяснения политических взглядов среди населения и три раза воскресники для выполнения некоторых общественных работ, например, переплетение книг местной библиотеки и т.п.

Конечно, встречается и у нас много кулаков и их прихвостней, которые определенно сеют смуту среди населения, но мы, члены комячейки, вполне убеждены, что своей активной работой на ниве политической и культурной деятельности мы можем рассеять мраки и тьму и заставить замолчать темных элементов.

Просим Мариинский Партком зарегистрировать Вамболинскую комячейку и оказать поддержку в лице политической и драматической литературы на родном эстонском языке. У нас с 1918 года существует драматический кружок, но драматический материал на родном языке уже использован, также не имеется для сцены никаких приспособлений, как грима, париков и декораций. В связи с этим просим выслать анкетов для членов, уставов и детальных инструкций в будущей нашей работе.

Члены Вамболинского временного
организационного бюро комячейки

Председатель П. Мялло

Секретарь

25 мая 1920 года

(Центр документации новейшей истории Томской области.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 1481. Л. 20, 20 об.)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ГЛАВЕ 4

1. Расскажите об особенностях формирования балтийских и прибалтийско-финских литературных языков.
2. Какую роль играли местные образовательные учреждения в период существования «сепаратного плюрализма» у балтийских национальных групп в Сибири?
3. Какие законодательные акты советского правительства в сфере народного образования послужили основой для функционирования латышских и эстонских образовательных учреждений в СССР в 1920-х – 1930-х годах?
4. Что такое «политика лингвацида»? Как она проявлялась в СССР в конце 1930-х годов?
5. Что вам известно об этноязыковой ситуации в лютеранских колониях в Западной и Восточной Сибири в середине XIX в.?
6. Что такое «функциональный монотилизм»? В каких формах он проявился у сибирских латышей и эстонцев?
7. Чем мотивируют свою точку зрения сторонники и противники преподавания латышского и эстонского языков в Сибири?

Глава 5. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ СИБИРИ

5.1. Национальные формы материальной культуры у латышей и эстонцев Сибири

Этнокультурными процессами считают обычно изменения, которые происходят в материальной и духовной культуре. Видимо, к этнокультурным процессам (может быть, в узком смысле слова) следует отнести те из этих изменений, которые связаны в первую очередь с этнической спецификой, этнокультурным обликом конкретных этнических общностей, то есть изменения, происходящие прежде всего в традиционно-бытовой культуре. Вероятно, возможно и более расширительное толкование понятия «этнокультурные процессы», включая любые изменения в области культуры и этнической общности. И может быть, в этом есть смысл, поскольку грань между традиционными и новыми явлениями в общем-то всегда исторична. То же можно сказать, наверное, и об этнодифференцирующих свойствах предметов и явлений культуры. Новации, как правило, в начальные моменты своего распространения и существования у какого-либо этноса не имеют этнических свойств. Но при более длительном бытовании они могут стать традициями и приобрести их свойства¹.

Латышские и эстонские крестьяне, переселившиеся в Сибирь в XIX–XX вв., были основными создателями и хранителями народной культуры, носителями этнической традиции.

Некоторые характерные и самобытные черты латышской и эстонской культуры сохранились в жилище. Самые первые упоминания о жилище латышских и эстонских ссыльнопоселенцев мы встречаем у Н.М. Ядринцева в его работе «Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири». Он, в частности, писал: «В 4-х деревнях только 4 дома могут считаться несколько зажиточными, 52 представляют только подобие избы, а 98 – самые жалкие хижины. Жители, особенно главного выселка, Риги не имеют по большей части изб, а устроили себе нечто вроде глубоких землянок, окруженных бревнами и прикрытых соломенными крышами.

Землянки снабжены потайными подвалами для хранения краденых вещей и укрыательства в случае нужды преступников и заподозренных»².

Добровольные переселенцы из Латвии и Эстонии, прибывшие в Сибирь в конце XIX в. – начале XX в. и частично вселившиеся в бывшие лютеранские колонии ссыльных, изменили их внешний облик.

Исторический процесс развития поселений латышей и латгальцев прошел в своем развитии ряд стадий: от замкнутых моноконфессиональных колоний с моноэтничными поселениями до крупных полиэтничных благоустроенных поселков. Главным фактором на первом этапе организации поселений 1802–1910 гг. был природно-географический. Практически все поселения, возникшие в этот период, привязаны к естественным водоемам.

В период 1910–1930-х гг. происходит формирование поселений, расположенных на значительном расстоянии от естественных водных источников, то есть формируется водораздельный тип заселения в организации поселений. В этот период ведущим фактором оказывается обстоятельство земельной тесноты у водных источников.

С 1930-х гг. до настоящего времени определяющим в развитии поселений является социально-экономический фактор, связанный с изменением системы землепользования и организацией коллективных хозяйств.

В первой четверти XX в. однодворные крестьянские хозяйства латышей и латгальцев утвердились как господствующая форма землепользования и расселения в Тарском районе Омской и Кривошеинском и Асиновском районах Томской областей. На территории Кормиловского, Калачинского, Крутинского районов Омской области сложилась ситуация, когда сосуществовали хуторские поселения и деревни с отрубной системой землепользования.

Анализ материалов о поселении латышских переселенцев Западной Сибири позволяет сделать вывод о том, что к началу 1930-х гг. на территории расселения латышей и латгальцев сложилось два района: северный – с преобладанием хуторских и мызных (хуторских групп) хозяйств – и южный, представленный преимущественно деревнями улично-рядовой формы. Именно с начала 1930-х гг. в планировочной структуре поселений рассматриваемого населения происходят изменения: исчезают хуторские и мызные селения, складывается линейная планировка

поселений. Появившись в Сибири в конце XIX в., хутор стал для западных национальных меньшинств, в том числе и латышей, этномаркирующим элементом материальной культуры, который до настоящего времени сохраняется в исторической памяти сибирских латышей.

Центрообразующим элементом усадебного комплекса был дом, и размещение всех хозяйственных построек было подчинено расположению жилища. Наиболее близко были расположены к дому амбар или несколько подобных построек (klete, ambars), которые использовались для хранения вещей и продуктов сельскохозяйственного производства. Иногда амбар устраивали в дальней части усадьбы. Так, в д. Старой Риге Калачинского района Омской области эта хозяйственная постройка нередко занимала место в дальнем углу усадьбы.

С 1940-х годов начинается процесс структурного изменения усадьбы, который был напрямую связан с изменением хозяйственных потребностей и функцией отдельных построек крестьянского двора. Из усадьбы исчезают такие постройки, как рига и овин.

С 1950-х годов распространяются системы навесов (pojume), которые, соединяя хозяйственные постройки усадьбы, образуют дополнительные объемы, используемые в хозяйственных целях. Под этими навесами хранили сельскохозяйственный инвентарь, организовывали дровники и т. п. Усиливается стремление к компактному расположению построек на усадьбе и объединению их системой навесов. В результате, к настоящему времени сложились усадебные комплексы, в которых большинство хозяйственных служб располагаются под одной крышей, образуя Г- и П-образную конфигурацию двора.

В конце 1990-х гг. в состав усадьбы сибирских латышей и латгальцев входят такие постройки, как дом, баня, летняя кухня, навес, пригон, сарай, курятник.

В местах проживания эстонцев складывалась особая, смешанная, подворно-общественная система землепользования и создавалось два вида хозяйств – мызных и подворных. Мызные хозяйства составляли большинство и представляли собой группы отдельных хозяйств или хуторов, в которых вокруг усадеб сосредотачиваются все земли крестьян. Границы каждой мызы, поля и дороги обязательно огораживались изгородью; рогатый скот и лошади содержались в теплых рубленых помещениях.

В домостроении использовались местные строительные материалы. Для строительства часто привлекались мастера из старожилов, иногда покупали уже возведенный дом. В результате форма, внешний вид, внутренняя планировка большинства жилищ мало чем отличались от сибирских построек. Иногда дома перевозили из других деревень, их разбирали по бревнам, а затем снова собирали на выбранном месте. Лесного материала было достаточно, поэтому у хозяев была возможность строить и самим, а для больших строительных работ нанимали помощников. В наборе инструментов почти в каждой семье были необходимые для плотницких работ топор, фуганки, сверла.

Стены домов, как правило, были бревенчатыми. Их возводили из сосны или березы, отдавая предпочтение первой. Материал на дом рубили зимой, но определенного срока заготовки не устанавливали. Кроме того, были и мазанки, которые строили из досок, обмазанных смесью глины с соломой.

Место для дома выбирали сами, где пожелают, никаких ограничений со стороны односельчан не было. Обязательно смотрели, чтобы место было ровное, без уклона, удобное для большого огорода. Жилище старались ориентировать окнами на солнечную сторону.

Фундамент дома делали из толстых бревен, а там, где были выходы горных пород или каменистые берега рек, – из камня. Если нужно было камни раздробить, использовали известный старый способ: под камнями разжигали огонь, нагревали их, а затем поливали водой из реки, чтобы они раскололись от перепада температур. Входные двери в доме устанавливали так, чтобы они открывались наружу. Окна делали сплошными или створчатыми, украшали наличниками.

Среди жилых построек встречались однокамерные (одно жилое помещение – изба, хата), двухчастные (изба (хата) – сени (прихожая)), двухкамерные (два жилых помещения, примыкающих друг к другу – пятистенок без сеней), трехчастные (два жилых помещения и сени – пятистенок с сенями (прихожей)), многокамерные (три и более жилых помещений и сени – крестовик и другие сложные формы). Больше всего было пятистенков с сенями. Они имели вытянутую форму и располагались торцом к улице, сени размещали вдоль длинной или короткой тыльной стороны здания.

Убранство в домах было скромным. Занавесок на окнах не было, кое-кто сам делал шторы из газет. В передней хате (избе) стояли стол, за которым собиралась вся семья за будничными трапезами, скамейки, табуретки, шкафчик для посуды, ящик. Большая битая из глины печь с плитой, как правило, располагалась справа от входа. Кое-кто складывал кирпичную печь. Обычно печи делали свои деревенские мастера.

В некоторых семьях в передней хате (она была больше, чем другие помещения дома) стояли ткацкий станок, швейная машина «Зингер». В задней хате (горнице) располагались койки, стол, скамейки. Целый угол занимали скамейки с цветами – геранью, фикусом. Койки застилали самодельными одеялами, пол покрывали многочисленными самодельными половиками.

В настоящее время в жилище сибирских эстонцев произошли серьезные изменения. После коллективизации на смену рассеянной планировке поселений пришла уличная. Если раньше в таежной и лесостепной полосе эстонцы строили деревянные дома, а в степной зоне иногда встречались и глинобитные здания, то в последнее время на центральных усадьбах колхозов (ныне акционерных обществ) с эстонским населением все чаще возводят одно- или двухквартирные каменные или шлакоблочные дома. Эстонцы заимствовали у русских замкнутую нераздельную усадьбу, причем у эстонцев практически не сохранилось риг, а хлеб они обмолачивают на току акционерного общества.

Кардинально изменился интерьер жилища. Раньше во внутреннем убранстве жилищ было много своеобразных черт, например, деревянные резные кровати, шкафы, сундуки для белья, домотканые одеяла и дорожки. Стол обычно располагался у окна напротив печи. В настоящее время в интерьере жилищ преобладает унифицированная фабричная мебель массового производства, обладание которой стало элементом престижа, а на смену печам приходят газовые плиты.

Интересно, что, несмотря на наличие этноспецифичных черт в конструкции и отделке подавляющего большинства латышских и эстонских жилищ старой постройки в обследованных селениях, информаторы не считают эти черты этнически значимыми.

Только 3,6% опрошенных латышей отметили национальные черты в планировке своего жилища, 4,4 – в положении и устройстве печи, 8,2 – в украшении, 8,4% – во внешней отделке. Еще реже отмечают нацио-

нальную специфику в жилище сибирские эстонцы. У них выделили национальные черты в планировке 2,7% респондентов, в положении и устройстве печи – 2,6, в украшении – 5,3, во внешней отделке – 4,5%. 81,6% опрошенных латышей и 87,9% эстонцев заявили, что в их жилище не сохранилось национальных черт.

Многие латыши и эстонцы видят национальные черты в одежде. В ней проявляются художественный вкус и практические навыки многих поколений латышских и эстонских крестьян в прядении, крашении, ткачестве, вязании и вышивке.

В Сибири традиционный национальный костюм сибирских латышей и эстонцев претерпел серьезные изменения. Уже в начале XX в. он в основном сменился одеждой городского типа. В настоящее время национальные костюмы можно встретить лишь на народных праздниках у участников латышских и эстонских фольклорных ансамблей. В этих костюмах мы зафиксировали как традиционные черты, характерные в целом для прибалтийского женского комплекса одежды, так и некоторые новации. Так, например, участники латышского фольклорного ансамбля «Varavikšne» («Радуга») (приложение 5.1) из с. Бобровка Тарского района Омской области выступают в старинных латышских костюмах, включающих в себя продольно-полосатые юбки, густо-синие, декорированные металлом наплечные покрывала-виллайне, высокие металлические венки. Такой тип костюма в Латвии наиболее широкое распространение получил в Курземе. Интересны костюмы латышского фольклорного ансамбля из с. Рыжково Крутинского района Омской области. Они состоят из желтой блузки и оранжевого сарафана. В качестве головного убора используются матерчатые венки кофейного цвета, украшенные геометрическим узором.

Наиболее типичный национальный костюм сибирских эстонцев – у фольклорного ансамбля с. Золотая Нива Оконешниковского района Омской области. Он состоит из белой блузки, украшенной металлической брошью, и серой клетчатой юбки. У участников этого ансамбля сохранилась эстонская национальная обувь – кожаные постолы (pastlad). В качестве головного убора использовался матерчатый веночек красного цвета с белым геометрическим орнаментом.

В настоящее время и в Прибалтике, и в Сибири наиболее длительное и полное развитие старинные традиции получили в вязаных частях

одежды: носки (лат. – zeķes, эст. – sokid), чулки (лат. – zeķes, эст. – sukad), варежки (лат. – duraini, эст. – kindad).

На базе общего художественного стиля и местных условий развития латышские и эстонские вязаные изделия приобрели сильную этническую специфику. Главное отличие от аналогичных русских изделий и латыши и эстонцы, живущие в Сибири, видят в стилизованном цветочном орнаменте. Латышские носки и варежки отличаются пестрой цветовой гаммой, где преобладают красные, желтые, коричневые и черные цвета. Для эстонских вязаных изделий характерны зеленые и красные цветочные узоры на черном фоне. Кроме того, у эстонцев, живущих в Новосибирской области, встречаются варежки с геометрическим орнаментом, для которых характерны черные и красные узоры на белом фоне. И у латышей и у эстонцев пожилые женщины иногда вяжут юбки (лат. – svārki, эст. – seelik), пуловеры (лат. – pulovers, эст. pullover), платки (лат. – lakats, эст. – rätik) и т. д. В целом же у латышей и эстонцев Западной Сибири бытует «общероссийская» (европейская) одежда массового пошива.

Не случайно только 17,0% опрошенных латышей отметили национальные черты в нательном белье, 14,8 – в верхней одежде, 7,0 – в легком платье, 2,0 – в головных уборах, 1,6 – в обуви, 3,2% – в украшениях. Чуть лучше сохранилась национальная специфика в одежде у эстонцев Западной Сибири. 19,9% из них отметили национальные черты в нательном белье, 15,8 – в верхней одежде, 12,1 – в легком платье, 7,0 – в головных уборах, 2,9 – в обуви, 3,3% – в украшениях. 66,6% латышей и 51,5% эстонцев отметили, что никаких различий с современной одеждой окружающего русского населения в их одежде нет.

Коллекции одежды латышей и эстонцев в Сибири в настоящее время хранятся в музее археологии и этнографии Омского государственного университета, районных краеведческих музеях г. Калачинска (Омская область), г. Татарска (Новосибирская область), г. Минусинска (Красноярский край), а также в сельских музеях с. Золотая Нива, с. Цветнополе Азовского района Омской области и с. Березовка Первомайского района Томской области.

Особый интерес для исследователя представляют изменения, происшедшие в таком важном элементе системы жизнеобеспечения этноса, как пища. Наш интерес к современному состоянию системы питания сибирских латышей и эстонцев объясняется также ее наибольшей отно-

сительной устойчивостью в материальной культуре. В их современном питании в основном сохранилась система, основанная на сочетании продуктов земледелия и животноводства. В связи с этим особый интерес представляют ответы информаторов на вопрос о наиболее предпочитаемых ими видах мяса.

Наиболее предпочитаемое мясо у сибирских латышей и эстонцев – свинина. На это указали 68,0% опрошенных латышей и 70,3% опрошенных эстонцев. Однако употребление свиного мяса во многих деревнях с прибалтийским населением до сих пор сохранило сезонный характер. Говядину предпочитают 11,2% латышей и 13,8% эстонцев, баранину – 13,8% латышей и 13,0% эстонцев, птичье мясо – 11,6% латышей и 14,1% эстонцев. Как можно заметить, у латышей и эстонцев нет существенных отличий друг от друга в предпочтении какого-либо мяса. В отдельных латышских и эстонских семьях разводят кроликов (эта традиция берет начало в 1930-х годах) и соответственно там предпочитают употреблять в пищу кроличье мясо. 16,4% опрошенных латышей и 18,2% эстонцев не отдают предпочтения ни одному из видов мяса.

Национальная кухня сибирских латышей и эстонцев насчитывает десятки разных блюд. Преобладают молочные блюда, так как основным типом животноводства у добровольных переселенцев было молочное. Так, в начале прошлого века в Енисейской губернии в день от коровы получали 18 фунтов молока. Итак, распространенными латышскими блюдами являются молоко с луком (*piens un sipoli*), сыр с тмином, который готовят в Янов день (*jaņa siers*), простокваша (*gugušpiens*), молочная похлебка с перловой крупой (*putraimu putra*), иногда в латгальских деревнях Томской и Новосибирской областей встречается уха с молоком (*zivju zupa ar pienu*). Из мясных блюд распространен студень из телятины, который в Латвии готовят на Пасху, а в Сибири могут готовить и в будний день. Ни один из информаторов не назвал такое традиционное латышское блюдо, как отварной серый горох со шпиком, но очень часто называли такое блюдо, как скабпутра – похлебка из перебродившего молока и перловой крупы, распространенная в XIX в. в Курземе. В Сибири в скабпутру иногда добавляют творог (*biezpiens*). Из мучных блюд у сибирских латышей распространены оладьи (*pankukas*, сиб. лат. – *ladjas*), а также пироги и ватрушки с ягодной и овощной начинкой, что, вероятно, было заимствовано у русского населения. Из напитков издавна широко

распространено пиво (лат. – *alus*, латг. – *ols*). В некоторых деревнях были профессиональные пивовары, которые варили пиво на праздники или семейные события для всей деревни.

Национальная кухня сибирских эстонцев также сохранила черты, присущие эстонской национальной традиции в целом. Для каждой области Эстонии в прошлом были характерны свои национальные блюда. Так, например, в Южной и Восточной Эстонии умели варить похлебки и каши, в состав которых входили разнородные продукты. В частности, такими блюдами были каша пополам с картофелем (мулькская или латышская каша), каша из ячменной крупы и кислой капусты (мулькская капуста). Эти блюда хорошо известны эстонцам, живущим в Сибири. Кроме того, у сибирских эстонцев распространены такие блюда, как холодец (*sült*, южн.-эст. – *jahuliha*), который в Эстонии почитается свадебным блюдом, но в Сибири его едят и в будни; кровяная колбаса (*vege vorst*), мясной соус (*hämatus*). В степной полосе Западной Сибири иногда встречается оригинальное мясное блюдо – вареная говядина, залитая свежими сливками (*loomaliha koorega*). На Пасху сибирские эстонцы обычно готовили вареные вкрутую яйца с маслом. Из сладких и мучных блюд наиболее популярными были манный крем, компот со взбитыми сливками и пироги с ревенем.

Переселенцы из Прибалтики в больших количествах гнали самогон, и не только пили его сами, но и продавали в соседние русские деревни. При этом в латгальской деревне Алгаштык (Хакассия) в начале 1930-х годов правилом хорошего тона было приходить в гости со своим самогонным аппаратом.

Однако в настоящее время в обиход сибирских латышей и эстонцев прочно вошли блюда окружающего русского населения, чему способствует и сеть общественного питания. Поэтому, несмотря на разнообразие национальных блюд латышского и эстонского населения, их употребление в пищу заметно сократилось, а это, в свою очередь, отразилось на знании их информаторами.

Только 14,6% респондентов-латышей смогли назвать четыре и более национальных блюд, тогда как 25,2% информаторов не назвали ни одного, а большая их часть указала от одного до трех национальных блюд. Значительно лучше знают свою национальную кухню сибирские эстонцы. Среди них четыре и более национальных блюд назвали 29,2%

опрошенных, от одного до трех блюд – 51,4%, и только 19,4% информаторов не смогли назвать ни одного национального блюда. Лучшая сохранность национальной кухни у сибирских эстонцев по сравнению с латышами объясняется, на наш взгляд, не только ее самобытностью (соединением в одном блюде разнородных продуктов, ярко выраженная мясо-молочная специфика блюд), но и меньшей интенсивностью этнокультурных контактов эстонцев с другими народами, чем у латышей.

Кроме того, у эстонцев Западной Сибири знание блюд национальной кухни дифференцируется в зависимости от пола и возраста информаторов. Так, у женщин четыре и более национальных блюд знают 31,5% респондентов, а у мужчин – 25,1%. При этом у женщин старше 60 лет четыре и более блюд называли 37,3% опрошенных, а у мужчин этой же возрастной категории – 30,4%. В социально-профессиональных группах сибирских эстонцев четко выраженной дифференциации не наблюдается. Трудно выделить какую-либо закономерность при ответах на этот вопрос у сибирских латышей как по половозрастному, так и по социально-профессиональному признаку.

Таким образом, основной тенденцией в развитии этнических процессов в сфере материальной культуры у сибирских латышей и эстонцев является нивелировка этнически значимых явлений наряду с сохранением отдельных традиционных элементов в жилище, одежде и в большей степени в пище.

5.2. Национальные формы духовной культуры у латышей и эстонцев Сибири

Большие изменения у выходцев из Прибалтики произошли в сфере духовной культуры. Причин тому много: это и длительная культурная изолированность от родины, и проводившаяся долгое время политика «лингвацида», усугубившая эту изоляцию и резко нарушившая процесс передачи и воспроизводства этнической информации и национальных языков сибирских латышей и эстонцев, и активное культурное взаимодействие с другими народами, главным образом с русскими.

В 1920-х – 30-х годах в прибалтийских сибирских колониях и в городах среди выходцев из Прибалтики происходил грандиозный эксперимент по созданию национальной культуры, которая была национальной

по форме и советской по содержанию. Но дело в том, что духовная культура прибалтийских поселенцев имела как черты новой зарождающейся советской культуры, так и мощный пласт национальных культурных традиций. Но эти же традиции были заложены и в культурный фундамент независимых государств Балтии. В условиях же жесткого идеологического противостояния латышских и эстонских партийных секций с руководством государств Балтии (а это противостояние было одним из краеугольных камней информационной политики в прибалтийских колониях Сибири) в конце 1930-х годов вся национальная духовная культура была признана идеологически не выдержанной, что и послужило одной из причин ликвидации национальных культурных организаций.

В настоящее время латышская и эстонская национальная культура играет в жизни выходцев из Прибалтики весьма незначительную роль. Очень показательны в этом отношении ответы на вопрос о знании информаторами поэтов и писателей своего народа. У сибирских латышей наиболее популярным писателем является Вилис Лацис – его знают 25,4% опрошенных. В «золотой фонд» мировой литературы вошли такие произведения этого писателя, как «Сын рыбака», «Бескрылые птицы», «Буря», «К новому берегу». 20,0% информаторов называли знаменитого латышского поэта Яна Райниса. Его перу принадлежат такие пьесы, как «Огонь и ночь», «Золотой конь», «Индулис и Ария», «Вей, ветерок!», «Играл я, плясал», «Язепс и его братья», «Вороненок», «Илья Муромец» и ряд других. 5,0% опрошенных называли писателя А. Упита, автора трилогии «Робежниекс» о путях латышского крестьянства в революции 1905–1907 гг.; 2,0% респондентов знают писателя А. Григулиса; 1,6% – называли известных латышских поэтов Я. Судрабкална и И. Зиедониса; 5,4% – не зная поэтов и писателей, называли знаменитого композитора Р. Паулса; 66,2% респондентов не знают поэтов и писателей своего народа.

У сибирских эстонцев 11,0% опрошенных называли Эдуарда Вильде – основоположника критического реализма в эстонской литературе, 5,6% информаторов – поэтессу Л. Койдулу. Ее именем названо эстонское поселение неподалеку от Мариинска, и многие информаторы знали патристическую песню «Моя Эстония – моя любовь» («Minu isamaa on minu aht»), написанную на слова этой поэтессы. 3,6% опрошенных называли Ю. Смуула, автора романа «Ледовая книга», 2,7% – одного из

основоположников эстонской литературы А. Таммсааре, написавшего 5-томную эпопею «Правда и справедливость» о жизни Эстонии с 70-х гг. XIX в. до 30-х гг. XX в., а также множество рассказов, повестей и статей. Писателей О. Лутса и И. Семпера назвали соответственно 2,5 и 1,9% респондентов. Многие информаторы, не зная поэтов и писателей своего народа, называли знаменитого певца Г. Отса (4,7%), а также эстрадных певцов Я. Йоалу (1,6%) и А. Вески (2,1%). Отдельные информаторы помнят публицистов Х. Ангервакса и Ф. Котту, писавших в сибирской эстонской прессе. 73,7% респондентов не знают поэтов и писателей своего народа.

Интересен тот факт, что эстонцы иногда называют своими писателями латышей – Я. Райниса, В. Лациса, А. Упита, а латыши – Э. Вильде. Это бывает обычно в деревнях с эстонско-латышским населением.

Еще хуже обстоит дело со знанием латышского и эстонского фольклора. 86,4% латышей и 87,0% эстонцев не знают ни легенд, ни сказок, ни преданий, ни песен своего народа. Латышский народный эпос «Лачплесис» знают 2,6% респондентов-латышей, сказку «Мальчик-с-пальчик» («Spriditis») – 2,4%, латышские дайны знают 1,6% информаторов, песни Янова дня – 1,2% и песню про петушка – 1,0%. Некоторые информаторы, в основном участники фольклорных коллективов, знают песни свадебного и похоронного цикла, а также «Боже, благослови Латвию» («Dievs, svēti Latviju»), ставшую в 1989 г. официальным гимном Латвийской республики.

У сибирских эстонцев народный эпос «Сын Калева» («Kalevipoeg») назвали 8,2% опрошенных, сказки из цикла «Антон и черт» («Kaval Ants ja Vanaragan») – 3,2%, сказку «Кот и мышь» («Kass ja hiir») – 1,0%, «Песню о девушке» и уже упоминавшуюся песню «Моя Эстония – моя любовь», которую информаторы называют «песней об Эстонии» – 0,8%, наконец, легенду о Линде, являющуюся частью эпоса «Сына Калева», и легенду об Ирланде – 0,7% респондентов. Некоторым информаторам известны ритуальные погребальные и свадебные песни, например «Венок невесты» («Pruudi pärg»), а также старинные эстонские песни, например песня о Ванемуйнене («Kui Kungla rahvas kuldsel ajal»). Кроме того, несколько человек знают национальные бытовые сказки, такие как «Сказка про хитрого работника и глупого барина», «Сказка о глупом работнике» и пр. Они же знают несколько эстонских загадок:

«Стоит кадка, там две жидкости, ни пробки, ни дырки» (яйцо), «Латано-перелатано, но без иголки и нитки» (капуста), «Ветер сзади, дверь открыта, ветер спереди, дверь заперта» (курица).

И у латышей и у эстонцев национальные фольклорные произведения знают в основном люди старшего поколения. Анализируя знание национального фольклора у различных социально-профессиональных групп выходцев из Прибалтики, следует отметить, что и у латышей и у эстонцев руководители и специалисты почти не знают сказок, легенд, песен и преданий своего народа. Исключение составляют лишь эпос «Сын Калева» и сказки про Антона и черта, которые известны представителям указанных возрастных групп.

Такая ситуация, по нашему мнению, обусловлена нарушением процесса воспроизводства и передачи этнической информации, вследствие чего для латышской и эстонской молодежи, представленной в основном в данных социально-профессиональных группах, знание национального фольклора оказалось недоступным.

Фольклорная традиция в том или ином населенном пункте, как правило, держится на нескольких энтузиастах, в основном старшего возраста, смерть или переезд в город которых приводит к постепенному угасанию фольклорной традиции. Кроме того, необходимо отметить интернационализацию фольклорной жизни в деревнях с прибалтийским населением. Так, в деревне Ковалево эстонки поют не только эстонские, но и латышские песни, а ансамбль «Варавиксне» исполняет свои произведения на латышском, эстонском, русском и украинском языках.

Особый интерес представляют ответы на вопрос о посещении клубов сибирскими латышами и эстонцами, поскольку в 1920–1930-е гг. клубы были средоточием культурной жизни в деревнях с прибалтийским населением. В клубах проходили концерты и спектакли, проводились вечера отдыха с играми и танцами, кроме того, нередко клуб был совмещен с избой-читальней. Позднее в клубах демонстрировались киноленты. Одному из таких мероприятий посвящен очерк в газете «Sibīrijas Sīpa» за 1924 г. 3 февраля 1924 г. в деревне Дубовка (Ozolciems) Тарского округа Омской губернии силами Егоровского культурно-просветительного кружка и местных энтузиастов был организован театральный вечер. Зрители увидели комедию «Воры» («Zagli») и сценические миниатюры, большая часть которых была посвящена подвигу сибирских ла-

тышских стрелков в боях под Ригой в 1916 г. После театрального вечера состоялись соревнования гиревиков и танцы с играми. Вечер вызвал такой большой интерес в деревне, что школьное здание, где он проходил, не смогло вместить всех желающих³. Аналогичные мероприятия проходили и в эстонских деревнях. Например, 2 мая 1921 г. в деревне Березовке (Kaseküla) Томской губернии силами театрального, литературного и музыкального кружков был устроен праздник⁴.

В настоящее время, по данным нашего опроса, 44,0% сибирских латышей и 48,1% эстонцев вообще не посещают клуб. У латышей ходят в клуб в кино 47,6% респондентов, на концерты и спектакли – 35,6, на вечера отдыха – 15,6, на танцы – 13,6, в кружки – 3,2, в библиотеку – 9,2%. У эстонцев в кино ходят 39,2% информаторов, на концерты и спектакли – 32,6, на вечера отдыха – 12,1, на танцы и в библиотеку – 10,7 и в кружки – 2,7%.

И у латышей и у эстонцев большинство клубных мероприятий мужчины посещают активнее, чем женщины. Например, у латышей-мужчин ходят в кино 52,5% опрошенных, у женщин – 44,3%, вечера отдыха посещают 16,2% мужчин и 15,2% женщин, библиотеку – 10,8% мужчин и 8,1% женщин.

Среди тех, кто не посещает клуб, 41,2% мужчин и 45,9% женщин. У эстонцев мужчины чаще, чем женщины, ходят в кино (46,4% респондентов против 35,1% у женщин), на концерты и спектакли (34,6 и 31,5%), на танцы (14,4 и 8,6%) и в библиотеку (12,5 и 9,6%). Женщины-эстонки чаще мужчин посещают вечера отдыха (12,4% опрошенных против 11,4% у мужчин) и кружки (2,8 и 2,7%). Не посещают клуб 44,1% мужчин и 50,3% женщин.

При анализе современных этнокультурных процессов весьма показательна структура национально-культурных предпочтений сибирских латышей и эстонцев. Ответы на вопрос о том, какие (чьи) песни предпочитают петь или слушать опрашиваемые, выявили, что старинные латышские песни предпочитают 59,6% опрошенных латышей, современные национальные – 13,6, а русские народные песни и романсы – 34,6%. У эстонцев старинные национальные песни предпочитают петь или слушать 60,1% респондентов, а русские народные песни и романсы – 43,6%. В то же время следует отметить, что значительное число информаторов любят петь или слушать эстрадные, любительские и молодежные песни:

им отдают предпочтение 32,0% опрошенных латышей и 29,6% эстонцев. Особой популярностью современная эстрада пользуется у молодежи; например, и у мужчин и у женщин – латышей моложе 25 лет эстрадные песни предпочитают 83,3% опрошенных, а у людей старше 60 лет – 13,3% мужчин и 6,6% женщин. У эстонцев до 25 лет предпочитают эстраду 72,0% мужчин и 66,7% женщин. У людей старше 60 лет этот процент соответственно составляет 11,6 и 7,5.

В то же время сравнительно немного молодых людей предпочитают петь и слушать старинные песни, как национальные, так и русские. Например, у эстонцев-мужчин до 25 лет предпочитают старинные национальные песни 24,0% опрошенных (у мужчин старше 60 лет – 59,4%).

У женщин-эстонок до 25 лет этот процент составляет соответственно 20,0 и 26,7, а у женщин старше 60 лет – 70,6 и 50,7. Аналогичная ситуация у латышей: у мужчин до 25 лет предпочитают старинные национальные песни 25,0% респондентов, а русские песни и романсы – 16,7%. У мужчин старше 60 лет этот процент составил соответственно 66,7 и 36,7. У женщин до 25 лет старинные национальные песни предпочитают 33,3% респондентов (у женщин старше 60 лет – 72,3%), а русские песни и романсы 11,1% (у женщин старше 60 лет – 37,2%).

Единственной сферой духовной культуры сибирских латышей и эстонцев, где традиционные черты сохранились сравнительно неплохо, остаются календарные народные праздники. Достаточно сказать, что только 2,6% сибирских латышей и 4,8% эстонцев не отмечают календарные народные праздники своего народа.

Крупным календарным народным праздником была Масленица. Ее отмечали обычно в конце февраля. В Латвии в этот день катались с горы на санках – чтобы уродился хороший лен. После этого дня начинали готовиться к встрече весны: чистили хлева, жилые помещения, женщины заканчивали прясть и начинали ткать. В Эстонии Масленица всегда носила развлекательный характер, а магия плодородия, связанная с высаживанием льна, там была на втором плане. Так же, как и в Латвии, повсеместное распространение имело катание на санях или салазках. В Сибири Масленица не получила широкого распространения: этот праздник называли только 3,0% латышей и 1,8% эстонцев, причем в основном люди старшего поколения.

Во время Пасхи в Латвии обязательно соблюдались три ритуала: катались на качелях, чтобы уродился богатый урожай; варили крутые яйца, так как яйцо у латышей, как и у многих других народов, являлось символом жизни и плодородия; хлестались вербными ветками, которые считались живительными и наделяющими здоровьем и плодотворностью. В некоторых районах Латвии в Пасхальное утро перед восходом солнца выходили из дома к какому-нибудь ручейку умываться, чтобы не выступили угри, лишай и веснушки. Аналогичные обряды были также и в Эстонии. В Сибири и латыши и эстонцы варят на Пасху яйца (так же, как и окружающее русскоязычное население), но два других ритуала встречались крайне редко. В целом Пасху отмечают 70,6% латышей Западной Сибири и 65,8% эстонцев, причем этот праздник популярен у представителей всех половозрастных и социально-профессиональных групп.

Юрьев день и у латышей и у эстонцев ознаменовывал начало полевых работ. Конечно, ни латыши, ни эстонцы, живущие в Сибири, ничего не слышали о древних языческих обрядах, связанных с этим праздником (например, в Латвии было принято резать в этот день петуха), но многие пожилые люди отмечают этот день: на это указали 5,2% сибирских латышей и 1,4% эстонцев. Праздник Троицы у латышей еще был известен как праздник лета (*Vasaras svētki*), а у эстонцев – праздник встречи лета (*Suviste pühad*). В Прибалтике в этот день обычно собирают для скота различные весенние травы, а в Сибири украшают дома зелеными березками. У сибирских эстонцев было принято также ходить на кладбище, где они посещали могилы близких. Троицу в Сибири отмечают 54,0% латышей и 54,2% эстонцев.

Самым любимым и популярным народным праздником в Сибири является Янов (или Иванов) день (приложение 5.2). В некоторых бывших прибалтийских колониях его обычно отмечают 24 июня, а в некоторых – 6 июля. У сибирских латышей и эстонцев этот праздник проходит примерно по схожему сценарию. Если в Латвии дома к Янову дню украшают папоротниками, то в Сибири – ветками березы.

По обычаю к празднику должны быть завершены все весенние работы, в доме хозяйка наводит идеальный порядок. В праздничную ночь двери домов не закрывают, готовят угощение – сыр и пиво – для любого, кто зайдет в дом. Любой гость может заглянуть в сундук, в кладовую, в

хлев, и если найдет там беспорядок, смеяться над неряхами и нерадивыми хозяевами будет все село. В праздничную ночь жгут костры, прыгают через них, гадают. У латышей существует множество песен, посвященных Янову дню, каждое четверостишие при этом заканчивается рефреном «лиго, лиго» или «руто, руто», поэтому Янов день иногда называют Лиго.

Несколько иначе проходит Янов день у эстонцев. Они так же, как и на Троицу, ходили на кладбище, качались на качелях, в некоторых районах Эстонии красили яйца. В Сибири эти ритуалы встречаются редко. В отличие от латышей эстонцы на Янов день не варили пива и сыра, а готовили сладости, вареные бобы, квас. Вместо многочисленных Яновых костров, принятых у латышей, эстонцы разжигали один большой костер, связывая несколько берез, и водили вокруг него хороводы. Янов день празднуют 82,8% опрошенных латышей и 86,4% эстонцев.

Не случайно именно к Янову дню приурочены юбилеи большинства бывших прибалтийских колоний, юбилеи которых празднуются в последние годы. Последним из таких юбилеев было празднование 100-летия деревни Бобровки Тарского района Омской области. Но этот праздник наряду с сугубо национальными традициями – опеванием Иванов (Янов) и Яновых костров – нес и немало современных традиций: соревнования гиревиков, выставка-продажа предметов народных промыслов, чествование самых старых жителей деревни и народные гулянья. На юбилее присутствовала делегация посольства Латвийской республики во главе с Л. Власовой.

Последним крупным календарным праздником было Рождество (лат. *ziemas svētki*, эст. *jõulu pühad*). И у латышей и у эстонцев молодые парни и девушки надевали маски и с песнями ходили от дома к дому. Были распространены также гадания. В Сибири эти ритуалы тоже сохранялись до недавнего времени. Рождество отмечают 51,8% сибирских латышей и 36,0% эстонцев. В то же время эстонцы позаимствовали коляды у русских, а рождественский (новогодний) бал-маскарад и обычай дарить зайца – у немцев.

Национальная специфика постепенно исчезает из современной семейной обрядности латышей и эстонцев Западной Сибири. Исчез ряд обрядов, связанных с рождением ребенка: крещение ребенка с последующим выливанием крестильной воды на яблоню или цветочный куст,

оберег ребенка от злых духов и др. Однако до сих пор принято дарить подарки роженице и ребенку.

Свадебный обряд сейчас просто разыгрывают как представление, которое включает некоторые национальные латышские и эстонские традиции – сватовство, задержка свадебного поезда с требованием выкупа, обряд снятия венка с невесты и другие. При этом ритуальные моменты озвучиваются латышским или эстонским языком, но за свадебным столом говорят в основном по-русски. Более устойчив похоронный обряд сибирских латышей и эстонцев. У них по-прежнему на похороны приглашают лишь самых близких родственников, не принято отмечать ни 9 дней, ни 40 дней, поминальная трапеза проходит сразу по возвращении с похорон. Крест на могиле латыши ставят в ногах покойного, а эстонцы – в голове. Однако все чаще при проведении семейных обрядов используются значительно редуцированные аналоги обрядов, бытующих у проживающего рядом русского населения. Интересно, что в деревнях с эстонско-немецким населением в случае смерти верующего-эстонца приглашают немецкого священника (своих у эстонцев нет), но «слово Божье» при этом произносят на русском языке.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующие выводы:

1. Основной тенденцией в развитии этнических процессов в сфере материальной культуры у латышей и эстонцев Западной Сибири является нивелировка этнически значимых черт наряду с сохранением отдельных традиционных элементов в жилище, одежде и в большей степени в пище.

2. В духовной культуре сибирских латышей и эстонцев определяющей является тенденция к размыванию этнически значимых черт в обрядовой культуре и замене утраченных элементов соответствующими русскими элементами, за исключением, вероятно, похоронного обряда и некоторых народных календарных праздников.

Однако, сравнивая национальные формы материальной культуры сибирских латышей и эстонцев между собой, можно заметить существенные различия между данными дисперсными группами. У эстонцев лучше, чем у латышей, сохранилась национальная специфика в одежде и пище, но латыши лучше эстонцев знают свою национальную литературу и чаще посещают клуб. Сохранение национальных черт в жилище, а

также знание народного фольклора и своих календарных праздников у латышей и эстонцев находится примерно на одинаковом уровне. В структуре национально-культурных предпочтений латышей и эстонцев наряду с национальными и русскими песнями и танцами все большее место занимают эстрадные песни и современные танцы.

Заметно, что наряду с утратой традиционных черт в материальной и духовной культуре все большую роль приобретает приобщение выходцев из Прибалтики к общероссийским формам культуры. Более активно этот процесс протекает у латышей Западной Сибири, которые в большей степени, чем эстонцы, утратили национальную специфику в культуре. Решающую роль в этом процессе играет латышская и эстонская молодежь, при этом мужчины – более социально активные, чем женщины. Поэтому тенденция приобщения сибирских латышей и эстонцев к общероссийским формам культуры в последующие годы, вероятно, станет доминирующим у данных национальных групп.

Во второй половине 1980-х гг. усилился интерес научных и культурных кругов государств Прибалтики к своим соотечественникам, живущим в Западной Сибири. Летом 1988 г. в с. Цветнополе Одесского района Омской области побывала съемочная группа киностудии «Таллинфильм» во главе с оператором Тойво Кузьминым. Эстонские кинематографисты сняли документальный фильм об эстонском фольклорном ансамбле с. Цветнополе. Год спустя в этом селе состоялся первый в послевоенной истории Сибири эстонский фольклорный фестиваль «Балтика-89», в котором приняли участие как эстонские, так и латышские коллективы Омской области. Возрождение национальной культуры сибирских эстонцев происходило и в других областях нашего региона. Так, например, в конце 1980-х гг. в деревне Оравке Чановского района Новосибирской области Т. Киви организовала национальную фольклорную группу, а в селе Березовка Первомайского района Томской области под руководством школьного учителя Г.М. Рейле был создан первый в Сибири эстонский этнографический музей.

Более тесные культурные связи со своей этнической родиной существуют у сибирских латышей. В июле 1989 г. в селе Рыжково Крутинского района Омской области на праздник Янова дня приехала делегация из Латвии, в составе которой были участники ансамбля народного танца «Векторс», студенты и преподаватели Рижского политехнического ин-

ститута, представители Латвийского фонда культуры, Народного фронта Латвии и съемочная группа Рижской киностудии. В ноябре 1990 г. в рамках программы «Латыши в Сибири» в Томске состоялись концерты и встречи творческих работников из Латвии с общественностью города.

21 апреля 1990 г. в Риге было основано Общество российских латышей, открывшее свои филиалы в 28 городах СССР, в том числе в Омске и Новосибирске. Кроме того, в 1990-1991 гг. возникли самостоятельные латышские культурные общества в Риге, Москве, Ленинграде, Красноярске, Таллинне, Тарту и Томске.

Задачи Общества российских латышей следующие:

- 1) способствовать объединению латышей и их потомков;
- 2) выявлять латышей и их потомков, живущих в России, устанавливать с ними связь;
- 3) способствовать развитию национальной культуры и благосостоянию российских латышей;
- 4) оказывать содействие российским латышам, желающим вернуться на этническую родину;
- 5) способствовать сохранению национального самосознания, культуры и традиций российских латышей;
- 6) заботиться о сохранении латышского языка в России;
- 7) сотрудничать с теми структурами и организациями, которые поддерживают цели и задачи Общества российских латышей.

Для осуществления этих задач в вышеуказанных городах России, а также в ряде сел с компактным латышским населением были организованы курсы по изучению языка, истории и культуры латышского народа. Кроме того, в 1989–1991 гг. латышские поселения в Сибири часто посещали журналисты, писатели и работники культуры из Латвии.

Ярким событием в культурной жизни Омска стало открытие выставки предметов материальной культуры сибирских латышей и эстонцев в Омском государственном университете. Выступившие на открытии выставки ректор ОмГУ Г.И. Геринг, преподаватели кафедры этнографии и музееведения Н.А. Томилов и И.В. Лоткин отметили большой вклад латышей и эстонцев в культуру нашего края, а фольклорный ансамбль латышского национально-культурного центра «Zvaigznīte» («Звездочка») исполнил песню «Янтарное море» на латышском и русском языках.

Таким образом, процесс возрождения национальной культуры сибирских латышей и эстонцев протекает крайне болезненно. С одной стороны, в Сибири в этот период создаются латышские и эстонские фольклорные коллективы, возрождаются традиционные промыслы прибалтийских переселенцев, возобновляется преподавание их национальных языков, действуют многочисленные латышские, литовские, эстонские и финские национально-культурные центры, восстанавливаются связи с исторической родиной. С другой стороны, модель «шоковой терапии», принятая за основу экономического курса в постперестроечной России, резко ухудшившая материальное положение большинства жителей Сибири, в том числе проживающих в бывших прибалтийских колониях, а также явная запоздалость мер по возрождению традиционной культуры выходцев из Прибалтики тормозят их культурное развитие.

¹ Томилов Н.А. Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири // СЭ. 1978. № 4. С. 18.

² Ядринцев Н.М. Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири // Неделя. 1878. № 3.

³ Sibīrijas Cīņa. 1924. № 9.

⁴ Siberi Tööline. 1921. 23 juul.

Приложение 5.1

ПОЕТ «ВАРАВИКСНЕ»

Еще в древности главными хранителями и носителями фольклора были семья и родственники, знавшие, что, как и когда надо делать в будни и в праздники согласно опыту и обычаям своего народа.

Каждая культура имеет свои «ключевые» слова, формулы, возможно, даже принципы, в которых заложено самое существенное, что часто не выразить словами, и что не видно на поверхности. Фольклор – одно из хранилищ «ключевых» слов. Здесь каждый может найти что-то нужное для себя.

Уже много лет в Бобровском сельском клубе существует, радуя людей своими песнями и танцами, латышский фольклорный ансамбль «Варавиксне» («Радуга»). Наша «Радуга» – постоянная участница всех районных смотров народных талантов, дней города Тары, участница международного фольклорного фестиваля «Балтика-91», дней культуры Тарского района в г. Омске в рамках фестиваля «Душа России» в 1996 году.

Уже в этом году участники фольклорного коллектива побывали с концертами в селах: Курляно-Дубовке, Васиссе, Мартюшево, Ермаковке.

Но не было бы всего этого без наших людей, которые свято хранят, оберегают и передают своим детям лучшее, что есть в латышской культуре. Среди участников фольклорного коллектива можно назвать Н.А. Гидбан, С.К. Янсон, Е.П. Вакенгут, В.В. Гауч, И.П. Ликсна, М.В. Демчук, И.В. Лабецкую, В.К. Шилову, семьи Калнин, Вакенгут, Лея, Бенке. В ансамбле также поют и танцуют дети.

Огромное спасибо хочется сказать милым женщинам, которые основали «Радугу». Это: Мильда Ивановна Лея, Зента Карловна Путц, Лидия Эдуардовна Игнат, Вера Ивановна Жидкова, Алма Ансовна Нездилькина, Мария Августовна Юруш.

Сегодня, в такой богатый событиями год и в честь 100-летия основания латышских поселений хочется, чтобы на страницах газеты отметили этих людей, которые сохранили самобытную латышскую культуру, и дай бог всем им здоровья, счастья и удачи на многие годы.

(Тарское Прииргышьье. 1997. 18 июня).

«ЛИГО»

Одним из самых больших торжеств являются крестины, когда ребенок получает имя и торжественно принимается в свой род. На крестинах до сих пор кумовья чудят, шутят, создавая импровизированную драму, в которой может участвовать каждый.

Не менее значимым семейным торжеством, согласно латышским традициям, является свадьба. На свадьбе два рода совместно едят, пьют, танцуют, поют – гуляют целыми сутками, сначала в доме невесты, потом в доме жениха. Сохранился у нас в селе еще привезенный из Прибалтики ритуал снятия миртового венка (девственности) с невесты и повязывания платка (символа женской доли).

Празднуются также в семьях такие праздники, как Рождество («Зиемас светки») – 25 декабря, Новый Год, Пасха («Лиелдиенас»), Янов день («Лиго») – 23-24 июня.

У каждого праздника свои традиции. Для Янова дня обязательными являются костры, праздничные песни, танцы, хороводы, гадания. Основными угощениями являются: сыр домашний с тмином, пиво, пироги. Все вместе дружно встречают утро Иванова дня (23-24 июня).

Наши предки каждому ритуалу предсказывали магическую силу. Один из элементов ритуала есть круг – символ солнца. Предсказывали, что круг способствует росту и оберегает от неприятностей. Поля, село нужно было обойти кругом и обпеть (аплигот). С кругом сравнивают поворот Солнца в латышских национальных хороводах. Сыр тоже делается круглой формы.

ИВАНОВУ ВЕНКУ предсказываются успех и сила. У венка есть еще одна функция – он оберегает девичью красоту и честь. С венками девушки гадают, чтобы узнать свое будущее.

КОСТРЫ (Яньгунс) – самая большая ритуальная символика. Огонь сравнивается с Солнцем. С давних времен это была борьба между светом и тьмой.

Костер нужно разжечь перед тем как сядет солнце, и костру нужно гореть всю ночь, чтобы освещать поля, тогда у них хватит сил, чтобы вырастить урожай. Огонь отпугивает нечистую силу, высушивает сорняки.

ПРЫГАТЬ ЧЕРЕЗ КОСТЕР (ОГОНЬ) – тоже предсказывает большую силу, очищает человека, делает целомудренней (чистым), оберегает от зла.

Символичным является поиск цветка папоротника, который отправлялись искать в самую полночь.

Символическая примета у воды. В полночь ходили на родник, озеро или речку, черпали родниковую воду на весь год для врачевания, умывались и ходили босиком по воде.

Все, кто приходит на праздник, есть Ивановы дети. У собранной в этот день травы есть тоже своя примета – в это время каждая травинка обладает чудодейственной силой, которая может помочь росту и творению добра.

До Иванова дня нужно окончить многие работы – прополка, вспашка паров.

22 июня – день накануне праздника «Янова дня» – нужно прибраться в доме, выстирать белье, истопить баню.

23 июня – «Залю диена» – травный день. Травами украшают дома, дворы, плетутся венки. Венки вешают на ворота, в избе и смотрят: если венок зеленый, долго не вянет, то долго будешь жить, если быстро вянет – жди неприятностей, а может и смерть.

«Иванова мать» 23 июня печет пироги, накрывает стол, ставит на стол угощение, чтобы встречать «Ивановых детей», то есть гостей.

Всюду слышны в этот день Лиго песни. Они должны звенеть всю ночь. Если «Ивановым детям» (празднующим) не хватает песен, тогда хозяева могут их просмеять.

Традиционная еда в Иванов вечер. Без пива и сыра стол не будет праздничным. Еще принято ставить на стол лепешки из муки грубого помола, масло, пироги с салом, ржаной хлеб, хлебный квас.

Материалы страницы подготовили: О. Вакенгут, заведующая Бобровским сельским клубом; от редакции И. Бергутова.

(Тарское прииргышьье. 1997. 18 июня).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1. Какие традиции домостроения принесли с собой в Сибирь латышские и эстонские крестьяне?
2. В каких сибирских музеях хранятся предметы материальной культуры выходцев из Прибалтики?
3. Основные черты национальной кухни сибирских латышей и эстонцев.
4. Основные хранители фольклорной традиции в прибалтийских деревнях.
5. Какую роль играл клуб в жизни прибалтийских колоний в Сибири?
6. Каковы цели и задачи Общества российских латышей?
7. Вклад латышских, эстонских, литовских и финских национально-культурных центров в возрождение традиционной культуры прибалтийских национальных групп в Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известно, что часть населения Сибири издавна составляли ссыльные. Кроме того, в Сибирь переселялись гонимые малоземельем, нуждой и голодом украинцы, белорусы, чуваша, эстонцы, мордва, поляки, латыши, литовцы, немцы и др. Переселенцы-националы несли в новые места свои сложившиеся национально-бытовые привычки, традиции и особенности хозяйственного уклада, образуя тем самым замкнутые поселения, обособленные в определенной степени от окружающего населения, которые стали называться колониями. Термин «колония» в обозначениях немецких, латышских, эстонских, литовских, частично польских поселений получил широкое распространение в научной литературе, документальных материалах и обыденной жизни и стал выступать в качестве отличительного признака деревень национальных и этнических групп от русских как в Центральной России, так и в Сибири.

Для нас в данном случае представляется важным, что термин «колония» несет двойную смысловую нагрузку – обособленность, близкая к изоляции, и самодостаточность. Однако уже перед Октябрьской революцией прибалтийские колонии стали утрачивать эти черты – их жители все в большей и большей степени стали втягиваться в торгово-экономические отношения с окружающим их (в основном русским) населением. Миграции латышского и эстонского крестьянства в Сибирь определялись социально-экономическими, политическими, демографическими и культурными условиями, в которых находились латышская, эстонская и сибирская деревни.

Социально-экономическая и культурная адаптация прибалтийских переселенцев в Сибирском регионе, несомненно, определялась следующими основными его признаками.

1. Большая территория. Простираясь на несколько тысяч километров с запада на восток и более чем на 2 тысячи километров с севера на юг, заселенная прибалтийскими переселенцами территория современных Омской, Новосибирской, северной части Кемеровской, южной и центральной части Томской областей, центральных и южных районов Крас-

ноярского края, территория Алтайского края, Хакасии и нескольких районов Иркутской области включает в себя степную, лесостепную и лесную зоны, а также таежную подзону. Это стало и позитивным фактором развития прибалтийских колоний (наличие природных ресурсов, разнообразие условий), и негативным (низкая плотность населения, трудности взаимодействия жителей разных колоний, затраты на преодоление больших расстояний).

2. Суровая природа. Сибирь расположена в суровой по природно-климатическим условиям северо-восточной части страны.

3. Контрасты размещения. В одной из наиболее освоенных областей – Омской – доля городского населения составляет 68% (на 1 января 1994 г.), а плотность населения колеблется от 2,6 по северной зоне до 17,2 человек по южной лесостепи и составляет в среднем по области 15,6 человек на 1 квадратный километр.

4. Одномерность. Наиболее развитые в экономическом и культурном отношении районы Западной и Восточной Сибири притиснуты к Транссибирской железнодорожной магистрали. Как и контрасты размещения, это усугубляет негативное воздействие больших расстояний.

5. Сложность территориальной структуры – существование простоты и хаотичности. Здесь господствуют два правила. Во-первых, четко прослеживается закономерность «центр – периферия» – концентрация жизни в городах и падение плотности населения, хозяйственной активности по мере удаления от этих центров. (Наиболее высокая степень социального расслоения и экономического развития была в тех прибалтийских колониях, которые находились вблизи крупных городов или Транссибирской магистрали). Во-вторых, часто отсутствует мезомасштаб: легко различить на территории региона крупные части (макромасштаб), каждый житель колонии хорошо знает район своего обитания (микромасштаб) (не случайно хутор был одним из главных этномаркирующих элементов как у латышей, так и у эстонцев), но части среднего уровня крайне редки.

6. Аспатиальность культуры – появление в Сибири ранее несвойственной для культуры жителей Прибалтики реакции на пространство (сравнительно слабое чувство расстояния, границы, места). Частично это связано с особенностями природы (расстояния слишком велики, природные рубежи не выражены). У прибалтийских колонистов это

проявилось после окончательной ликвидации хуторской системы в конце 1930-х годов.

В истории расселения жителей Прибалтики в Сибири можно выделить следующие этапы миграций.

1. 1802 г.–середина 1880-х годов – ссылка латышей, литовцев, финнов и эстонцев в Сибирь.

2. Начало 1890-х годов–1914 г. – добровольное переселение, часто сопровождаемое обратным возвращением, и ссылка уголовных и политических преступников.

3. 1914–1917 гг. – эвакуация в Сибирь промышленных рабочих и беженцев из прифронтовых зон.

4. 1920–1923 гг. – оптация гражданства прибалтийских государств и Финляндии и выезд в связи с этим в Прибалтику и Финляндию, а также частичная реоптация.

5. 1940–1941 гг. и 1944 г.–конец 1950-х годов – двухсторонние миграции (возвращение в Прибалтику латышей и эстонцев из других районов СССР после вхождения Прибалтики в состав Советского Союза в 1940 г., депортации 14 июня 1941 г., эвакуация латышских и эстонских граждан с частями Красной Армии летом 1941 г. и их возвращение после изгнания оккупантов, а также высылка лиц, боровшихся против советской власти или обвиненных в этом в 1944 г. – начале 1950-х годов, с их последующим возвращением.

При этом особое внимание хотелось бы обратить на «оптационную кампанию» 1920–1923 гг., поскольку она послужила своеобразным водоразделом в истории прибалтийских колоний в Сибири. Очень часто вопрос выбора гражданства (советского или одного из прибалтийских государств) рассматривается исключительно с политической точки зрения. Однако это не совсем верно.

Известно, что в 1920-х годах из Сибири в Прибалтику уехали многие советские, партийные и комсомольские работники, а также демобилизованные красноармейцы. Голод и разруха, топливно-энергетический и финансовый кризисы, наличие в семьях пожилых людей и инвалидов, которым не могла быть оказана квалифицированная медицинская помощь, родственники в Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии, нуждавшиеся в помощи, наконец, просто стремление попасть на родину, которую беженцы империалистической войны не видели 5-6 лет, а уехавшие

в Сибирь добровольно – 10 и более лет, – вот причины, заставлявшие прибалтийских колонистов возвращаться на этническую родину.

В то же время значительная часть прибалтийских колонистов, враждебно или нейтрально-враждебно относящихся к советской власти, не торопилась покинуть Россию. Они вполне адаптировались в новых климатических и социально-экономических условиях, обзавелись крепким хозяйством, а политика НЭПа их вполне устраивала. То есть в оптационной кампании существовал помимо политического еще и ярко выраженный адаптационный характер.

В результате этих переселений в Западной Сибири сложились национальные группы латышей и эстонцев с самобытной материальной и духовной культурой и устойчивым этническим самосознанием (переселившиеся в Сибирь литовцы и финны либо покинули край, в основном в 1920-х годах, либо ассимилировались). Оценочная численность общего числа латышей, литовцев, финнов и эстонцев в Сибири в настоящее время – около 30 тыс. человек.

В настоящее время идет активный процесс взаимодействия и сближения латышей и эстонцев, проживающих в Западной Сибири, с другими народами. Катализатором этого процесса стала кампания по укрупнению колхозов и «неперспективных» деревень, а также миграции иноязычного населения в населенные пункты с прибалтийским населением. При этом в 1960-1980-х гг. латышское и эстонское население Сибири неуклонно сокращалось. Все это создает предпосылки для ассимиляции данных этнодисперсных групп.

Важнейшим «инструментом» этого процесса являются национально-смешанные браки. Уже к началу рассматриваемого периода, то есть во второй половине 1930-х гг., у сибирских латышей произошел прорыв эндогамии этноса. У эстонцев данный процесс начался в 1940-е гг., а к концу 1950-х гг. он стал доминирующим. Главными причинами увеличения числа национально-смешанных браков латышей и эстонцев с представителями других национальностей стали, на наш взгляд, диспропорция полов, возникшая из-за гибели на войне и в результате массовых репрессий 1930–1940-х гг. значительной части мужского населения, а также дружба народов, окрепшая на полях сражений и на тыловых работах.

В дальнейшем, в связи с укрупнением колхозов и миграционным оттоком этот процесс развивался, и в 1981–1985 гг. межнациональные

браки эстонцев Западной Сибири составили 85–90% от всех заключаемых браков, а межнациональные браки сибирских латышей и латгальцев – 90–100%.

При этом отметим, что процесс этнической ассимиляции неразрывно связан с процессами языковой диглосии. Более того, эти процессы взаимодополняют друг друга. Знание русского языка как языка межнационального общения значительно облегчает поиск брачных партнеров среди людей других национальностей, и, в свою очередь, в национально-смешанных семьях и лица, вступившие в брак, овладевают языком мужа (жены), и дети от этих браков овладевают, как правило, доминирующим в данной культурной среде языком, а иногда и двумя языками.

Большинство латышей и эстонцев Сибири сегодня имеют положительные установки на работу в межнациональных коллективах, на национально-смешанные браки и межнациональное общение, контактируя при этом с представителями многих национальностей. Отрицательные установки на межнациональные контакты в основном характерны для людей преклонного возраста с низким уровнем квалификации. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство сибирских латышей и эстонцев успешно адаптировались к иноязычной среде.

Групповая самоидентификация, то есть осознание себя сибирскими латышами и эстонцами, ярко выражена только у 11,2% латышей и 8,5% эстонцев. Характерной чертой сибирских латышей является то, что 25% респондентов осознают себя латгальцами, то есть данная этническая группа латышей сумела и в Сибири сохранить свое субэтническое самосознание.

Некоторый подъем национального самосознания сибирских латышей и эстонцев наблюдался во второй половине 1980-х годов, что во многом было связано с перестроечными процессами в СССР. Однако распад Советского Союза во многом затруднил культурные и личные связи прибалтийской диаспоры Сибири с этнической родиной и существенно затормозил данный процесс. Серьезное влияние на развитие этнического самосознания данных национальных групп, безусловно, окажут дальнейшие события в странах СНГ, а также в прибалтийских государствах.

В 1920–1930-х гг. в сибирской латышской и эстонской деревне активно функционировали национальные школы и другие культурно-просветительные учреждения. В конце 1930-х гг. в результате жестоких

репрессий культурная жизнь прибалтийских поселений на несколько десятилетий оказалась парализованной, начался процесс отмирания латышского и эстонского языков. Лингвист Н. Денисон описал отмирание языка с помощью следующей схемы: А – А // В – В // А – В. Отмирающий язык обозначен символом А, вытесняющий его язык – символом В. Римская цифра указывает на его место в ценностной системе общества.

Первый этап А – монологизм, когда язык достаточно гомогенен для нормального существования. Второй этап А // В – первый период отмирания языка. Это явление сопровождается ростом языковых контактов и лексической атакой вторгающегося языка, а также фонетическими изменениями в отмирающем языке. Третий этап В // А – второй период отмирания языка. Отмирающий язык постепенно вытесняется из бытовой и производственной сферы. В результате этого возникает функциональный моностилизм, при котором язык А употребляется только в домашнем общении. Четвертый этап – это результат отмирания: подмятый язык угас, напоминают о нем в основном топонимы¹.

Латышский и эстонский языки, на наш взгляд, находятся на третьем этапе отмирания. Они уже вытеснены из бытовой и производственной сфер и употребляются главным образом в домашнем общении. Однако подобная ситуация обеспокоила прибалтийское население Западной Сибири: по данным этносоциологического опроса, проведенного автором, 52,6% латышей и 52,5% эстонцев высказались за преподавание в школе родного языка. В конце 1980-х гг. в ряде населенных пунктов возобновилось преподавание эстонского и латышского языков на факультативной основе, но эта мера оказалась запоздалой из-за ослабления географической компактности и значительного уменьшения прибалтийских поселений.

Процесс перехода балтийских национальных групп Сибири к модели «этнографического мультикультурализма» в культурной сфере носил заведомо противоречивый характер. Традиционная духовная культура переселенцев из Прибалтики в 1920-х – 1930-х годах несла в себе черты и зарождавшейся советской культуры и культуры этнической родины дореволюционной эпохи. В условиях жесткого идеологического противостояния с национальными государствами Балтии последнее послужило обоснованием для репрессий значительной части латышских и эстонских культурных кадров в конце 1930-х годов.

Основной тенденцией в развитии этнических процессов в сфере материальной культуры у латышей и эстонцев Западной Сибири является нивелировка этнически значимых черт наряду с сохранением отдельных традиционных элементов в жилище, одежде и в большей степени в пище.

В духовной культуре сибирских латышей и эстонцев определяющей является тенденция к размыванию этнически значимых черт в обрядовой культуре и замене утраченных элементов соответствующими русскими элементами, за исключением, вероятно, похоронного обряда и некоторых народных календарных праздников.

Наряду с утратой традиционных черт в материальной и духовной культуре все большую значимость приобретает приобщение латышей и эстонцев Сибири к общероссийским формам культуры. Решающую роль в этом процессе играют молодежь и специалисты высшей и средней квалификации, удельный вес которых в прибалтийских деревнях постоянно увеличивается. Поэтому эта тенденция в последующие годы, вероятно, станет доминирующей у данных национальных групп.

В конце 1980-х гг. начался процесс возрождения национальной культуры сибирских латышей и эстонцев. В этот период в деревнях, населенных выходцами из Прибалтики, возникли фольклорные коллективы, частично возобновилось преподавание национальных языков, возрождаются традиционные промыслы сибирских латышей и эстонцев (деревообработка, ткачество, пивоварение и пр.), практически во всех крупных городах Сибири действуют латышские, эстонские, литовские и финские культурные центры.

В последние годы населенные пункты с компактным прибалтийским населением переживают трудные времена. Почти во всех сельских районах, где существуют (или существовали) латышские и эстонские колонии, смертность превышает рождаемость, падает уровень жизни, останавливаются предприятия агропромышленного комплекса. Это привело к усилению политизации сибирских латышей и эстонцев. Представителей прибалтийской диаспоры можно встретить и в проправительственных партиях и объединениях, и в левой оппозиции. 24 марта 2002 г. депутатом Законодательного собрания Омской области по Нижнеомскому избирательному округу был избран уроженец деревни Оравки Чановского района Новосибирской области В. Лендикрей. Он стал первым сибирским эстонцем, избранным на такую высокую должность.

На наш взгляд, процесс этнического развития прибалтийских поселенцев Сибири в ближайшие годы будет протекать весьма противоречиво. С одной стороны, дальнейшее сближение этих дисперсных групп с инонациональным окружением приведет к дальнейшему росту числа национально-смешанных браков и частичной ассимиляции данных национальных групп. С другой – наметившееся в последнее время усиление этноцентризма будет, вероятно, продолжаться, и, как следствие, в общественных отношениях у этих групп снизится роль маргиналов – лиц, стоящих вне этнических ценностей. Это можно рассматривать в целом как закономерный и во многом позитивный процесс.

¹ Denison N. Language death or language suicide? // Language death. International journal of the sociology of language. 1977. № 12. P. 13–22.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КО ВСЕМУ КУРСУ

1. Объект и предмет курса «Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность».
2. В чем актуальность изучения истории и культуры малых этнических групп, проживающих в России и за рубежом?
3. Кто из отечественных и зарубежных ученых занимался исследованием прибалтийской диаспоры в Сибири?
4. В чем суть метода М.Н. Колоткина по определению численности малых этнических групп в различные исторические периоды?
5. Какой вклад внесли сибирские историки и этнографы в изучение западных национальных групп Сибири?
6. Какие основные этапы этнической истории прибалтийской диаспоры в Сибири выделяются отечественными и зарубежными исследователями?
7. Основные исторические вехи существования лютеранских колоний в Западной и Восточной Сибири.
8. Особенности добровольного крестьянского переселения из Прибалтики по сравнению с другими регионами России в конце XIX – начале XX вв.
9. Какую роль сыграли прибалтийские колонисты в партизанском и подпольном движении в Сибири в годы Гражданской войны?
10. Причины экономического и культурного прогресса западных национальных меньшинств Сибири в 1920-х – начале 1930-х годов.
11. Когда произошел «прорыв эндогамии этноса» у сибирских латышей и эстонцев?
12. Какие черты в национальном самосознании сибирских латышей и эстонцев схожи и какие различны?
13. В чем заключается культурная и языковая специфика латгалцев в Сибири?
14. Этноязыковые процессы у представителей прибалтийской диаспоры во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов.
15. Что такое свитчинг («смена кода»)?

16. Какие языки оказали наиболее сильное влияние на латышский и эстонский языки в Сибири?

17. Какие элементы традиционной материальной и духовной культуры выходцев из Прибалтики являются наиболее устойчивыми?

18. Какие возрастные и социально-профессиональные группы являются носителями общероссийских форм культуры?

19. Основные цели и задачи латышских, литовских, эстонских и финских культурных центров в Сибири.

20. Причина всплеска национального самосознания у представителей балтийской диаспоры Сибири на рубеже 1980-х – 1990-х годов.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Переселенческое движение из прибалтийских губерний в конце XIX – начале XX вв.
2. Участие прибалтийских колонистов в событиях революции 1917 г. и Гражданской войны.
3. Оптационная кампания 1920–1923 гг. (цели, методы, итоги).
4. Прибалтийская деревня Сибири в годы НЭПа: успехи и проблемы.
5. 1940-е – 1960-е годы: переход от прибалтийских колоний к многонациональным населенным пунктам с прибалтийским населением.
6. Поселение и усадьба прибалтийских колонистов в Сибири (конец XIX – начало XX вв.)
7. Календарная и семейная обрядность жителей Латвии и сибирских латышей (сравнительный анализ).
8. Взаимосвязь хозяйственного уклада и системы питания у сибирских латышей и эстонцев.
9. Периодическая печать Сибири о прибалтийских колонистах (конец XIX – начало XXI вв.).
10. Деятельность латышских, эстонских, литовских и финских национально-культурных центров в Сибири в 1990-х годах.
11. Предметы материальной культуры сибирских латышей и эстонцев в коллекции Музея археологии и этнографии Омского государственного университета.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Основной

- Бейка А.* Латышские секции РКП(б) и РКСМ в Сибири (конец 1919-1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1973. 24 с.
- Вийкберг Ю.* Эстонские языковые островки в Сибири. (Возникновение, изменения, контакты.): Препринт ИЯО-41. АН Эстонской ССР. Отделение общественных наук. Таллин, 1986. 32 с.
- Вийкберг Ю., Раннут М.* Исторический аспект статуса языка (на материале эстонского языка): Препринт ИЯЛ-52. АН Эстонской ССР. Отделение общественных наук. Таллин, 1988. 36 с.
- Виксна Д.* Латышская советская культура в Советском Союзе в 20–30-х годах.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рига: Ин-т истории АН Латвийской ССР, 1967. 26 с.
- Голишева Л.А.* Национальные отделы в Сибири и их деятельность (конец 1919–1923 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. 24 с.
- Голошубин И.* Справочная книга Омской Епархии. Омск: Иртышъ, 1914.
- Грабис Р.* Латышский язык // Языки народов СССР. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. Т. I. С. 466–499.
- Грюнберг В.* Об одной сибирской эстонской газете // Коммунист Эстонии. 1967. № 4. С. 44–51.
- Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.
- Колесников А.Д.* О национальном составе населения Омской области // Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. Омск, 1966. Вып. II. С. 88–104.
- Колоткин М.Н.* Балтийская диаспора Сибири. Новосибирск, 1994. 164 с.
- Лоткин И.В.* Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М.: Изд-во Ин-та антропологии и этнологии РАН, 1996. 256 с.

Маамяги В. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. 200 с.

Майничева А.Ю. Эстонцы в верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. науч.-практ. конф. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Барнаула. пед. ун-та, 2001. С. 80–83.

Малиновский Л.В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1967. Вып. 3. С. 202–213.

Муравская Е.И. Миграция прибалтийского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1986. 115 с.

Раевский В. Латышские секции РКП(б). Рига: Лиесма, 1976. 192 с.

Свитнев А.Б. Поселения и усадьбы латышей и латгальцев Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Омск, 2002 (электронный вариант).

Устинова М.Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. (по материалам городов Латгале и Курземе). М.: Наука, 1980. 167 с.

Дополнительный

Аристэ П., Вяари Э. Прибалтийско-финские языки: Введение // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. Т. III. С. 26–34.

Арутюнян Ю.В. Национально-региональное многообразие советской деревни // Социологические исследования. 1980. № 3. С. 73–81.

Баллод Я. Латыши // Сибирская Советская энциклопедия. М.: Зап.-Сиб. отд-е ОГИЗ, 1932. Т. 3. С. 26–28.

Беберс Я. Расслоение латышского крестьянства накануне коллективизации (1925–1928 гг.) // Вопросы аграрной истории Прибалтики. Рига: Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1982. С. 174–181.

Блинкена А. Язык в условиях межнационального общения // Коммунист Советской Латвии. 1988. № 2. С. 33–36.

Гаупт В. Колония ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа // Русское географическое общество. Записки Сибирского отдела. Иркутск, 1864. № 7. С. 16–31.

Гаупт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа. 1850–1865 гг. // Вторая па-

вятная книга Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. СПб., 1865. С. 58–78.

История Латвийской ССР (с древнейших времен до 1953 г.). Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1955. 621 с.

История Эстонской ССР. Таллин: Ээсти раамат, 1966. Т. 2. 794 с.

Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев в Тюмени и других пунктах в 1885–1895 гг. Тюмень, 1899. Вып. I. 352 с.

Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 588 с.

Такала И.Р. Финны-иммигранты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1998. С. 95–128.

Шаранов Я.Ш. Национальные секции РКП(б). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. 273 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОКРАЩЕНИЯ

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАОО – Государственный архив Омской области
Д. – дело
Л. – лист
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛГУ им. П. Стучки – Латвийский государственный университет им. П. Стучки
МГУ – Московский государственный университет
МЭЭ – Материалы этнографической экспедиции
ОмГУ – Омский государственный университет
Оп. – опись
п. – папка
СЭ – Советская этнография
Ф. – фонд
ЦГА Латвии – Центральный государственный архив Латвии
ЦГА Эстонии – Центральный государственный архив Эстонии
ЦГИА Эстонии – Центральный государственный исторический архив Эстонии

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИБАЛТИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ СИБИРИ РОССИЙСКИМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ УЧЕНЫМИ	10
Приложение 1.1	24
Приложение 1.2	27
Вопросы и задания к главе 1	29
Глава 2. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ В XIX в. – СЕРЕДИНЕ XX в.	30
2.1. Появление первых прибалтийских колонистов в Сибири, расселение и численность их до 1917 г.	30
2.2. Прибалтийские колонисты Сибири в 1917 г. – середине XX в.	46
Приложение 2.1	57
Приложение 2.2	57
Вопросы и задания к главе 2	60
Глава 3. НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫЕ БРАКИ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ У СИБИРСКИХ ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ	61
3.1. Национально-смешанные браки, миграции и типы расселения у сибирских латышей и эстонцев в 1935 г. – конце XX в.	61
3.2. Этническое самосознание и национальные установки сибирс- ких латышей и эстонцев	76
Приложение 3.1	92
Приложение 3.2	92
Вопросы и задания к главе 3	94
Глава 4. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У СИБИРС- КИХ ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ	95
4.1. Функционирование и развитие латышских и эстонских куль- турных институтов в Сибири (XIX в. – первая половина XX в.)	96
4.2. Изменение этноязыковой ситуации у сибирских латышей и эстонцев в середине XIX в. – первой половине XX в.	109
Приложение 4.1	119
Приложение 4.2	120
Вопросы и задания к главе 4	121

Глава 5. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ СИБИРИ.....	122
5.1. Национальные формы материальной культуры у латышей и эстонцев Сибири	122
5.2. Национальные формы духовной культуры у латышей и эстонцев Сибири.....	131
Приложение 5.1.....	143
Приложение 5.2.....	144
Вопросы и задания к главе 5.....	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КО ВСЕМУ КУРСУ	155
ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ.....	157
РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	158
СОКРАЩЕНИЯ	161

Учебно-теоретическое издание

Илья Викторович ЛОТКИН

ПРИБАЛТИЙСКАЯ ДИАСПОРА СИБИРИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Технический редактор *М.В. Быкова*

Редактор *Л.М. Кицина*

Подписано в печать 14.11.03. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 экз. Заказ 656.

*Издательско-полиграфический отдел ОмГУ
644077, г. Омск-77, пр. Мира, 55а, госуниверситет*